Маги и герои
Анна Гурова
Башня Полной Луны

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В Незримую Академию не так то просто поступить, еще сложнее ее закончить. Особенно - если ты симпатичная девушка. Но Имахена преодолела все препятствия. Прилежно изучив целительство, левитацию, боевую магию, экзорцизм, некромантию и даже… науку неразделенной любви. Впрочем, с любовью этой далеко не все ясно. Да и с красавчиком-аспирантом Альвой - тоже. Кто он? Ехидный препод, не дающий расслабиться студенткам, или кое-кто похуже?.. Но Имахена разберется. Ведь не зря же она из обычной девчонки превратилась в профессионального мага, которому любые демоны нипочем.

- АННА ГУРОВА
  - ГЛАВА 1. Первый день в стране демонов
  - ГЛАВА 2. Кто кого поймал?
  - ГЛАВА 3. Незваные попутчики
  - ГЛАВА 4. Долина Луц
  - ГЛАВА 5. Меч святого Чучо
  - ГЛАВА 6. Магия огораживания
  - ГЛАВА 7. Незримая Академия, вступительный экзамен
  - ГЛАВА 8. Сожженная память
  - ГЛАВА 9. Незримая Академия, урок боевой магии
  - ГЛАВА 10. Сердце-гранат
  - ГЛАВА 11.Незримая Академия, урок целительства
  - ГЛАВА 12. Сын луны
  - ГЛАВА 13. Башня Ан-Джезир
  - ГЛАВА 14. Незримая Академия, спецкурс демонологии
  - ГЛАВА 15. Замурованная капилья
  - ГЛАВА16. Рыцарь и венок
  - ГЛАВА 17. Незримая Академия, урок некромантии
  - ГЛАВА 18. Мост над пропастью
  - ГЛАВА 19. Незримая Академия, урок дальновидения
  - ГЛАВА 20. Беличья гора
  - ГЛАВА 21. Башня Полной Луны
  - ГЛАВА 22. Человек или демон?
  - ГЛАВА 23. Что делать с оборотнем?
  - ГЛАВА 24. Застава в горах
  - ГЛАВА 25. Правда и ложь
  - ГЛАВА 26. Демоны Ронги
  - ГЛАВА 27. Ведьмы Ронги
  - ГЛАВА 28. Звериная травля
  - ГЛАВА 29. Посчитать тени

○ ГЛАВА 30. Красный замок, ледяной колодец
○ ЭПИЛОГ

АННА ГУРОВА
Башня Полной Луны

Узником в этой башне, узником я бы остался. (Все окна распахнуты ветру.)

Рафаэль Альберти.

Башня Иснахар

ГЛАВА 1. Первый день в стране демонов

Сходя с корабля в солнечном и пыльном порту Мадинья, не сразу понимаешь, что за черная стена нависает на полнеба над белыми крышами и зелеными полями. Это отгородившие побережье от холодных северных ветров горы Мураби — по крайней мере, есть и от них хоть какая-то польза. Мрачнее этих гор я на свете не видывала. Сама земля тут черная, такие же и скалы. Хвойные леса на склонах угрюмы, словно их иглы напитались чернотой земных соков. И далекие ледяные вершины — как айсберги, плывущие по морю тьмы и кошмаров.

Что там творится, за черной стеной? Уже лет сто, наверно, никто не знает. Местным жителям вполне хватает побережья. И то верно, тут и море с рыбой, и виноградники, и апельсиновые рощи... А что в горах? Чащобы, запустение, призраки. Тысячелетние каменные дороги почти раскрошились от времени. Долины отрезаны друг от друга, как острова в океане. Воистину земля, захваченная демонами. Просто раздолье для таких, как я.

Я неторопливо шла по главной улице Мадиньи, весело глазея на вывески и местных жителей. На лицах встречных, когда они замечали меня, возникало выражение: «Нет! Пусть это мне мерещится!», из-за чего все, независимо от пола и возраста, казались странно похожими друг на друга. Большинство обходили меня по большой дуге. Слабые духом прятались в переулки. Я с удовлетворением констатировала, что дорожный костюмчик подобран удачно.

Нравы в этих краях дикие, за каждым кустом не демоны, так разбойники, а я все-таки путешествую одна. Хотя путеводитель и утверждает, что местное население — чистокровные кастельо, но осторожность не помешает. К женщинам в провинциях отношение примерно такое же, как к покойникам: ведет себя тихо — никому и дела нет, но если наружу вылез — радостно топчем всем миром. Обществу и польза, и развлечение. Женщина тоже должна знать свое место, отведенное ей богами, и место это на кухне. Если она оттуда выбралась куда-нибудь, кроме рынка, значит, пошла против богов — соответственно куда? — к демонам. А демоны, они только и ждут! Конечно, непокрытую голову тут не срубят, как кое-где за морем, но...

Поэтому, чтобы не слишком лезли, нужно правильно одеться. Например, как странствующий воин-мурабит — фанатик-убийца

из одного из монастырей-крепостей, похожих на песчаные ямы хищных пауков, что в пустыне по ту сторону моря. Просторный плащ из бурой шерсти, который одинаково хорошо бережет и от жары, и от ночного холода; на ногах — высокие сапоги на шнуровке; голову трижды обвивает иссиня-черный шарф, закрепленный жгутом поперек лба и спускающийся на спину. Знак статуса (для тех, кто понимает), а также отличная защита от сглаза и удара по голове. И конечно, пара ножей за поясом. Женщина в костюме мурабита повергает местных жителей в глубокий ступор, вызванный безнадежными попытками понять, кто сошел с ума, — девица, окружающий мир или они сами. Но ее уж точно не тронут, от греха подальше. Главное — не встретить настоящего воина-пустынника. Добром он не отстанет, поэтому придется его убить, после чего и на душе будет свербеть, и колдовать тяжелее. Да и труп куда-то надо девать, не всегда его бросишь где попало.

Правда, на приятные знакомства и застольные разговоры в таком наряде сложно рассчитывать.

Солнце начинало склоняться к закату, уже не припекая, а приятно грея. У меня было полно свободного времени. Путешествую я почти всегда по ночам, так спокойнее — когда хищники и демоны выходят на охоту, лучше бодрствовать. На рынке я уже побывала, провизией в дорогу закупилась. Точнее, мне ее подарили. Прямо при входе вручили здоровенную связку сушеных кальмаров, — впятером не съешь, — проблеяв, что денег не надо. «Только уйдите», — добавила я мысленно, покатываясь от хохота. Ну, не надо, так не надо! На одних сосновых шишках, белках, ежах и гадюках (путеводитель утверждает, что более крупной дичи в горах нет) долго не протяну. А деньги мне пригодятся на более важные вещи. Например, хороший прощальный обед и чего-нибудь почитать в дорогу.

На свете не так уж много стоящих удовольствий. Вкусная еда и хорошая книга — одни из самых приятных. Конечно, существуют еще и мужчины... Но в этом вопросе я еще более разборчива, чем в выборе чтения. Сомневаюсь, что во всем этом захудалом городишке нашелся бы хоть один, кто соответствовал моим требованиям.

Улица привела меня на симпатичную небольшую площадь, обсаженную апельсиновыми деревьями, с журчащим фонтаном в центре. Там я обнаружила и книжную лавку, и таверну. Книжная лавка была ближе — значит, начнем с духовной пищи. Честно говоря, я удивилась, что нашла ее так быстро. В Мадинье ее запросто могло вообще не оказаться. Обычно в таком захолустье самое культурное место — как раз местная таверна. А если

книжная лавка и есть, то торгуют там разве что поддельными гороскопами и лубками фривольного содержания.

Однако здешняя лавка сразу же порадовала меня выбором. На прилавке красовалась стопка отлично изданных книг: кожа, переплеты, золоченые названия на кастельо...

Какая приятная неожиданность! Что тут у нас? Новейшая редакция «Дальновидения», которым нас мучили на пятом курсе (не понимаю, кто станет читать этот опус по доброй воле!). Справочник «Демоны: от полуночных до полуденных» — это мне бы пригодилось, но тащить на себе такой толстенный том... А вот более современное: «Красный замок» неизвестного мне магистра и «Восстановленная справедливость» — военные мемуары нашего великого амира Ан-Ясина, в ту далекую пору освободителя, покорителя и окончательного разорителя здешнего края...

— Ого! Печатные!

Я с интересом принялась вертеть в руках новомодную штучку. Раньше я печатных книг не видела, хотя многие поговаривали, что за ними будущее. Продавец, почтенный старец, больше похожий на ученого, чем на торгаша, предавался по этому поводу скорби.

— Увы, книга из произведения искусства становится товаром, безликой ремесленной поделкой! Еще несколько лет, и вот это, — старец брезгливо ткнул пальцем в дешевую кожаную обложку, — окончательно вытеснит рукописные свитки! Сколько искусных переписчиков с прекрасным почерком будут выброшены на улицу!

— Ничего, переучатся на наборщиков, — буркнула я, листая полные кровавых подробностей мемуары.

Как ни печальна участь переписчиков, а читать печатную книгу определенно удобнее, чем рукописную. Не купить ли мемуары в качестве путеводителя? Правда, Ясин восстанавливал тут справедливость сто лет назад, но после него мало что оста... в смысле, изменилось.

Я положила мемуары на место и потянулась к загадочному «Красному замку», но торговец накрыл всю стопку ладонью и поспешно сказал:

— Эти уже отложены!

— Кто-то захапал себе самое интересное, — проворчала я, окинув разочарованным взглядом лавку. — А если я дам двойную цену?

Старец покачал головой.

— А тройную?

Я протянула руку к стопке, выразительно глянув на продавца. Не то чтобы мне уж так нужны были эти книги...

Старик слегка побледнел и бросил косой взгляд на мой

наряд. Я развеселилась.

— Вы что, в самом деле боитесь, что я разгромлю вашу лавку и возьму все, что понравится, даром?

— Э-э...

— Или сложу костер из ваших книг и поджарю вас на нем?

— Когда мурабиты устраивали набеги на наше побережье, они именно так и делали, — буркнул старец. — Вы серьезно рискуете, сударыня, странствуя в наших краях в таком платье!

— Вы же понимаете, что я выбрала это платье не потому, что оно меня стройнит, — кокетливо ответила я. — Да что же вы так вцепились в эти книги, не стану я вас грабить!

Старик незаметно, как ему казалось, перевел дух.

— А что до моего наряда... — Я процитировала любимое изречение амира Ан-Ясина: — Пусть ненавидят, лишь бы боялись!

— Эрудиция... Знание источников, — проворчал торговец, поспешно пряча книги под прилавок, от меня подальше. — Редкостное наха... Простите, бесстрашие... И все это в ком? В женщине!

— В женщине прекрасной, как демон! — уточнила я.

Старика передернуло.

— Вы из Незримой Академии?

— Конечно, — с достоинством подтвердила я. — Откуда же еще?

Старик повернулся ко мне и слегка поклонился. Но смотрел по-прежнему настороженно.

— Вы тут по работе или в отпуске, алима? — спросил он, употребив почтительное обращение, которое применялось только к ученым, врачам и чародеям.

«То-то же»,— подумала я. И ответила почти честно, любуясь выражением паники на лице торговца:

— По работе. Вот сегодня осмотрюсь, а завтра как начну!

— Э.. Гм... — Торговец снова покосился на наряд убийцы. — Какая честь для нас!

Я вздохнула и потупилась.

— Конечно, я бы с куда большим удовольствием проводила время за чтением в тени апельсинов. Но ведь жить на что-то надо... Вот я и подумала — зачем бегать за клиентами? Пусть они сами за мной бегают! Надо только правильно выбрать место.

Торговец хрипло засмеялся.

— Ну, это не про нашу Мадинью! Городок маленький, привержен строгим традициям, да и чародеев тут не любят. Хоть сто лет прошло, а все помнят, что они учинили в горах! К тому же...

Внезапно он оборвал речь, словно ему пережали горло, и

уставился на меня неподвижным взглядом. Так смотрят, когда пытаются вспомнить, где уже видели этого человека раньше... Кажется, в глазах старика мелькнуло узнавание. Но этого быть не может! Я никогда не бывала прежде в этих краях...

Текли секунды, старик все молчал и вглядывался. Что-то мне не понравилось в его молчании. Я заглянула ему в глаза.

И увидела там зубчатую стену цвета высохшей крови.

Время в лавке словно остановилось. Потом старик мигнул, кашлянул и закончил совершенно обычным голосом:

— Одним словом, здесь вам делать нечего. С тоски помрете, алима.

— Здесь — возможно... А там? — Я повела рукой в сторону открытой витрины, где над плоскими крышами и кронами пальм поднималась черная стена гор.

Я сидела за отдельным столиком под полотняным зонтиком возле таверны, а передо мной, еще шкварча, благоухало пряными травами самое знаменитое местное блюдо «рыбьи дети». Выглядело оно, честно говоря, так, что лучше бы на него и вовсе не смотреть, — как побережье после хорошего шторма. Мальки акул, нашинкованные морские змейки, гребешки, кальмарчики, моллюски, крошечные осьминоги — одним словом, все морские гады, какие только водятся в здешних заливах. Все это пожарено на углях с травами, а поверх блестят крупные кристаллы морской соли и капли лимонного сока. Рядом стоял глиняный кувшин с апельсиновым соком — бесплатный. Апельсинов в Мадинье растет столько, что соком можно улицы мыть — дешевле воды обойдется. Не поселиться ли тут, в самом деле?

Ела я медленно, жмурясь от удовольствия. В следующий раз я так пообедаю в лучшем случае через несколько месяцев. А в худшем и более вероятном — вообще никогда. Закончив, снова вытащила зачитанный до дыр путеводитель. В лавке я так ничего и не купила.

«Живописная старинная дорога, мощенная гранитными плитами, создана в дни расцвета легендарной Илиберры, — прочитала я. — Она уводит вас от солнечных пляжей уютной патриархальной Мадиньи в тенистые предгорья, теряясь в таинственных отрогах Мураби...»

Я задумалась, подняв взгляд к горным вершинам, нависавшим над крышами. В каком столетии писали этот путеводитель? Если от этой дороги осталась хоть заросшая тропинка, мне уже повезет...

От раздумий меня отвлек громкий гомон. Я обернулась и с

неудовольствием обнаружила поблизости толпу местных жителей. Толпа была своеобразная, если не сказать, подозрительная — она состояла из одних мужчин, явно недоброжелательно настроенных, и направлялась прямо к моему столику. А как же мой замечательный костюм? Неужели фанатики-мурабиты чем-то подорвали в этом городе свой заслуженный авторитет?

Эх... А я еще даже сока не успела выпить...

Толпа остановилась напротив моего столика и угрожающе умолкла. Вперед выступил тщедушный мужичонка с зычным голосом, видимо, бывший в этом хоре запевалой.

— Куда катится мир? — начал он издалека. — Правосудие, где ты?

«Ау!» — мысленно подхватила я.

— В горах распоясались демоны, на море свирепствуют пираты, а в таверне средь бела дня сидит женщина с непокрытой головой!

Я, слегка удивленная именно этим предлогом, окинула искателей правосудия оценивающим взглядом. По внешнему виду толпа сплошь состояла из тех самых вышеупомянутых пиратов. Некоторые из парней выглядели впечатляюще, я бы даже сказала, грозно. Как и предполагала, ни один из них не оказался в моем вкусе. На самом деле я предпочитаю мужчин, в которых разбойничья внешность и дерзкие замашки сочетаются с академическим образованием, но где же сыскать такой идеал?

Но в самом деле, почему правосудие пришли вершить одни крепкие парни? Где возмущенные старики, женщины и дети?

— А что не так с моей непокрытой головой? — спросила я, встряхивая длинными, ухоженными темно-каштановыми волосами. — Беспокоитесь, что я простужусь? Или у вас есть какие-то возражения против моей прически?

Некоторые из «пиратов» умилительно засмущались. Должно быть, их жены расплетают косы разве что в спальне, и то не факт.

— Уплывай отсюда, ведьма, — грубо сказал самый здоровенный детина, отодвигая запевалу. — Доедай, расплачивайся и сваливай. Хватит тут мутить!

— Я еще сок не допила, — сказала я капризно. — Или... вы угощаете?

И бросила на него взгляд из-под ресниц. Детина покраснел и больше ни слова вымолвить не смог.

Да она издевается над нами! — догадался кто-то в задних рядах.

Но я как раз передумала их дразнить. Этот всплеск народного гнева казался мне все более ненатуральным. Откуда они узнали,

что я чародейка? Вообще, в этом городке подозрительно смелые простолюдины. Торговец, который не захотел отдавать мне книги… И теперь эти парни. Какие нормальные рыбаки станут задираться, раздражая колдунью, тем более одетую так, как я?

Кто же их на меня натравил?

— Давайте обсудим мою прическу потом, — сказала я довольно миролюбиво, высматривая в толпе настоящего главаря этой шайки. — Лучше скажите, чем я вам так не угодила?

— Чем-чем! Нам тут колдунов не надо, — мрачно заявил коренастый «пират» лет сорока, заросший бородой до самых глаз. — Своей нечисти хватает, зачем еще и приезжая?!

— Я дипломированный специалист высокого класса, — ответила я, наливая себе сока. — Другие бы порадовались, что я осчастливила своим прибытием их, прямо скажем, жалкий городишко с отвратительной репутацией….

— Это еще почему?! — раздались возмущенные голоса.|

— Весь ваш край — в черном списке Незримой Академии. Количество демонов и их разновидностей в горах Мураби просто зашкаливает…

— Так все из-за вас! — выкрикнул кто-то. — Из-за колдунов проклятых! Кто демонов разбудил? Кто выпустил?

— Кто выпустил — тот может и назад загнать, — намекнула я.

Но вожак намек проигнорировал.

— Загнать, как же! — ухмыльнулся он. — Кишка тонка! Да и больно вам это надо! Вам, чародеям, на простых людей начхать! Знаем, зачем вы все тут шаритесь! Только и с тобой, ведьма дип-ло-ми-ро-ван-ная, будет то же, что и с остальными. И костей не найдут!

— А вам-то какое дело до моих костей? — удивилась я. — И что я, по-вашему, приехала искать? И кстати, кто «остальные»?

Бородатый на миг смешался. Я отхлебнула сока, очень довольная собой.

— А такое, — рявкнул он сердито, — что ты сейчас встанешь и двинешь прямо в порт. Амирский почтовый отплывет с вечерним приливом, так что если побежишь быстро, то как раз успеешь!

— Если будете меня раздражать, я поселюсь прямо тут, — пригрозила я. — Идите отсюда, дайте даме поесть спокойно.

— Да что с ней спорить! — раздались выкрики. — Она одна, а нас много! Хватаем ее и тащим в порт!

— Не боитесь угрожать чародейке насилием? — искренне удивилась я. — А если я рассержусь?

— Да может, ты и не ведьма вовсе!

— Покажи, на что ты способна!

«Ах вот что», — поняла я. И сказала не без злорадства, которое относилось вовсе не к этим дурням:

— Я и без магии с вами легко разделаюсь. Хотите увидеть, как?

В ответ раздался глумливый хохот.

Я с сожалением посмотрела на кувшин с соком и встала из-за стола, разминая кисти рук.

Одно из самых полезных жизненных правил — никогда не надо себя переделывать. Ни в соответствии со своими вздорными взглядами на то, что хорошо и правильно, ни — тем более — другим в угоду. Надо просто помочь раскрыться тому, что дано тебе богами.

Вот, к примеру, моя лень — отличное свойство натуры. Оно помогает минимизировать усилия. Вся моя магия построена на лени. Если бы лень как основу магии стали изучать в Незримой Академии, это был бы самый популярный предмет!

Но сейчас я не собиралась применять магию. Во-первых, потому что этого-то от меня и хотели. А во-вторых — я действительно могла обойтись без нее.

Когда на первом курсе Академии студенты выбирали факультативы по немагическим боевым искусствам, кто-то записывался на фехтование, кто-то на вырывание сердца голыми руками... Ну а я, в то время жившая по принципу «все не как у людей» и вдобавок будучи изрядной лентяйкой, выбрала Добрый Путь.

Добрый Путь — самое ленивое из единоборств. Оно настолько ленивое, что там даже нет атак. Враг фактически побеждает себя сам, вы ему просто немного помогаете. Чем яростнее было его нападение, тем выше скорость его столкновения с ближайшей твердой поверхностью. Как говаривал наш наставник: «На Добром Пути нет побед и поражений — есть только согласие и умиротворение». Цель борьбы — поскорее умиротворить противника и идти отдыхать.

Надо сказать, поединки мастеров Доброго Пути совершенно незрелищны. В подавляющем большинстве случаев у разочарованных зрителей остается ощущение, что враг упал сам. Мастер же просто стоял. В крайнем случае, отодвигался.

— Ну что, дети мои, — добродушно произнесла я ритуальную фразу: — в Добрый Путь?

«Пираты» настороженно переглянулись.

— Нападайте! Можно кучей, можно поодиночке. Мне без разницы.

Все попятились, кроме бородатого. Он тоже явно не горел

желанием вступить на Добрый Путь первым. Зато у него имелся длинный нож, который он тут же вытащил и принялся им поигрывать.

— Ты бы хоть оружие какое взяла! Вон клинки на поясе, я же вижу...

— И не подумаю. Оружие врага — ваш естественный союзник, — процитировала, внимательно следя за движениями острия. — Позвольте оружию мешать вашему противнику, и вам даже не придется его добивать. Поднявший меч — от меча и умиротворится.

Бородатый насупился.

— Ну, тогда просим не обижаться!

Я, улыбаясь, ждала. Адепт Доброго Пути никогда не нападает первым.

Наконец, вековое презрение к женщинам победило. Бородатый, поколебавшись, шагнул вперед. Остальные рассредоточились, собираясь обойти меня с флангов.

Тут главное — не упустить первое движение. Поймать, встроиться в него... и помочь противнику исцелить душу от гнева. Гнев, как известно, лучше всего лечится болью.

Дальше все произошло, как всегда, очень быстро. Бородатый сделал резкий выпад; я привычно, словно в танце, поймала ритм движений — уклонилась, прижалась к волосатому плечу и завертелась, провожая руку, а также и ее обладателя, в свободный полет...

Через десяток мгновений гнев нападающих был полностью исцелен. Передо мной в обломках столика и осколках посуды, стеная, ворочалось четверо умиротворенных по самое не могу. Остальные поспешно удирали с площади.

— Мир вам и покой! — напутствовала я жалобно стонущих громил. — Ну что вы прямо как дети? Пара вывихов и растяжений, несколько шишек, в которых никто не виноват, кроме вас. За мебель и посуду заплатите сами.

Парни с одуревшими лицами поднимались на ноги. Глаза у них были такие изумленные, словно они только что проснулись и не понимают, как тут очутились. Кстати, это было не так далеко от истины.

Я понаблюдала за ними немного и ушла. У меня на сегодня оставалось еще одно важное дело.

Медитация — неотъемлемая часть Доброго Пути (его адепты — большие мастера в искусстве посидеть, а лучше полежать, с закрытыми глазами). Пообедала, размялась, — теперь самое время успокоиться, очистить сознание и кое-что выяснить.

Я сидела на высокой плоской крыше какого-то общественного здания, в строгой ритуальной позе, лицом на восток. Снизу за мной следила небольшая толпа любопытствующих, ожидая, видимо, каких-нибудь колдовских фокусов. А я наблюдала, как заходящее солнце озаряет хребет Мураби, делая черные горы золотыми... Потом солнце нырнуло в море, и золотое сияние сразу погасло. Горы превратились в глубокую черную тень поперек лилового неба. Вот теперь дневное зрение не будет мне мешать, и можно посмотреть...

Глаза затуманились, губы зашевелились, повторяя строки заклинания... Ну, на самом деле никакое это было не заклинание. Скажем прямо — просто песенка, которую я как-то услышала в студенческие времена на улице. Странная песенка, которая почему-то врезалась в память, и с тех пор лучшего средства, чтобы войти в транс, было не найти.

И с моим заданием она, конечно же, была никак не связана.

— Пойдем же, мой милый, пойдем же со мной, пойдем же со мной.
К невидимой башне под полной луной, под полной луной.
Туда, где кончается путь наш земной, ах, путь наш земной...

Горы становились все ближе, тень — все глубже. Но я вглядывалась в нее, пока слезы не выступили на глазах. И вот...

Черное небо с крупными звездами.

Черные горы, черная земля. Пустошь.

Белые ледники блестят на горизонте. С них дует холодный ветер.

В темноте, в свете месяца — одинокая белая башня. Не слишком высока, однако поднимается над пустошью и хорошо видна с обеих сторон перевала. Вижу два стрельчатых окна, одно над другим чуть наискось. Одно окно темное. В другом — горит свет.

— Там демон таится за каждой стеной, за каждой стеной.
Там души уходят в волшебные сны, в волшебные сны.
А плоть истлевает во рву у стены под башней Луны...

У меня перехватило дыхание. Видение исчезло легче, чем предутренняя дрема.

Но я уже нашла, что искала.

ГЛАВА 2. Кто кого поймал?

Я шла через апельсиновые рощи в сторону гор. Горная громада нависала уже прямо над головой, застилая звезды. В спину дул сильный и теплый, пахнущий йодом ветер с моря. Не скоро мне еще придется вдохнуть этот запах... Путеводитель не обманул — древняя дорога сохранилась неплохо. Я надеялась, что она останется такой хотя бы до предгорий.

Рощи закончились, а с ними и цивилизация. Дорога сразу стала хуже. Каменные плиты, уложенные стык в стык, перекосило и вспучило, некоторые вообще куда-то пропали, и я постоянно спотыкалась, несмотря на отличное ночное зрение. Вокруг был смешанный сосново-пальмовый лес, шумный и трескучий. В темноте дикими и жутковатыми голосами перекликались то ли ночные птицы, то ли бесы. Я снова пожалела, что не уговорила старика в лавке продать мне томище «Демонологии». Похоже, это самая полезная книга в здешних местах. Если не для того, чтоб найти нужные сведения, так на худой конец — чтоб треснуть ею демона по башке!

Впрочем, пока меня никто не тронул. Я даже слежки не чувствовала. После полуночи, когда дорога наконец пошла вверх, а на меня так никто и не покусился, я решила, что слухи о местных демонах сильно преувеличены.

Дорога свернула влево, все круче забирая вверх. Неспешно текли ночные часы, в небе неуловимо сдвигалась звездная карта. Я шла быстрым легким шагом — могла так идти день за днем, не уставая. Это не сложно — научиться отдыхать на ходу. Можно так даже спать. Мерное движение убаюкивает, путь заволакивают тени, шум леса сливается с далеким грохотом прибоя... Теплый соленый ветер дует в лицо... И кажется, что впереди, за пальмовыми листьями, мерцает теплый, манящий огонек. Он приведет тебя домой. И там эта бесконечная дорога наконец закончится.

«Домой? — усмехнулась я грустно и иронично. — Какой еще дом, о чем ты, колдунья? Нет у тебя никакого дома! Нет и не было. Возможно, будет... Шансов, правда, — посмотрим правде в глаза, — почти нет... Но ведь и выбора — тоже!»

Душу охватила легкая, задумчивая печаль. Дом, ишь ты, размечталась! Это слово не из моего лексикона. Мое раннее детство прошло на женской половине огромного, роскошного и холодного дворца великого амира, и то время я вспоминать не любила. Потом я долгое время считала своим домом Незримую Академию. Но рано или поздно дети уходят из дома. Некоторые

— чтобы создать свой собственный...

Спасла меня очередная перекошенная каменная плита. Замечтавшись, я споткнулась и едва удержала равновесие, чтобы не растянуться плашмя, да вдобавок сильно ушибла о камень палец ноги. От боли и обиды разразилась проклятиями и злобно пнула обломок плиты — виновник моего огорчения. Обломок вылетел из своего гнезда... и исчез.

Я застыла с поднятой ногой, чувствуя, что во мне остановилось все, от дыхания до сердцебиения.

Звука падения не было.

Осторожно, очень осторожно я поставила ногу, просканировала окружающее пространство и застонала от досады. Стукнула бы себя по голове, если бы не побоялась потерять равновесие. И начала расплетать чары, слой за слоем снимая морок.

Исчезла дорога, растаял лес... все вокруг таяло, становилось зыбким, меняло очертания. Меня замутило, желудок сжало спазмом, как всегда, когда приходилось работать с магией иллюзий. Хоть бы голова не закружилась — в нынешнем положении это может быть смертельно!

Похолодало и посветлело. Пространство наполнилось лунным сиянием. Я рискнула бросить взгляд под ноги. Желудок подскочил к горлу. Ну конечно! Никакой дороги в помине не было. Я стояла посредине каменной осыпи, в русле пересохшего ручья — точнее, водопада, потому что в паре шагов передо мной осыпь круто срывалась вниз. Вид

на побережье, далекие огоньки в порту Мадиньи и озаренное луной море открывался просто бесподобный. Я представила себе, как делаю еще шаг и лечу вниз — на встречу со всем этим великолепием, — зажала рот руками и кинулась прочь от пропасти, содрогаясь в рвотных спазмах.

Растяпа! Тоже мне, дипломированный специалист! Живое воплощение нравоучительной картины «Куда приводят мечты!»

— Спасибо за прекрасную прогулку! — с чувством сказала я, придя в себя и успокоившись. — Пейзаж действительно впечатляет!

Мне никто не ответил. Но могу даже не сомневаться — меня услышали.

Я сориентировалась по звездам и пошла в обратную сторону по руслу ручья, надеясь отыскать место, где он пересекался с дорогой. Под ногами в лунном свете блестели осколки гранита. Теплый ветер с моря прощальной лаской ворошил волосы на затылке. В темноте отчетливо мерещилось злорадное хихиканье.

До утра я продолжала путь без приключений. Встретила холодный, бледно-розовый рассвет вместе с птицами — и сразу начало клонить в сон. Подождала только, пока высохнет роса, нашла сухое укрытое место в корнях сосны, очертила охранный круг, завернулась в плащ и уснула.

Проснулась я, как всегда, после полудня, перекусила вялеными кальмарами и отправилась искать место, где меня сбили с пути злые духи.

М-да... Место я нашла без труда. Каменный мостик над сухим руслом горной реки. Посередине мостика лежала пожелтевшая от времени рука скелета, нагло указывая костлявым пальцем в сторону пропасти.

Честно говоря, мне стало очень стыдно.

Когда море окончательно скрылось за горами, возникло ощущение, что я перенеслась в другую часть света. Здесь все выглядело совсем не так, как на побережье. Нет, никакой «страны кошмаров» — просто строгий, хмурый, совершенно пустынный горный край. Под высоким серым небом темные кривоватые сосны казались такими же застывшими в вечности, как скалы, на которых они выросли.

Тропинку, в которую давно превратилась дорога, устилала хвоя, она глушила шаги. Тихие, очень тихие места.

Настороженная, выжидающая тишина.

С каждым поворотом открывался вид на новые и новые горные хребты. Но никаких следов человеческого присутствия я не заметила. Путеводитель мельком упоминал, что раньше в предгорьях Мураби существовало множество деревень, городков и даже укрепленных замков, но ничего подобного мне не встретилось даже в виде развалин. Только однажды далеко-далеко увидела на вершине горы дозорную башню. Сердце радостно забилось — неужели она, та, которая явилась мне в видении? Так близко? Но приглядевшись, я увидела, что башня давным-давно разрушена.

Эта земля была совершенно пустой. Даже призраков тут не было.

Ближе к вечеру наткнулась на придорожный алтарь — тоже давно заброшенный. От былой пестроты приношений, подарков, пестрых ленточек, свечек и бумажных цветов остался только серый гранитный столбик с ликом кого-то из богов-хранителей. Обе руки бога, вытянутые перед собой в отвращающем зло жесте, были обломаны — явно намеренно — и валялись тут же среди хвои и шишек.

Сердце сжалось от этого жалкого зрелища. «Ограбили,

изгнали, лишили даже заступничества свыше», — подумала я с возмущением.

Не то чтобы я верила в это самое заступничество. Я-то привыкла полагаться на свои силы. Но что делать тем, кому своих сил не хватает? Молча погибать?

Сама не зная, зачем это делаю, прижала руку к каменному столбику и прошептала несколько слов. Кровь вскипела, между растопыренными пальцами вырвался пар. Когда я отняла руку, в граните навсегда остался оттиск моей ладони.

Этим днем мне удалось забраться очень далеко в горный край. Демоны ни разу меня не побеспокоили. Впрочем, я рассчитывала лицезреть их ночью.

Но на закате меня ждала куда более неожиданная встреча.

Я сидела у костра, ужиная кальмарами и попивая неплохое местное винцо из кожаной фляги, когда увидела среди сосен высокую тень. Тень скользила между стволами, плавно и бесшумно приближаясь. Я быстро прикрутила крышку фляги, чтобы не пролить, когда начнется... Но тут раздался едва слышный хруст — должно быть, веточка сломалась под ногой, — потом звук дыхания.

Ага! Это был не призрак и не демон, а настоящий, живой местный житель.

Худой высокий старик в таком же плаще, как у меня, — то ли сборщик шишек, то ли смолокур, то ли пастух, кто их тут знает, — подошел к костру, вежливо поклонился и заговорил со мной на кастельо, пожелав доброй ночи, как принято в здешних краях. Говорил он учтиво, не как простолюдин.

Нижняя половина его лица была обмотана длинным концом головной повязки, так что на виду оставались только лоб и глаза. В пустынных землях, укрываясь от жгучего ветра, так ходят все — и женщины, и мужчины. Ну, а по эту сторону моря — те, у кого есть причины прятать лицо. В основном разбойники.

Начало неплохое.

На первый взгляд гость был безоружен. Я заметила только обычный нож в кожаных ножнах на поясе. Но это ничего не значило. В складках плаща мурабита можно спрятать хоть двуручный меч.

Я, кстати, вспомнила, что в путеводителе сказано: местные разбойники издавна славятся своей вежливостью и грамотной речью.

Любезно ответив на приветствие гостя, я принялась разглядывать его с большим любопытством. В путеводителе упоминалось, что Ан-Ясин истребил не всех оседлых мурабитов. В горных долинах еще скрывались потомки этого воинственного

племени, правившего краем четыреста лет назад и грабившего его еще триста. Что ж, часть лица, доступная взгляду, подтверждала мое предположение. Блестящие черные глаза под седыми бровями, высокая переносица, острые скулы. Очень бы хотелось взглянуть и на остальное...

Поздоровавшись, старик и не подумал представиться. Меня это не удивило. Скорее даже немного успокоило. Значит, он мне тоже не доверяет. Да и побаивается, похоже. Вот если бы он меня совсем не боялся — это должно было бы насторожить.

— Куда держите путь, алима? — спросил он, не приближаясь к костру. — Может, я подскажу дорогу? Я хорошо знаю эти горы.

Когда старик произнес обращение «алима», я на миг оторопела. Но потом сразу рассмеялась. Ну да. Какая еще женщина полезет в эти горы по доброй воле, да еще в одиночку?

— Садитесь, — пригласила я его к огню. — Угощайтесь, а я пока подумаю над вашим предложением.

Старик молча сел на землю, подогнув под себя левую ногу, небрежно облокотился на правое колено. Его непринужденная поза говорила о многом. Прежде всего, что он в самом деле мурабит — только мурабиты предпочтут сидеть на муравьях и шишках, когда рядом есть удобное, сухое бревно. Я протянула ему фляжку, от которой тот жестом отказался. Другого я и не ожидала. Но кальмара он тоже не взял, а это было уже слегка подозрительно.

На самом деле в его предложении был смысл. И мне не помешал бы проводник из местных. Но вот так довериться первому встречному... Да еще из этого разбойничьего племени... Который вдобавок прячет лицо и не хочет разделить со мной пищу...

Впрочем, что мне мешает для начала просто порасспросить его?

— Где-то в этих горах есть некая башня, — заговорила я. — Белая четырехугольная башня с плоской крышей. Стоит, скорее всего, на перевале. У нее четыре стрельчатых окна, по одному на каждой стороне света. Каждое из них расположено наискось и чуть выше предыдущего...

Старик бросил на меня острый взгляд и долго молчал. Левый глаз его чуть отсвечивал белым. Впрочем, это мог быть отблеск луны.

— Есть такая башня, — сказал он наконец сдержанно. — Там, на севере. Но лучше, алима, вам бы туда не ходить.

— Почему? — живо спросила я.

— Опасно. Там живет демон.

Я насмешливо посмотрела на старика. Тоже мне — напугал

ежа голым задом!

— Этот сильнее прочих! — поспешно добавил гость. — Он подчинил себе многих духов, от побережья до самых ледников. Можно даже сказать, он — амир местных демонов.

— Та-ак... Как он выглядит?

— Да как угодно, — старик окинул меня странным взглядом. — Женщинам он чаще является в виде прекрасного мужчины...

— Ну-ка, ну-ка, интересно! Я бы даже сказала, заманчиво!

— Я сказал — «в виде». Не вам ли, алима, понимать, что облик не имеет значения?

— Ну, смотря какой облик, — пробормотала я.

— То, что под ним, ни в коей мере не интересно и не заманчиво?

— Опять-таки смотря для кого...

— Дело ваше.

— Точно. В крайнем случае, будете потом рассказывать путникам о демоне в облике прекрасной женщины.

Старик покачал головой.

— Вы далеко не первая, госпожа. Немало чародеев и чародеек приходили в эти края за тем же, что и вы. Почти никто не нашел башню Полной Луны. Если же и нашел — не вернулся обратно. Там, на Беличьей горе, за сто лет мно-ого косточек накопилось...

— За тем же, что и я? — спросила я, затаив дыхание. — А зачем я сюда явилась?

— Ну, зачем лицемерить? Мы оба знаем правду.

— И в чем она?

Блестящие глаза превратились в щелки — старик усмехнулся под своей повязкой.

— Послушайтесь доброго совета, поверните назад. Горы полны нечисти. Войска проклятого амира Ан-Ясина вдоволь похозяйничали в краю Мураби, — сказал он таким тоном, словно война закончилась вчера. — Однако он вовсе не пустынный. Многие долины обжиты, на удивленье многие... Вот только люди селятся укрепленными деревнями, никого к себе не пускают и за ограду поодиночке не суются. Вас встретят оружием и огнем, ни еды не продадут, ни помощи не окажут. А в горах — царство демонов. Сто лет назад прекраснее нашего царства не было во всем мире... Но теперь здесь правит тьма. Люди сами ее призвали сюда. Вот что бывает, — добавил он не в тему, — когда в войнах участвуют колдуны.

— Я-то здесь при чем? — возмутилась я. — Да я еще не родилась тогда!

Но старик сурово ответил:

— Вы чародейка. Значит, часть вины и на вас. Зачем вы сюда

явились? За тем же, зачем и остальные. Вынюхивать, грабить, заклинать демонов!

— С первым и вторым пунктами категорически не согласна!

— Тогда зачем?

— А это не ваше дело!

— Не хотите сказать? Значит, ваши цели нечисты.

Я пожала плечами.

— Не тратьте время. Я все равно ничего не скажу, это не моя тайна...

— Вот вы и проговорились, — удовлетворенно произнес старик. — Вам поручили... что? Зачем вам колдовская башня?

— А вам какое дело? — вспылила я.

Но сразу же взяла себя в руки. Никаких эмоций! Гнев — такая же слабость, как страх, — особенно в царстве демонов...

Какое-то время я посидела, насупившись. Потом взяла вяленого кальмара и протянула гостю.

— Угощайтесь. Что же вы ничего не едите?

— Это? — Он посмотрел на кальмара с презрением. — Это еда?

— Они гораздо лучше на вкус, чем с виду.

Он взял явно из вежливости, повертел в пальцах. Пристально посмотрел на меня. И отдал обратно.

Мы еще посидели, молча сидели, глядя, как догорает костер. Небо из лилового окончательно стало черным, горы пропали во мраке.

— Хорошенько подумайте о своих целях, алима, — сказал старик, вставая. — Не свернуть ли назад, пока не поздно?

Я тоже поднялась, затоптала костер и принялась собирать вещи в дорогу. Еще одна причина, почему я предпочитаю путешествовать ночью — в темноте я вижу гораздо лучше, чем днем. Дневное зрение изрядно подорвано чтением. Ночное — для охоты и битвы!

— Благодарю за компанию, — сказала я старику, закидывая поклажу на плечи. — Мне пора идти.

— Я вас провожу.

— Не надо.

Мы уставились друг на друга через чадящее кострище. Я видела, как сверкают удивительно яркие и живые глаза ночного гостя. Но видела и все остальное. Не столь живое.

— Мне не нужен в провожатых мертвец.

Старик усмехнулся и неожиданно схватил меня за руку. Хватка у него была мертвая, прикосновение — ледяное. Я не стала ни отбиваться, ни убегать. Вместо этого я схватила его за другую руку. Левый глаз его в самом деле отсвечивал — но уже

не белым, а красным.

Несколько мгновений мы крепко держали друг друга за запястья, выжидающе глядя друг на друга и пытаясь понять, кто кого поймал.

— Мне нужна твоя кровь! — хрипло сообщил мертвец.

— А мне — твоя память!

Резким движением я вывернула ему запястье ладонью наверх и вгляделась в линии — глубокие, словно трещины. В следующий миг старик вдруг высох, остыл... Ладонь совсем потемнела и сморщилась. Потом побелела. Через мгновение я поняла, что держу за руку скелет, и оттолкнула его. Остов упал в кострище и рассыпался по косточкам. Задыхаясь, я крикнула в темноту:

— Спасибо, что вышел лично меня поприветствовать!

Прозвучало, наверно, не слишком приветливо — аж скулы свело от злости и волнения.

Демон не ответил. Скорее всего, он уже улетел очень далеко отсюда. Как ни быстро одержимый им мертвец распался в прах, а кое-что я все ж успела заметить.

Я отряхнула руку о штаны и отправилась в путь, размышляя о том, что прочитала на его ладони.

ГЛАВА 3. Незваные попутчики

Жизнь — это энергия, и задача целителя — научиться с ней управляться наилучшим образом. От элементарного восстановления сил, через возвращение утраченного равновесия четырех стихий и пяти соков тела, к апогею врачебного искусства — воскрешению мертвых. Девиз факультета целительства: «Смерть — это ненормально» — настолько мне понравился, что я с самого начала приняла его как свое жизненное кредо. В Незримой Академии немало увлекательных дисциплин, и до третьего курса мы успели ознакомиться почти со всеми. Но, избрав целительство, я решила, что все остальное мне не нужно. Боевая магия, предсказания, превращение вещества — истинное и ложное, изысканная и подлая магия иллюзий, изготовление эликсиров и выращивание кристаллов, история и теория высшей магии и многое другое — все это я какое-то время считала лишним и только отвлекающим от Настоящего Дела.

Однако со временем стало понятно: одного целительства катастрофически мало. Странствуя в диких землях, буду исцелять в основном себя — если не сумею себя защитить. Большая часть встреченного зла вовсе не жаждет быть исцеленным. Как раз наоборот — старается причинить максимальный ущерб целителю. Вот тогда я поняла, зачем нам история магии и боевые искусства, дальновидение и левитация. И еще кое-какие предметы, при одном упоминании которых нормальные люди плюют через левое плечо. А именно — некромантия и демонология.

«Зачем тебе лезть в эту дрянь? — спрашивали меня друзья и приятели. — Все нормальные люди стараются держаться от нее как можно дальше, а ты!..» Я отшучивалась в духе «врага надо знать в лицо и со всех других сторон тоже», но дело было не в этом. После подробного изучения истории Мураби я поняла, что даже умения изгонять демонов и допрашивать мертвецов мне будет недостаточно. Если я действительно хочу добиться своей цели, мне надо выяснить, что порождает нечисть, откуда она приходит и чего хочет. Надо видеть закономерности и понимать причины. Иначе со мной будет то же, что и с прочими. Теми, которые ушли в край Мураби и не вернулись.

Сначала возникло ощущение, что дальше идти не надо.

Я сразу остановилась. Предчувствиям лучше доверять — дольше проживешь.

Вокруг стоял все тот же безмолвный сосняк, только где- то робко стрекотала цикада. Тропинка вилась между стволами,

постепенно забираясь в гору. В безмерной вышине сияли звезды. На миг мне захотелось взлететь над горами и оказаться там, среди них, в холоде и тишине — подальше от неведомой опасности. Но только на миг. Я поправила лямки заплечного мешка, плавно подняла перед собой правую руку, растопырила пальцы, впитывая ими ночную прохладу, и открыла на ладони глаз.

Студентами, чтобы натренировать внутреннее зрение, мы рисовали на теле глаза. На руках, на груди — «смотрите сердцем!», на лбу между бровей — «открывайте разум!»; глаза на затылке, естественно... Бывало, я ходила вся глазастая с ног до головы, пугая мирных обывателей столицы. Теперь уже так не делаю — нет необходимости. Внутреннее зрение давно стало куда острее ночного, не говоря уж о дневном. Вот и сейчас — едва повела перед собой раскрытой ладонью, как сразу нащупала скверное, темное место. Шагах в пятнадцати в сторону от тропы, под корнями накренившейся сосны — яма, полная серой хвои. А под ней...

Из ямы донесся отчетливый скребущий звук. Я несколько раз сжала руку в кулак, закрывая внутренний глаз, остановилась так, чтобы другие сосны не загораживали вид, и начала наблюдать.

Хвоя зашевелилась, во все стороны полетел черный песок, что-то тускло блеснуло. Из-под земли возникла железная рука. Несколько мгновений она слепо шарила в воздухе, потом нащупала свисающий корень и схватила его мертвой хваткой. Сосна жалобно скрипнула, качнулась, но выстояла. Рука согнулась в локте, и из ямы, как из трясины, показался острый наконечник шлема.

Я смотрела во все глаза. Зрелище было редкостное: из-под земли выкапывался рыцарь.

Вскоре я уже могла рассмотреть его целиком. Судя по доспехам, это был знатный воин-мурабит. Воин был облачен в кольчугу и остроконечный шлем, лицо закрывала улыбающаяся металлическая маска. Кольчуга потускнела, но не заржавела — должно быть, посеребренная. На груди мертвеца красовалась круглая пластина с золотой чеканкой. Похоже, при жизни воинская карьера у него складывалась неплохо.

Выкопавшись, воин-скелет снова полез в яму и какое-то время деловито там шарил. Добыл полусгнившее копье, которое при попытке выдернуть его из-под корней сломалось прямо у него в руках. Меня это ничуть не огорчило. Практически все оружие времен последней войны зачаровано, а боевая магия никогда не была моей сильной стороной. Ну а если копье даже от гнили и ржавчины заколдовать поленились, значит, оно мне, как

чародейке, никакой опасности не представляет.

Мертвый рыцарь, похоже, рассудил так же, потому что отбросил обломки копья и снова полез в яму. На этот раз он копался там дольше, пока не выудил лук в почерневшем чехле. Тут я подошла поближе. Попасть он в меня все равно не попадет, даже с десяти шагов, — отведу глаза, — да и тетива наверняка давно сгнила, а сколько стоит хороший лук, я примерно знала. Тем более такой — короткий, круто изогнутый, лакированный, с костяными накладками и, кажется, во вполне продажном состоянии... Рассмотреть его получше я не успела — рыцарь убрал лук в налуч, повесил за спину, нагнулся, а когда выпрямился, в руке у него виднелась ржавая булава.

— Значит, вооружился? — спросила я. — Щит и меч для полного комплекта?

Мертвый воин молча шагнул в мою сторону. Неся на себе столько железа, он двигался почти бесшумно, прямо как гвардейцы великого амира. Пока я прикидывала, что из его вооружения мне пригодится и стоит ли тащить через горы лук, пусть даже дорогущий, он вышел на тропинку и перегородил мне путь.

— Посторонись-ка, умертвие, — попросила я кротко.

Мертвец шагнул в сторону, пропуская меня.

Я прошла от него в двух шагах. Все семь глаз были распахнуты, все шесть чувств — наготове. Нет, к бесам лук, все равно наверняка подгнил, и здесь, в горах, его точно никто не купит...

Странно. Мертвец в спину не ударил и таким образом ненадолго продлил свое загробное существование.

Я резко обернулась — он тоже застыл шагах в пяти, словно оруженосец. Я протянула руку и напоказ сложила пальцы в знак, которым изгоняют неживое, — очень удобно и быстро, только не когда нападают толпой. Мертвец даже не вздрогнул — стоял как ни в чем не бывало, только серебряная маска улыбалась. Я отчетливо видела за красиво вырезанными в металле веками пустые глазницы черепа, полные черного песка.

Какое-то время я стояла на тропинке, выжидая. Почему не нападает?

Конечно, я легко могла бы загнать древнего паладина обратно в яму под корни. Но смысл — если он мне не угрожает? Что ему вообще от меня надо?

— Ну, посмотрим, — пробормотала я, когда топтаться на месте стало совсем уж глупо, и пошла дальше.

Тропа вилась себе между сосен. Позади слышались мягкие шаги и слабое позвякивание кольчуги. Конечно, я ни на миг не

выпускала его из внимания. С этими покойниками только расслабься... Но этот действительно был странный. Шел себе за мной и шел, словно надоедливый поклонник. Нет, не стану загонять его в землю, пока не выясню, почему он ко мне привязался.

Постепенно я немного расслабилась и даже начала прикидывать, что это по-своему удобно — когда вешалка для трофеев идет за тобой сама…

От мечтаний меня снова оторвали скребущие звуки.

— Так, — протянула я, глядя на вздрагивающую кучу бурелома. — Кто на этот раз?

Куча затрещала и провалилась внутрь самой себя. Над прелью и гнилью вынырнул череп с длинными зубастыми челюстями. Я вскинула руку со сплетенными пальцами, готовясь ударить.

Но через мгновение опустила ее и хмыкнула.

— Да это уже настоящий бродячий цирк!

Обладатель челюстей выкопался из земляной норы, встряхнулся, подбежал к скелету рыцаря и смирно сел, словно пес по команде «к ноге». То есть мне хотелось думать, что при жизни это была именно собака. Потому что таких больших и зубастых четвероногих скелетов я раньше не видела. А если вспомнить путеводитель, ни на беличий, ни на ежиный этот остов тоже не походил.

— Ты тоже собираешься за мной тащиться?

Мертвая псина приветливо повиляла хвостовыми позвонками.

Я пожала плечами и отправилась дальше. К шагам и звяканью железа за спиной прибавился цокот когтей.

Так мы и шли — довольно долго. Тропа круто пошла вверх. Налетел ветер, разметал облака, небо посветлело и вызвездило, сосны расступились. Я взобралась на россыпь валунов, оглядываясь. Со всех сторон, куда ни глянь, серебрились леса. Только на севере кольцом вдоль всего горизонта белели снежные вершины. Дальше моя дорога уходила вниз в щелевидную долину, темную и узкую. Под валунами поблескивали доспехи — там терпеливо ждала моя чудная свита. Я по непонятной причине вдруг порадовалась, что они идут со мной. И только вернувшись на тропу, поняла, в чем дело.

Мне очень не хотелось спускаться туда одной.

После осыпи тропинка так резко нырнула в сосняк, что на какое-то время я забыла о мертвецах, сосредоточившись на том, чтобы не подвернуть ногу. Но выбравшись на более-менее ровное

место, спохватилась, что не слышу позади уже привычного бряканья и цоканья. Отстали, что ли?

И тут в ладонях возник противный холодный зуд. Щекотка быстро усиливалась, нарастало и ощущение опасности. Я не раздумывая распахнула все внутренние глаза, но никого не заметила, ни рядом, ни в отдалении. Только обычным ночным зрением увидела своего мертвого рыцаря и его псину — они стояли шагах в десяти и пристально смотрели куда-то в лес. Я поспешно уставилась в том же направлении, но внутреннее зрение уверяло, что лес девственно чист от любой нежити.

Только почему-то я ему не очень верила. Ощущение тревоги нарастало. Зуд в руках перешел в мелкую дрожь, и я закрыла глаза на ладонях — толку от них все равно не было. Зашумели сосны, словно ветер пробежал по кронам.

— Ну, кто будет следующий? — с нервным смешком спросила я. — Рыцарь у меня уже есть, пес тоже... Сокол? Верный конь?

Я покосилась на рыцаря, и меня словно холодной водой окатило — он деловито расчехлял лук. Вытащил из налуча вощеный кожаный мешочек, достал оттуда новую тетиву взамен сгнившей. Действия ловкие, четкие, — сноровки не утратил с тех пор, как был жив. Натянув тетиву, наложил стрелу и прицелился в темноту.

Собака стояла рядом с ним, вытянувшись в струнку; и неподвижным взглядом смотрела в лес.

Внезапно меня затрясло. Ощущение быстро приближающейся угрозы — смертельной! — стало нестерпимым...

Я закрыла все глаза и принялась глубоко и медленно дышать, делая паузы после каждого вдоха и выдоха, стараясь отстраниться телом и разумом от подступающего ужаса. Панику надо остановить любой ценой, иначе — верная гибель. Вдох — усилием воли разгладилась гримаса на перекошенном лице... Выдох — разжались стиснутые кулаки... Вдох — сердце бьется спокойно и ровно... «Оно близко! Беги, беги!!!» Выдох, вдох, еще выдох... Да что за дрянь?! Руки наконец перестали трястись. Но ледяная щекотка расползалась под кожей, проступала очагами, пятнами, как лишай. Чешется лоб, ломит затылок, холод растекается по груди...

«Да ведь кто-то закрыл мне все внутреннее зрение!!!»

Я распахнула глаза и обычным ночным зрением увидела — кто.

По склону горы к тропинке приближалась тень. Высокая, тощая, человека она не напоминала нисколько и передвигалась огромными бесшумными скачками.

Прежде чем я успела что-то сделать, рядом щелкнула тетива

— рыцарь выпустил стрелу. Тень метнулась вбок, взвилась в воздух... и пропала. Я не увидела и не услышала, чтобы она где-то приземлилась.

Рыцарь плавным движением достал новую стрелу и опять прицелился в темноту. Куда?! Где эта тварь? Если я ее не вижу, может, он видит?

Нет, рыцарь тоже не видел ее. И даже не пытался разглядеть. Он и не смотрел наверх. Он... Ах, вот в чем дело... Он следил за собакой!

Мертвая псина водила носом. Она тоже не видела — но чуяла. Вот она встрепенулась, вскинула морду к небу... Я тоже взглянула наверх — черная тень бесшумно падала прямо на нас!

Мы с рыцарем выстрелили одновременно. Мгновение бы помедлили — и она бы приземлилась нам на головы. Щелкнула тетива, свистнула стрела. Я выбросила руку, посылая наверх простой и мощный огненный пульсар. Как говаривал мэтр Тиего, наш препод по боевой магии: «Усвойте хотя бы один примитивный прием, салабоны, — всего один, но на отлично! Может, он-то вас и спасет...»

Бытует мнение, что все маги умеют метать огонь из руки. Это несколько неграмотное описание того, что мы делаем. Не успел подключиться рассудок, а в руке уже заполыхал сгусток жара. Ладонь на миг стала нестерпимо горячей, словно вся сила собралась в одной точке — а потом пружина разжалась, и враг горит, или корчится, или просто отлетел шагов на десять — смотря кто он... Не совсем обделенные внутренним зрением простые смертные видят этот импульс силы как выплеск огня.

Невидимое пламя рванулось в небо вместе со стрелой. Тень отозвалась резким злобным криком. Кто-то из нас попал! Потом что-то низко, зловеще загудело. Хлестнул удар, раздался треск — аж дерево согнулось. Длинная хвостатая тень промелькнула в небе и исчезла. На головы нам посыпались шишки и какой-то сор.

— А-а-а!!! — заорала я. — Мы ее ранили! Ура!

Собственно, на этом битва и завершилась. Преследовать в незнакомом ночном лесу неизвестное существо, которое не отслеживается магией, дело совершенно бесполезное. Собака, умчавшаяся было в лес, вскоре вернулась, села у ног рыцаря и принялась выкусывать из бедренной кости невидимых блох. Судя по ее поведению, существо улетело — или упрыгало — уже далеко. Рыцарь принялся спокойно убирать лук.

Меня начал бить запоздалый озноб. Но одновременно — распирало от гордости! Впервые в жизни применила пульсар не на тренировке, а в настоящих боевых условиях! Теперь лучше бы отдохнуть. Я ведь не боевой маг. Такие резкие выплески силы

могут дорого мне обойтись. Но первым делом надо убраться отсюда подальше — из этой долины, такой удобной для засад и ловушек.

— Ну что, бойцы? — обратилась я к моим скелетам. — Чего ждем?

Парочка стояла как вкопанная. Псина увидела, что я на нее смотрю, и поскребла лапой землю. Я подошла к ней, нагнулась, почти уткнувшись носом в землю, и наконец разглядела, на что она намекает. Оказывается, мы стояли на перекрестке, который я миновала, не заметив. И неудивительно. Наша тропа шла дальше в долину. Пересекающая ее другая, давно заросшая и едва заметная, вела куда-то вверх по склону.

— Думаете, стоит пойти туда? — подумала я вслух.

Собака завиляла хвостом. Рыцарь кивнул.

Конечно, правильнее было бы наплевать на намеки двух скелетов, от которых по определению ничего хорошего ждать не приходилось. Но они только что помогли мне прогнать неведомую тварь, а уходившая наверх тропинка не выглядела угрожающей. Наоборот — показалась вполне симпатичной. Прямо-таки манящей...

ГЛАВА 4. Долина Луц

К утру я еле волочила ноги. Ночной прыгун не выходил из мыслей, и, сколько я себе ни внушала, что он убрался в другую сторону, все равно хотелось с максимальной скоростью двигаться в противоположном направлении. Хотя идти было легко — перевалив через невысокий хребет, тропа пошла все вниз да вниз, сперва среди каменных россыпей, потом мерцающими от росы лугами. Лес остался позади, горные кряжи расступились — мы очутились в просторной долине. Теперь вместо сосен по обеим сторонам тропы ровными рядами темнели корявые деревца с серебристой листвой — оливы. Выглядели они запущенными и одичавшими. Но ведь когда-то их сажали люди. Потом в воздухе слабо, но отчетливо потянуло овечьим пометом и дымом. «А давешний старик-то не соврал, — подумала я. — Тут где-то в самом деле живут люди!»

Не то чтобы они мне были особенно нужны. В моем путешествии местные жители скорее помеха. Но я решила — гляну из любопытства, как они тут живут. Точнее, выживают. Кроме того, неплохо было бы постирать одежду, вымыться самой и разнообразить кальмаровое меню хотя бы овечьим сыром. На третий день питания одними морепродуктами я уже где-то начала понимать старика-демона с его «это — еда?!».

Тропинка понемногу превратилась в дорогу. Видно было, что по ней перегоняли стада. По сторонам желтели поля. В оливковых рощах что-то смутно белело. Подойдя поближе, я увидела несколько разрушенных домов — только стены без крыш. Должно быть, заброшенные выселки. В одном из них я обнаружила целую коллекцию скелетов. Точнее, они сами при виде меня заинтересованно высунулись из окон и дверного проема.

— И вы за мной хотите пойти?! — ужаснулась я, представив волокущуюся за мной толпу костей. — Нет, хватит! У меня уже двое есть!

К счастью — для них, — скелеты то ли послушались меня, то ли передумали сами. Проводив меня загадочными пустыми взглядами, они взялись за руки и принялись водить хоровод на полянке у дома. Два скелета оторвали череп у третьего и начали им перекидываться. Я с нервным хохотом поспешила убраться оттуда подальше.

Небо над горами начало розоветь. Близился рассвет. В какой-то момент я поймала себя на том, что жду очередных подходящих развалин, чтобы пинками выгнать оттуда скелетов, рухнуть на пол и беспробудно уснуть.

А эти два комплекта костей будут тем временем охранять мой сон?

Конечно, они помогли мне в битве с прыгуном... Если только не были с ним в сговоре...

— Эй вы! — обратилась я к непрошеной свите. — Идите-ка отсюда, обратно к себе в лес! Видите — скоро солнце взойдет! Пора баиньки! В уютные могилки, спать!

Рыцарь мое предложение проигнорировал. Собака села рядом с ним и со скрежетом почесала позвоночник задней костью. Я не на шутку разозлилась — в основном потому, что они не давали мне спокойно заняться ночлегом.

— Не хотите сами, придется вас убаюкать!

Я опустилась на корточки рядом с собакой, зорко следя за ее зубищами, коснулась указательным и безымянным пальцами ее теменной кости и принялась тихо напевать колыбельную. Колыбельная была самая обычная, но тут важно не что именно поешь, а что в это время делаешь. Песня же для настройки, как те нарисованные глаза. Псина сразу как-то ослабела, опустила хвост и неловко легла на пузо, подогнув лапы.

— В землю, в землю, — приговаривала я, чувствуя, как что-то начинает мне активно сопротивляться. Что это за сила? Точнее — чья же это воля?! Моя голова словно сама собой повернулась влево, но что там, за рощами, я разглядеть не могла.

— Спи... с миром!

Осталось только убрать пальцы. В этот миг собака последним усилием приподнялась и положила голову мне на колени. Мне даже послышался печальный вздох. Может, это просто пролетел ветерок. Но жест вышел такой доверчивый, что я сразу сломалась.

— Чтоб вы сдохли! — нелогично пожелала я, обрывая волшбу. — Хотите — тащитесь за мной дальше!

Собака тут же вскочила и запрыгала вокруг меня, радостно виляя хвостом и звонко лязгая жуткими зубами. Видимо, это означало лай. Или вой — если это при жизни был все-таки волк.

Спать я так и не легла. Решила пройти еще немного и подождать, хотя бы когда взойдет солнце. И посмотреть, как мои умертвия будут вести себя при нем.

Но, обойдя рощу, я увидела перед собой деревню.

Меня уже ждали. Будь сейчас день, я бы предположила, что местные заметили нашу компанию, когда мы вышли из леса и спускались с горы. Однако чтобы разглядеть нас при свете звезд, понадобилась бы недоступная смертным зоркость. Но эту загадку я отложила на потом. Пока передо мной высилась беленая стена в полтора человеческих роста, ощетинившаяся кольями, с

частоколом поверху. Это была уже не просто деревня, а настоящая крепость, выстроенная, может, и не с большим искусством, но очень старательно.

Над стеной торчали бледные лица и блестели наконечники копий. В предрассветной синеве полыхающие факелы отбрасывали на белый камень причудливые тени. Изнутри доносились возгласы и звуки беспорядочной беготни. Я постояла, любуясь игрой теней. А также крепкими воротами, украшенными изображением типичной кривой мурабитской сабли с загнутым оголовьем и витиеватой надписью на старом кастельо:

«Нечисти путь закрыт! Меч святого Чучо защитит нас!»

Гм... Никогда не слыхала о таком святом. В сочетании с подозрительным рисунком невольно возникал вопрос, кого и от кого должен защищать его меч.

Между тем народу на стене собиралось все больше. Решив, что зал полон, я подошла поближе и остановилась прямо под воротами. Налетевший с гор порыв ветра накидал мне песка в лицо и взлохматил волосы так, что я сама себя бы испугалась. Пожелай я нарочно нагнать на них страху, лучше бы не получилось.

— Доброе утро, мирные селяне! — каркнула я хрипло, сплевывая песок. — Взываю к вашему гостеприимству!

— Уходи, нечисть! — раздался со стены ответный нестройный вопль.

— Это что, местная традиция — держать гостя на пороге? И с чего это сразу — «нечисть»?

— А кто? Ворота закрыты, и не проси — не отопрем! Думаешь, на дураков напала?

Я хмыкнула. Самое главное о демонах эти селяне все же усвоили. И неудивительно — иначе давно уже водили бы хороводы вокруг развалин своих же домов. Никакая нечисть не войдет — ни в дом, ни в душу — без приглашения.

Тогда зачем эти баррикады? От кого они? Можно подумать, лесные демоны полезут на стены и будут брать деревушку штурмом!

Я задумчиво посмотрела на ворота. Не то чтобы мне очень хотелось заночевать в этом укрепленном поселке. Даже если впустят, все равно спать не дадут. Замучают глупыми вопросами, а потом пырнут во сне заговоренным ножиком. А как соблазнительно завернуться в одеяло где-нибудь в оливковой рощице и хорошенько выспаться под веселый стук костей...

И не узнать, почему изображение меча на воротах светится в темноте...

— Что ж, не хотите пускать — воля ваша, — сказала я

миролюбиво. — Я не настаиваю. А как насчет продать мне немного еды? Сыра, хлеба...

— Зачем нежити сыр? — резонно ответили со стены. — Кончай заговаривать нам зубы! Вот сейчас взойдет солнце, и станешь дымом!

Я зевнула и сказала, поворачиваясь к роще:

— Как скажете. Счастливо оставаться!

В этот момент кое-что в самом деле стало дымом. Раздался раздирающий уши визг железа. Створка ворот передо мной отломилась с петель и с грохотом обрушилась на землю. В воздух взметнулась туча пыли. В проломе сквозь пыль видны в панике удирающие селяне.

Я тоже удивилась. Вопросительно взглянула на мертвого рыцаря.

— Твоя работа?

Тот развел руками.

— Вот и я ничего не понимаю! Но раз уж дверь открыта...

Подождав, пока осядет пыль, я вошла внутрь. Рыцарю с собакой велела я остаться снаружи, чтобы не запугать крестьян окончательно. На отвалившейся створке, постепенно угасая, слабо светилась половина меча. Надо думать, как только взойдет солнце, необходимость в защите отпадет, и он погаснет — до следующей ночи.

От ворот тянулась мощеная улица вдоль глухих белых стен построенных впритык один к другому домишек. Окна и галереи, закрытые деревянными решетками, имелись только на вторых этажах, из-за тяжелых ставен за мной следили перепуганные глаза. Да это не деревня, а настоящий городок! Когда-то был...

Я кое-как стряхнула с одежды каменную крошку и, приглаживая на ходу растрепавшиеся волосы, отправилась искать постоялый двор.

Несмотря на предрассветный час, таверна была полна народу. Как я и предполагала, большинство защитников спрятались именно там. Теперь отважные селяне жались по стенкам, разрываясь между страхом и любопытством, и неприкрыто надеялись, что я развеюсь с первыми лучами солнца. Нечасто Зло вторгается прямо в дом, да еще и нагло сидит за столом, с урчанием поедая жаркое из кролика с травами и кореньями и приговаривая при этом: «Наконец-то настоящая пища!»

Забавно — на мой зловещий наряд никто даже не обратил внимания. Да и странствующая в одиночку женщина никого особо не поразила. Больше всего селян потряс сам факт появления «снаружи» — оттуда, с гор — живого человека.

И естественно, в его человеческой сущности имелись глубочайшие сомнения.

— Алима, молвите еще раз — вы не демон? — раздался робкий голос местного старосты.

Я покивала, разжевывая кусок крольчатины. Даже отравить меня не попытались. Жалкие трусы!

— «Да, не демон» или «да, демон»?!

Я отрицательно помотала головой.

В толпе у дверей послышалось испуганное бормотание.

— Нас защищает меч святого Чучо! — напомнил лысый старикашка, судя по наряду, местный жрец.

Староста бросил на меня подозрительный взгляд.

— Что привело вас в долину Луц, алима?

— Шла мимо и решила отдохнуть в вашей деревне, — отрезала я, собирая корочкой подливку. — Ваша задача, уважаемые, — обеспечить мне достойный отдых. Во-первых, мне нужно где-то остановиться. Вымыться, выспаться, собрать еды в дорогу. Можно еще одежду постирать, а то я который день на голой земле ночую. Точнее, посыпанной колючками... Ну что вы так на меня смотрите, будто я сейчас доем кролика и примусь за вас?

Селяне отвечали угрюмым молчанием. Жрец тайком сделал отвращающий зло знак. Мне даже неловко стало за его невежество. А еще представитель духовного сословия, призванного нести людям свет знания...

— Страх убивает разум! — сказала я укоризненно. — Иными словами, вы так перетрусили, что совершенно одурели. Ну-ка! Соберитесь и взгляните страху в лицо!

— Уже глядим, — мрачно сказал староста.

— Прельстительное и соблазнительное обличье! — подхалимски добавил жрец.

— Спасибо на добром слове, — хмыкнула я. — Но я вообще-то имела в виду не себя. Если кто-то все еще принимает меня за демона — ему же хуже. Не надо усматривать чудовищ там, где их нет. Так у кого я сегодня ночую?

Ответом была гостеприимная тишина. Потом у дверей снова началось шушуканье, и вперед выступил жрец.

— Госпожа, — опустив глаза, сказал он. — Предания старины гласят, что демоны ничего на свете не боятся так, как раскаленного железа, особенно политого святой водой. Тут у нас как раз неподалеку есть кузня...

— Гласят, — подтвердила я зловеще. — А еще люди говорят, что у ведьм сзади хвост! Проверить не желаете?

— Ну зачем же, — засмущался староста, бросив на жреца

свирепый взгляд. — Экая важность — хвост! Да хоть бы и был! К нам тут такое иной раз по ночам лезет, что каким- то хвостом никого не напугаешь!

— Очень разумный подход.

— Однако, — продолжал он, комкая в руке шапку, — как же нам не бояться? Лезть-то оно лезет, но внутрь пока ни разу не забиралось и ворот не ломало!

Я встала из-за стола, вытирая руки о полотенце. Селяне от страха чуть не вросли в стенки таверны.

— Ну проверите вы меня. Допустим, я демон. И дальше что? Я ведь уже внутри!

— Меч святого Чучо... — начал жрец.

— Вот, кстати, об этом мече... Мне бы очень хотелось взглянуть на вашу главную достопримечательность, иначе я не смогу заснуть от любопытства. Ведь я права, и этот меч существует не только в виде картинки на воротах?

Все дружно закивали.

— Так проводите меня туда, где он хранится. Если рядом с вашим знаменитым святым мечом я не распадусь в зловонный черный прах, значит, я живой человек, и мне наконец дадут поспать!

Жрец заколебался. Ему явно не очень-то хотелось подпускать меня к местной святыне. Но еще сильнее он боялся за свой авторитет.

Присутствующим селянам идея посмотреть, как я буду превращаться в черный прах, наоборот, очень понравилась.

— Никакая нечисть не выдержит сияния святого меча! — пафосно воскликнул жрец, уловив общее настроение. — Идем!

ГЛАВА 5. Меч святого Чучо

Я надеялась, что мы пойдем смотреть меч втроем, но за нами увязалось все местное население, включая женщин и детей. Я насчитала человек пятьдесят. Не так уж и много для городка. Даже для деревни. Наверняка на той красивой улочке, что ведет от ворот, половина домов стоят пустые.

Местный храм, капилья, оказался совсем маленьким и темным. Но только до тех пор, пока мы не вошли внутрь.

Я вдохнула привычные запахи пыли и цветочного воска — и зажмурилась, словно мне в глаза попал солнечный зайчик.

Вокруг почему-то сильно пахло розами, хотя сейчас им был не сезон. Я приоткрыла глаза. В середине храма возвышался каменный алтарь, украшенный живыми цветами. А на алтаре, наполняя светом весь храм, лежал водянисто блистающий меч.

Пятна света пробегали по клинку, дрожали на нем — так лучи солнца падают сквозь бегущие облака или сквозь кроны качающихся деревьев. Хотя предутренний свет едва сочился в оконца под самым потолком.I

Я застыла, как пораженная пульсаром. Первой мыслью было: «Где они это сперли?!»

На алтаре лежала мурабитская сабля, или меч-саиф: массивный, изогнутый, расширяющийся книзу, рукоять увенчана мордой неведомого чудовища. Клинок выглядел так, что дух захватывало — светлый, словно луч, прозрачный, как вода! Казалось, вот сейчас солнце зайдет за тучу, и меч растает в воздухе. Однако когда я осторожно подняла меч над алтарем, он оказался неожиданно тяжелым. Я повернула его к себе плоской стороной и принялась изучать клейма, украшавшие верхнюю треть клинка.

Одно клеймо — видимое — было вытравлено возле крестовины: вязь, похожая на изысканный орнамент. Я узнала древнюю письменность мурабитов, красивую и сложную. К сожалению, в Академии изучить ее у меня времени не хватило, и это был не первый случай, когда мне пришлось об этом пожалеть. Впрочем, скорее всего это просто клеймо оружейника.

А вот второе клеймо, вписанное прямо в узоры первого, обычным глазом не разглядеть. Очень хорошо знакомое клеймо оружейной мастерской Незримой Академии! Я задержала ладонь над узором, считывая прописанную в нем информацию. Та-а-к... Полное и безвозвратное изгнание демонов, подвиды демонов перечисляются по запросу; окончательное упокоение восставших мертвецов при контакте с лезвием; в пассивном состоянии —

радиальная защита от нечисти. Максимальный радиус? Ха, достаточно, чтобы прикрыть деревню Луц до стены и даже дальше; иммунитет от любых ментальных демонических воздействий, как то: внушения, чтения мыслей, доведения до самоубийства, до слепой ярости и любых других попыток лишить контроля над разумом и чувствами...

И многое, многое другое!

Итак, по форме это было отменное старинное оружие. А по сути — предмет силы очень высокого уровня. Как он оказался в этой забытой богами вымирающей деревушке?! Я примерно знала, сколько стоят такие мечи.

Делают их только на заказ, и далеко не всякий с ними сладит. Значит, им владел кто-то очень продвинутый. Скорее всего, боевой маг. Только вот чей — наш или мурабитский?

Ух, какая штука! Ах, как бы он мне пригодился! Нет, сами боги привели меня в эту долину Луц!

Потоки света, мерцая, задрожали на клинке… Или это у меня задрожали руки?

От волнения? Не-ет… От алчности…

Я смутилась и хотела положить меч обратно на алтарь. Но рука отказывалась разжиматься.

М-да! Не так далёк от истины оказался тот демон-разбойник в горах. Даже если изначально я не собиралась никого грабить, то при виде такого сокровища у меня просто помутилось в голове. Как можно пройти мимо великолепнейшего оружия, можно сказать, зря пропадающего в глухомани, — и не забрать его себе?

«Опомнись! — внушала я себе. — Ты ведь даже пользоваться мечом толком не умеешь!»

Добрый Путь оружие не одобрял. Когда-то мне пришлось немного поучиться фехтованию, но я давно утратила те скромные навыки, которых, в общем-то, у меня и не появилось.

«Это не имеет значения! — сказал внутренний голос. — Достаточно просто иметь его при себе, и можно спать ночами спокойно — где угодно, в самых мрачных урочищах... Не думая ни о каких демонах...»

«Добрый Путь осуждает оружие! Его принцип — ничего лишнего...»

«Это у кого же повернется язык назвать такой меч лишним?!»

«Я могу и без оружия одолеть любого...»

«А как насчет прыгуна из леса? Который не поддавался сканирующей магии? И скорее всего его достал не твой импульс, а стрела мертвеца! Нет, тебе нужно оружие, а заколдованное оружие — нужнее вдесятеро!»

Я провела пальцами по клинку. От руки побежали волны

света, как по воде. Впервые я видела оружие, вид которого внушал покой.

Надежная защита. С ним ничего не страшно...

Я закрыла глаза, чтобы не прельщаться сиянием меча. За спиной выжидающе сопели селяне. Это сопение привело меня в чувство гораздо эффективнее любых размышлений «за» и «против».

Разве я не знаю лучше этих крестьян, которые сейчас в волнении ожидают, развеюсь я или нет, — что с ними потом станется?

Ясно, что эта деревня выжила только благодаря защите меча. Если же я присвою меч, то защита рухнет, и не пройдет и нескольких недель или дней, как на месте деревни останутся одни пустые дома и свежие бродячие мертвецы...

Я зажмурилась и решительно положила меч на место. За спиной раздался дружный вздох, перешедший в негромкий гомон. На меня навалилась такая усталость, что пришлось опереться об алтарь.

— Отличный меч. От него так и веет святостью. Ну а теперь показывайте, куда идти ночевать, не то я лягу прямо тут.

Однако толпа почему-то не расходилась. У дверей о чем-то ожесточенно спорили жрец и староста. Я с отвращением поняла, что дело еще не закончено.

— Дело вот в чем, уважаемая алима, — смущенно обратился ко мне жрец. — В житии святого Чучо сказано, что он погиб в битве с отвратительным порождением мрака, которого у нас называют амир демонов.

— Может, святой был тогда не при мече, — зевая, предположила я.

— Вот мы и подумали, — и староста, набравшись храбрости, ляпнул: — А что, если амир демонов — это вы?

Я едва не расхохоталась ему в лицо. Но потом взглянула на толпу и сдержалась.

Я могла читать их чувства, как в открытой книге, без всякого внутреннего зрения. Вот он, их настоящий страх. Много лет они живут под защитой этого своего сомнительного святого и зачарованного в нашей Академии мурабитского меча и все это время с ужасом ждут прихода с гор того, кто окажется сильнее.

Только что я хотела их припугнуть, но тут мне стало их жалко.

— Смотрите, маловеры, — я снова взяла саиф с алтаря. — Вот это — меч святого Чучо, смертоносный для демонов. Я держу его в руке...

Толпа отшатнулась к стенкам.

— ... И ничего со мной не происходит!

Я направила меч на старосту со жрецом. Те побледнели.

— Ну а если вам нужны несомненные доказательства...

Я повернула левую руку ладонью вверх и провела по ней лезвием. Все ахнули и с жадным любопытством подались вперед.

Боли не было совсем. Словно по руке в самом деле скользнул легкий солнечный луч. Я даже немного удивилась, когда на пол часто закапала кровь.

Вокруг поднялся оживленный гомон. Я почти физически ощутила, как страх отступает, рассеивается, как густой туман. В капилье будто даже посветлело. Впрочем, может, просто на улице наконец взошло солнце.

— Убедились? — устало спросила я.

— Да! — раздался из толпы звонкий голос.

Я прищурилась, высматривая говорившую. Навстречу мне, распихивая односельчан, спешила черноглазая девочка лет шестнадцати.

— Тебе надо перевязать руку! — воскликнула она, подхватывая меня, и вовремя, а то бы я точно упала. — Давай помогу!

ГЛАВА 6. Магия огораживания

Проспала я целый день — надеюсь, только один. Когда проснулась, за окнами уже темнело. Я лежала на высокой кровати, какие в деревнях используют только по торжественным случаям — к примеру, умирают на них. Все вокруг меня было белое, вышитое и накрахмаленное. Только между потолочными балками сгущался сумрак.

Лежать на чистом полотне, после нескольких ночевок в лесу, было безумно приятно. Сквозь дрему я смутно вспоминала, как с помощью черноглазой девочки вымылась в большой бадье, как она собиралась перевязать мне руку и изумилась, обнаружив на моей ладони только свежезаживший шрам... Одежду, насквозь пропахшую прелью и дымом костра, я побросала в ту же бадью, и сейчас на мне была длинная рубашка с вышивкой по вороту, такая мягкая — даже жалко возвращать! А вот еще раз поесть я, кажется, не успела. По крайней мере, голод-то меня и разбудил.

Вставать не хотелось, и я, прикрыв глаза, лениво рассматривала синие узоры на наволочках и пододеяльнике — все сплошь обережные. Хе, обереги-то работающие. Позволят жителям этого дома продержаться несколько лишних мгновений, прежде чем их сожрут демоны.

На стене напротив кровати поблескивало фаянсовое изображение того самого божка, разоренное святилище которого я видела в предгорьях. Только руки на месте — вытянуты в жесте, отвращающем зло. Перед изображением мерцал огонек. Что ж, образ божка даст хозяевам дома еще время — ровно столько, сколько понадобится, чтобы этот огонек задуть.

Я скосила глаза влево. Чернильная синева за белоснежными занавесками, стол, пара тарелок под вышитыми салфетками, кувшин, накрытый плоским хлебом, и за столом — настоящая защитница этого дома. Посильнее всех этих вышивок и узорчиков, сделанных, несомненно, ее руками. Сидит с ногами на скамье, навалившись грудью на стол, и изучает мой путеводитель. Причем держит его не вверх ногами, так что, может, и в самом деле читает.

Ей было, должно быть, лет шестнадцать, но выглядела она младше: маленького роста, чернобровая и черноглазая, с толстой длинной косой. Услышала, что я проснулась, повернулась — в глубине большущих глаз, не подходящих к простодушному детскому личику, плеснула дикая, нездешняя сила. У меня по спине побежали мурашки. Я знала, что это за сила.

— С добрым утром! — радостно приветствовала меня

девочка.

— С добрым... ну пусть будет — утром. Прости, я забыла, как тебя зовут?

— Эриза. Я тут живу. Это дом моего отца. Он кузнец.

Я вспомнила слова жреца про «кузню неподалеку» и невольно усмехнулась. Девочка широко улыбнулась в ответ. Ее лицо отражало чистейшее, без всяких примесей, любопытство. Похоже, это был единственный человек во всей деревне, который ни капли меня не боялся.

— Эриза, — повторила я, привставая в постели и опираясь на локоть. — На старом иллиберском — «ежик». Тебе подходит.

Девочка снова расплылась в улыбке.

— Ты голодная?

— Съем все, что угодно, если это только не кальмары!

— А что такое «кальмары»?

— Попробуй. Раз уж все рано в сумку залезла.

Девочка залилась румянцем.

— Извини. Это не я. Пока ты спала, мачеха у тебя все вещи перерыла. Но ничего не взяли! Мы там постирали тебе... Ты сама просила...

Я покивала. На месте сельчан я бы на всякий случай тоже обыскала вещи захожей ведьмы. Доверяй, но проверяй.

— И как, нашли что-нибудь этакое? — спросила я, вылезая из постели и сладко потягиваясь.

— Не-а, — с явным разочарованием сказала Эриза. — Книга у тебя интересная! У нас совсем мало книг, штук пять у жреца, и то не выпросишь... Тут все правда или выдумки?

— Это путеводитель. Для тех, кто путешествует. Все правда.

Эриза завистливо вздохнула.

— Сколько земель на свете! А про нашу ничего. Так и написано — «в горы Мураби не ходите, ничего там хорошего нет»! Даже как-то обидно.

— Кто тебя учил читать? — спросила я. — Жрец?

— Нет, дед Хоакин. Он очень умный... был, — добавила она с печалью.

Я неохотно вылезла из-под одеяла, села на край кровати, взяла со стола свой гребешок и принялась неторопливо причесываться.

— Эти увязавшиеся за мной скелеты — твоя работа?

Эриза испуганно вскинула голову. Я смотрела на нее, ожидая ответа.

— Я... видела сон, — пробормотала она, глядя на меня исподлобья. — Два раза видела тебя во сне. Как ты идешь через предгорья недалеко от нас. Побоялась, что пройдешь мимо, —

тропинка-то совсем заросла. Вышла к опушке леса, закрыла глаза и начала искать в земле...

Она прикрыла глаза и характерно пошевелила в воздухе растопыренными пальцами — так на первом курсе стихийные маги учатся искать воду.

— ... И вдруг вижу — рука мне навстречу тянется, в латной перчатке! Ну, я ее схватила...

Рука девочки резко сжалась в крепкий кулачок.

— ... И как дерну наружу! Как репку!

— Угу, — с любопытством кивнула я. — А собака?

— Собаку я не видела...

— Неважно. Сама увязалась. Значит, при жизни это была точно его собака... Но почему ты не отпустила мертвецов потом? Они ведь так и болтаются у стены!

Девочка снова залилась краской.

— Я не умею.

— Охохонюшки...

Честно говоря, я еще в лесу догадалась, что где-то поблизости имеется чародей. Причем не шибко умелый. Либо просто необученный.

Интересно, многие ли здесь в курсе способностей кузнецовой дочки? Осознает ли кто-нибудь, хоть бы тот же жрец, что вовсе не я, и не демоны из леса, а эта девчонка — главная опасность для деревни?

Пока деревню — и Эризу — защищает магическая сила саифа. Но это ненадолго.

«До первой твоей ошибки, — подумала я, глядя на девочку. — Ты идешь вслепую, даже не представляя, какими силами играешь, и рано или поздно оступишься. Надо бы тебе учиться... Да боюсь, поздно. Хотя я начала не намного раньше...»

— А тебя как зовут? — спросила девочка.

— Имахена, — помедлив, представилась я.

Едва ли она обо мне слышала, а проболтаться тут некому.

— Зачем ты пришла в край Мураби? Грабить и вызывать демонов?

Я заскрежетала зубами.

— Ладно, ладно — не хочешь, не говори! — испуганно воскликнула она. — Просто известно, чем занимаются чародеи из-за моря... Но это твое дело, не мое!

«Слышал бы тебя тот старик», — подумала я, остывая. И ответила:

— Не нужны мне ни ваши демоны, ни сокровища! Я ищу башню. Белая, стоит на перевале, у нее четыре окна — по сторонам света... Зовут ее — башня Полной Луны...

Глаза Эризы загорелись детским любопытством.

— Правда?! Это же одна из трех волшебных башен края Мураби! А я думала, что они существуют только в сказках...

— Ну-ка давай по порядку! Что за башни?

Эриза охотно принялась рассказывать:

— Легенды говорят, испокон веков сторожат край Мураби три магические башни. Черная башня Ронги, рожденная из адского пламени, золотая башня Аманефер, созданная из снега и солнечного света... И белая башня Полной Луны, которую никто никогда не видел, а она видит всех...

— И?..

— Все.

— Как «все»?! Где эта башня? Кто ее построил? Зачем? Кто там живет сейчас?

Эриза развела руками.

— Никто ничего не знает о волшебных башнях. Они же волшебные!

Я разочарованно вздохнула. А чего я ожидала? Что вот сейчас эта крестьянская девочка все мне выложит?

— Хотя постой! — воскликнула она. — Про башню Полной Луны у нас песня сложена!

— Да-а? Ну-ка спой!

— «Пойдем же, мой милый, пойдем же со мной...»

— Эту песню я знаю, — разочарованно буркнула я, садясь за стол. — Значит, это ваше народное творчество? Гм, услышала-то я ее в столице...

— А зачем тебе волшебная башня?

— А вот это — тайна. Ну, что там у нас покушать?

Эриза торжественно сняла с блюд полотняные салфетки. Надо же — ничего не пожалели! Копченое мясо, сыр, овощи, зелень, белый хлеб, темно-красное вино в кувшине... Пока я ела, девочка продолжала листать путеводитель.

— Я бы тоже хотела путешествовать, как ты, — мечтательно произнесла она. — Но ты чародейка, ты не боишься демонов. А я боюсь. Они караулят за околицей. Днем еще ничего — можно даже ходить в лес. Наши ходят за дровами — главное, до темноты вернуться. Но как начинает темнеть — беда!

— Не бойся. Ваша деревня под защитой.

— Да я знаю. Демоны не разорят нашу деревню, пока в ней меч святого Чучо.

Я задумчиво поглядела в темное окно. Ах да, меч... Что ж мне делать с мечом? И с деревней? И с этим юным самородком?

— Знаешь что? Ты иди. Отдыхай. Или займись своими делами. Я сейчас поужинаю...

— А потом мы еще поговорим о колдовстве? — с надеждой спросила Эриза. — И о разных дальних землях?

— Непременно, только завтра утром! Иди, иди. Я, пожалуй, еще посплю...

Глубокой ночью, когда в долине Луц погасли все огни, кроме светильников перед ликами богов, я бесшумно вышла на улицу. Вокруг было так тихо, словно все вымерли; каждая дверь, каждый ставень закрыт, и можно поспорить — подперт чем-нибудь тяжелым изнутри. Я взвалила потяжелевший заплечный мешок на спину. Одежда высохнуть не успела — пришлось подсушить ее заклинанием. Но у меня не было времени ждать, пока она высохнет. Холодный ветер принес откуда-то с гор далекий крик — не то птичий, не то женский, тоскливый и пугающий.

Дверь капильи не была закрыта — конечно, кому тут нужны замки? Я проскользнула в благоухающую воском и розами тьму. Меч лежал на алтаре, блистая и переливаясь, словно лунный блик. Я завернула его в плотный холст, который предусмотрительно подыскала на подворье кузнеца. Место меча на алтаре заняла старая лопата, старательно, с гарантией зачарованная на год. Я не любила магию иллюзий, но владела и ею, как неприятным, но полезным оружием. Если сюда случайно не забредет настоящий опытный маг, обман не раскроется.

С мечом в руке я вышла из капильи на свежий воздух, глубоко вздохнула и услышала...

— Так я и знала!

На площади перед капильей, скрестив руки на груди, с грозным видом стояла Эриза.

Вот досада! Неужели на нее не подействовали сонные чары, которые я наложила на дом кузнеца? Или девчонка попросту не ночевала дома, карауля меня на улице?

— Так и думала, что ты за ним придешь, — даже не пытаясь говорить тихо, заявила она. — Я видела, как ты на него смотрела!

— Как? — с любопытством спросила я.

— Как на меня — демоны, что ходят по ночам под стеной!

— Думаешь, я пришла вас ограбить? Но это не так.

— А как это называется?

Эриза обвиняющим жестом ткнула пальцем в завернутый в холстину меч.

— Это называется — заклятие огораживания.

— Чего-о?

Я, не обращая внимания на ее тон, спросила:

— Ты ведь хочешь, чтобы деревня и все ее поля, пастбища и рощи остались в безопасности, как за надежной стеной?

Надежнее, чем сейчас?

— Ну да. Конечно.

— Этим-то я и собираюсь сейчас заняться. Если хочешь посмотреть, как я работаю, можешь пойти со мной.

Я прошла мимо девчонки и направилась в сторону ворот. Эриза шагала за мной, не отставая ни на шаг.

— Ты куда?

— Наружу.

— Что ты затеяла?

— Увидишь. Ну, идем?

Не то чтобы она была мне очень нужна. Главным образом, я хотела взять Эризу с собой, чтобы она не подняла тревогу, пока я не закончу свои дела.

Девочка смотрела на меня волчонком. Недоверие боролось в ней с любопытством.

Не доходя до ворот, я кинула сонное заклинание на ночную вахту. Меч святого Чучо мне не препятствовал. Похоже, он был зачарован исключительно против демонов, а против прочей магии был обыкновенной железкой.

Ворота были накрепко закрыты и заложены изнутри могучими брусьями. Со стены доносился дружный храп.

— Можешь сделать нам выход? — попросила я Эризу. — Только аккуратно, не надо опять отламывать створку.

Я, конечно, могла бы и сама открыть эти ворота. Но мне было интересно понаблюдать, как она это делает.

— Я тогда просто поторопилась, — буркнула она. — Боялась, что ты уйдешь. А железу я приказывать не умею, меня слушается только камень, земля и те, что в ней...

«Запомним», — подумала я и спросила:

— Так что будем делать?

— Поднимемся на стену и спрыгнем вниз, не так уж тут высоко! Вон лестница, иди первой. Только имей в виду, — донесся снизу ее голосок. — Если вздумаешь меня обманывать — уж я сумею тебя задержать! Увидишь, что будет!

— Ой-ой-ой, какие мы страшные, — пробормотала я, взбегая на стену.

Мне было смешно и немного досадно. Но почему-то настырная девчонка нравилась мне все сильнее.

Спуститься вниз оказалось еще проще, чем я ожидала. Мы спрыгнули прямо в объятия поджидавшему под стеной мертвому рыцарю.

Оказавшись на ногах, я потерла ушибленную о латы спину и размотала холст с клинка. Меч вспыхнул как факел — даже глазам стало больно. И еще показалось, что от стены во все

стороны шарахнулись тени. И не все они были бесплотными.

— Ну, показывай границы общинных земель, — велела я Эризе. — Только не слишком широко, а то за ночь не обойдем.

Глаза девчонки засверкали от любопытства.

— Что ты будешь делать?

— Смотри.

Я провела кончиком меча по каменистой земле. Из-под клинка потянулась золотистая черта. Тонкая полоска света, постепенно бледнея, впиталась в землю и погасла.

— Древняя, проверенная магия огораживания. Обычно для этого используют зачарованный плуг, но не вижу, чем меч хуже. Граница будет надежная! Непреодолимая. Теперь вам не надо будет гадать, докуда еще можно зайти, а докуда уже нет.

— А мы не испортим меч? — встревожилась Эриза.

— Нет. Все заколдованные мечи, даже самые плохонькие, защищены от ржавчины и никогда не тупятся.

Всю ночь, до самого рассвета, мы ходили по рощам, пастбищам и полям вокруг деревни, очерчивая границу. Когда небо начало светлеть, начали слетаться хищные птицы. В огромных количествах. Они сидели на деревьях, на руинах домов и следили за нами.

Я спокойно занималась своим делом, искоса поглядывая на птиц. Многих я раньше никогда не встречала. И подозревала, что их в природе не существовало. А некоторые из них были и вовсе не птицы.

Я заметила, как Эриза украдкой махнула рукой мертвой собаке. Но толку вышло мало. Собаку крылатые твари не боялись вообще. Лениво перелетали с места на место, постепенно приближаясь к нам.

— Не останавливайся, — посоветовала я Эризе. — Не обращай на них внимания, не показывай страха. Демоны ничего тебе не сделают, если ты сама не позволишь...

Как только над горами показался край солнца, существа разлетелись, громко хлопая крыльями — черные силуэты на красном заревом горизонте. Потом звук исчез, и демоны бесшумно растаяли в последних тенях ночи.

На смену им прилетела банальная стая ворон и оглушительно раскаркалась.

К тому времени мы закончили огораживание и свалились без сил у деревенских ворот.

— Спасибо за помощь, — сказала я, протирая меч и заворачивая его в холстину. — Ну все, я пошла.

— А меч?!

— Ну, понимаешь...

Эриза вскочила на ноги.

— Так ты все-таки его украла! Ты!..

— Взяла поносить, — уточнила я. — Возможно, я когда-нибудь верну его вам обратно. Но пока он нужен мне гораздо больше, чем вам.

— Да как ты посмела?!

— Согласись, меч святого Чучо — слишком сильная и дорогая штука, чтобы служить для защиты одной жалкой деревушки. Он создан, чтобы побеждать высших демонов, а не лежать под замком, оберегая своей аурой полсотни трусливых крестьян.

— Ну-ну, оправдывайся, — взвизгнула Эриза. — Воровка! Верни меч на место!

— Послушай! Защита поставлена. Ни один демон не сунется за ограду...

— Ты уверена? А если граница исчезнет завтра ночью?!

— Клянусь, граница не исчезнет! — Я подумала и положила руку на клинок. — Клянусь жизнью. Поклялась бы здоровьем матушки, но честно скажу, собственная жизнь мне дороже.

Эриза мрачно посмотрела на меня.

— Ведь ты мне веришь?

— Верю, — неохотно признала она. — Верю, что ты действительно хочешь защитить деревню. Знаешь, почему? Потому что ты оживила богиню.

— Какую еще богиню?

— Я же рассказывала, что видела сон. Красивая темноволосая женщина в плаще мурабита подошла к Хозяйке Перевала, загубленной демонами. Хозяйка была мертва, но женщина согрела ее сердце в ладонях, и богиня ожила. Теперь она снова сторожит предгорья. Смерть тому демону, который посмеет к ней приблизиться!

Я смотрела на девчонку в немом изумлении. Какое разносторонне одаренное дитя!

— Скажи, зачем ты это сделала?! — потребовала она.

— Что? Ах да. — Я вспомнила алтарь, отломанные руки бога — ах, так это была богиня! — в серой хвое, и свой порыв, столько же неожиданный, сколь и бессмысленный. — Ну, это просто профессиональная привычка — чинить все сломанное.

— Чинить?!

— Ты удивишься, но в дипломе у меня написано, что по основной специальности я целитель.

— Гм, — промычала Эриза. — Что-то не похоже!

— А вот зачем твои скелеты меня сюда завели, я так и не поняла.

— Ты удивишься, — сказала она довольно ехидно, — но я

хочу защитить мою деревню от демонов. Я увидела, как ты вернула богине жизнь, и подумала, что ты можешь нам пригодиться. И еще, я правда хотела на тебя посмотреть! Я никогда не видела настоящих магов. Я же не знала, какие вы!

— Какие?

— Такие. — Эриза покосилась на меч. — Настоящий маг своего не упустит!

Мне стало стыдно.

— Я его верну, — пообещала я почти искренне. — Честное слово. Ну... честное слово, постараюсь.

— Постараешься, — кивнула Эриза. — А я прослежу.

— Что?!

— Я пойду с тобой. Видишь, — она показала мешок на плече, — я уже собралась...

— Забудь! Даже не думай!

— Я уже решила. — Девчонка посмотрела на меня исподлобья упрямым взглядом. — Если уж я разрешаю унести наш меч, так должна сама проследить, чтобы он вернулся. Вот и помогу тебе выполнить клятву. Буду ходить с тобой, пока ты не отдашь его. Пригляжу, чтобы ты не употребила его на что негодное. Чтобы он не пропал в лесу, если с тобой что-то случится...

— Нет! — отрезала я. — Мне не нужны спутники. Ты так хочешь погибнуть?! А ну быстро домой, пока я не перебросила тебя через стену!

— Ах так?! А я тогда подниму всех скелетов! — завопила Эриза. — Их тут много! Я вижу их, когда иду по полям! Конные, пешие, с оружием! Тут, в долине, под землей целое мертвое войско! Хочешь армию?!

— Умолкни, глупая девчонка! — заорала я в ответ. — Ты хоть знаешь, чем за это платят? Ты знаешь, во что превратишься — причем очень скоро? И что потом станет с тобой и с твоей деревней?!

Я так разозлилась, что не сразу осознала, что мечусь перед воротами, размахивая руками. И как мы еще не перебудили всю деревню? Эриза стояла передо мной, красная как мак, но лицо у нее стало еще упрямее, чем было.

— Именно это делали колдуны сто лет назад — поднимали армии мертвых! И что потом с ними стало? Молись, чтобы нам не встретился такой колдун! Хочешь стать демоном, несчастная недоучка?

Девчонка шмыгнула носом... и расплакалась. Я мгновенно остыла.

— Когда приходят демоны, — заговорила она глухим

голосом, утерев слезы, — я слышу их раньше всех. Они говорят со мной. Уговаривают по ночам... с детства. Я думала, у всех так. Потом потихоньку спрашивала — нет, только у меня. Знаешь, какую просьбу я слышала в своей жизни чаще всего?

— Знаю. «Открой дверь».

Эриза молча кивнула.

Я опустила голову. Если она продолжит эксперименты с некромантией, то рано или поздно непременно откроет. Вовсе не от слабости и не от страха. Наоборот — чтобы попытаться подчинить их себе. Пока у нее скелеты только перебрасываются черепушками в развалинах, но когда начнут воевать... Она не удержится. Я бы на ее месте точно не удержалась. Но выиграет она или проиграет, результат будет одинаковый.

— А твои родители что скажут, если ты уйдешь? — спросила я, сдаваясь.

— Маму погубили демоны много лет назад, — спокойно ответила Эриза. — Я ее почти не помню. А папа... Папа поймет. Он меня хорошо знает. И сам часто говорит, что мне тут не место. Ну а остальные, — с горечью добавила она, — будут довольны. Они меня боятся.

— Дурачье, — проворчала я. — Скелеты у них плясать перестанут, зато как бы с гор не полез кто похуже. Вот ты напрашиваешься со мной, а даже не знаешь, кто я, куда иду и зачем.

— Ну так скажи.

— Я не могу! Понимаешь, это задание... Оно секретное. Но оно очень, очень опасно!

— Но ты ведь шла туда одна и не боялась, — возразила Эриза. — А теперь с тобой будем святой меч и я!

Я безнадежно махнула рукой и промолчала.

ГЛАВА 7. Незримая Академия, вступительный экзамен

Мы с Эризой стояли на том самом перекрестке, где я сражалась с неведомым прыгуном, и смотрели на растерзанную овцу. То, что это была именно овца, догадаться было непросто — невезучая скотина была равномерно распределена по перекрестку и окрестным соснам. Воздух гудел и рябил от мух, вонь стояла тошнотворная. Эриза, смертельно бледная, пыталась отвернуться и не смотреть, но овца была повсюду.

— Ну вот, пожалуйста, — выговаривала я ей сердито, чтобы не показать, как мне ее жалко. — Началось. Вот тебе демоны! Вот тебе некромантия! А ты что думала? Это тебе игрушки?

— Зачем? — со слезами на глазах причитала она. — Ну, голодный — съешь! Но зачем было мучить? Овечка никому не делала ничего плохого!

— Мир вообще несправедлив и нелогичен! Привыкай!

Меня мучила мысль — кто это сделал? В горах Мураби отродясь не водилось хищников. Значит... теперь они есть? После ночного прыгуна меня это уже не удивило бы. Едва ли он припрыгал просто на меня посмотреть.

Зато вопрос «зачем» даже не возникал.

Демонстрация. Предупреждение. Угроза.

Очередная попытка повернуть меня назад.

— А ведь это еще ерунда! — сказала я Эризе. — Это всего лишь овца... А ты представь на ее месте какую-нибудь упрямую девочку...

Эриза позеленела.

— Пошли, если уже налюбовалась.

Я перешагнула через раскиданные потроха, и меня осенила новая идея:

— О! Может, вернешься домой? Заодно заберешь своих скелетов, они тебя и проводят...

Слезы у девчонки тут же высохли.

— Нет!

Я пожала плечами. Невероятное упрямство!

Так, что это она затевает?!

Эриза опустилась на колени возле тропинки и прижала ладони к земле. Через мгновение ее лицо исказилось от усилия, лоб пошел морщинами... Раскиданные по полянке останки овцы вдруг зашевелились. Видела я и такое, но для этого им надо несколько дней полежать на солнце, чтобы черви как следует

расплодились. Я даже испугалась — неужели девчонка хочет ее поднять? Только расчлененной овцы мне в отряде не хватало! Воздух наполнился тихим шорохом и потрескиванием, над травой поднялся горячий дрожащий пар, пахнуло мясной похлебкой... Мгновение — от овцы и следа не осталось. Зато стало чисто. Кажется, даже свежей зеленой травкой поросло.

— Прибралась? — пошутила я слегка нервно. Зрелище земли, всасывающей плоть, — не для слабонервных.

Эриза встала, отряхнула руки о шаровары и молча пошла по тропинке. Даже не посмотрев, что у нее получилось.

В сущности, Эриза оказалась удобной спутницей. Крепкая, выносливая крестьянская девочка. Не задерживала меня, не жаловалась на усталость. Я вообще не слышала от нее ни единой жалобы.

Мертвый рыцарь с собакой так за нами и тащились. Я их не трогала — не мешают, и ладно. Потом потренирую на них Эризу укладывать мертвых обратно в землю. Да и вообще, уже как-то привыкла к молчаливым спутникам. Ненавязчивым — и небесполезным. Всякий раз, как я смотрела на серебряное лицо паладина, перед глазами предостережением вставала скачущая по лесу огромная тень. И свистнувшая над ухом стрела.

— Надо дать ему имя! — заявила Эриза.

— Кому — скелету?!

— Нашему рыцарю!

— Ну, давай назовем его «святой Чучо».

— Ты что! Это святотатство! А собаку?

— Собаку — «святым Чучо»?!

— Ну, ей ведь тоже надо дать кличку...

— Вот еще не хватало!

— А можно я назову ее Чуча?

— Ох...

Меч святого Чучо висел у меня за спиной в веревочной петле. Остатком веревки я оплела лезвие, чтобы оно случайно не воткнулось мне пониже спины. Как ножны такая оплетка была неудобна, но для транспортировки вполне годилась. Главное, чтобы мне не понадобилось внезапно его выхватывать. Свежие дырки в одежде и кожном покрове гарантированы.

Весь первый день до вечера мы понемногу забирали нос выше в горы, поверху обходя долину Луц. На пригорке, укрывшись за скалой от ветра, остановились перекусить. Оказалось, Эриза тащила на себе целый мешок превосходной снеди: пряная ветчина, твердый желтый сыр, мед, орехи, пресные лепешки... Да, я решительно предпочитаю здешнюю горную кухню приморской!

Потом мы долго валялись на теплой траве, любуясь игрой солнца в тучах и тенями от облаков, проплывавшими по лесу и долине. Пахло нагретой смолой, вокруг монотонно стрекотали кузнечики. Я пила воду из бурдючка, наслаждаясь каждым глотком. Эриза с задумчивым видом водила перед собой указательным пальцем, закручивая в воздухе небольшой пыльный вихрь. Темный смерчик послушно переползал с места на место, следуя указаниям пальца. Пыль и мелкие камни, свиваясь в жгут, тянулись к руке девочки, как к магниту. Погоняв вихрь по земле, Эриза подняла руку вверх и принялась чертить в воздухе замысловатые пылевые узоры.

— Если на тебя нападет враг, когда ты играешь с пылевым смерчем, — проговорила я, убирая бурдючок, — спокойно, с улыбкой, сделай вот такой жест. Как будто кидаешь мячик. Кидай!

— Лови!

— У-у, да не в мою же сторону!!!

— Ой, извини!

— Ну вот, теперь полная голова песку... И в глаза попало...

Для себя сделала пометку — надо будет выделить время и все-таки потренироваться с девчонкой. Хорошо, просто песком закидала, а могла и голову оторвать...

Эриза, не подозревая о том, какой опасности только что меня подвергла, поболтала рукой, развеивая вихрь.

— Имахена, а расскажи, как ты стала чародейкой!

Я подняла глаза к кудрявым облакам.

— Сразу и не сообразишь, с чего начать... Тебя интересует, как я получила диплом и отправилась практиковать? Или как впервые обнаружила у себя магический дар?

— Расскажи, как ты начала учиться. Сколько тебе было лет?

— Кажется, четырнадцать. Да, определенно не старше, потому что еще немного, и меня бы просто заперли под замок до замужества... — Я на миг задумалась. — Давай я расскажу, как поступала в Незримую Академию. Честно говоря, я до сих пор не понимаю, каким чудом меня туда приняли...

Всем в столице теоретически известно, где находится Академия магии. В огромном старинном дворцовом парке, размером с лес и таком же диком. Но вот где именно... Обычный человек может плутать по парку годами, прячась в кусты от патрулирующей аллеи стражи, но так и не найти ее. Но только не тот, кто умеет видеть незримое. К таким я с некоторых пор самонадеянно причислила себя. И теперь стояла в недоумении перед длинным, приземистым двухэтажным зданием,

полускрытым буйными зарослями. Первый этаж каменный, второй деревянный — поперечные доски белые, несущие балки выкрашены коричневым, как в крестьянских домах. Высоко, под самой крышей, небольшие окна, похожие на бойницы, наглухо закрытые ставнями. Острая черепичная крыша, позеленевшая от старости, облепленная трубами, надстройками, башенками... Я была оскорблена в лучших чувствах. И это — амирская Незримая Академия?! А где все то, к чему я привыкла во дворце: великолепные колоннады, мраморные лестницы, просторные залы и уходящие в вышину сводчатые потолки? Где, в конце концов, знаменитая башня факультета звезд и кристаллов? Не тот же деревянный насест, который, скрипя, покачивается надо мной без всякого ветра? Неужели мне придется провести ближайшие несколько лет в обшарпанном сарае, в котором даже двери проделать забыли?!

Кстати, дверей действительно не было. Ни одной. В этом я убедилась, дважды обойдя «академию». Длинные бело-коричневые флигели стояли квадратом; внутри явно имелся внутренний двор, но как туда попасть? Я устала и уже начинала злиться — что за шуточки такие? — но вовремя опомнилась.

«Спокойно, — одернула я себя. — Это же испытание! Имеющий глаза да узрит вход, и все такое. Наверняка есть какие-то приметы, которых я не заметила... А ну-ка еще раз...»

Я отправилась на третий круг, вглядываясь в каждую трещину в штукатурке и в каждый ржавый гвоздь. Все напрасно! Сколько ни ломись в глухую стенку, в дверь она от этого не превратится. А в парке уже начинало по-вечернему веять холодком, и солнце клонилось к закату. И что теперь делать? Махнуть рукой и, пока не стемнело и не закрыли решетку парка, бежать домой к маме?! Никогда!

— Что, колдуны, прячетесь? — спросила я вслух, окидывая взглядом кособокие полосатые стены. — И не таких высматривала!

Я сосредоточилась и представила привычную картину: сижу на своем месте у самой стенки, позади старших, средних и младших жен — наряженных, умащенных... Аж кожа свербит, сколько вбухано в косметику приворотных зелий! Далеко впереди какое-то движение, суета — видимо, вошел великий амир. И тут, на незримом уровне, начинается настоящий штурм! Все жены и наложницы пытаются угадать мысли господина, увидеть, в каком настроении, чего и кого он захочет сегодня. Каждый раз я невольно думаю с сожалением: бедный, и как он это выдерживает год за годом?!

Сейчас я просто делаю примерно то же, что и они, — но не по

отношению к великому амиру, а по отношению к этой облезлой стенке. А именно, пытаюсь проникнуть за видимость и дотянуться до истинной сути.

По лбу потекли капли пота, нагрелись ладони, а я все смотрела на полосатую стену Академии. Проклятие, какая сильная иллюзия! Стены ну совсем как настоящие... Мраморные колонны так и не появляются... Но должны же тут быть ворота? Или колдуны влетают сюда через трубу? Ладони чесались совершенно невыносимо. Я потерла одну о другую — и застыла в изумлении. С собственной правой ладони на меня в упор смотрел круглый синий глаз!

Некоторое время мы с ладонью в шоке смотрели друг на друга. Глаз развязно подмигнул. Я с нервным хихиканьем моргнула в ответ. Потом меня посетила замечательная идея. Я зажмурилась, подняла ладонь — и направила ее на стену.

Я была уверена, что под покровом иллюзии Незримая Академия окажется совсем другой. Но... ничего не изменилось. Обшарпанные стены остались прежними. Только неподалеку от меня со скрипом отворилась половинка деревянных ворот.

Длинная сумрачная подворотня привела во внутренний двор. Скромный, но приятный: просторный, зеленый и тенистый, усаженный апельсиновыми деревьями. Под деревьями густо росла трава. Вдоль флигелей желтели посыпанные песком дорожки. В центре газона — каменный колодец под изящной кованой решеткой. Я оглянулась — странно, иллюзия не проходит. Все те же полосатые дома, только здесь окна больше, и ставни распахнуты. Но что внутри, все равно почему-то не разглядеть. Карнизы и деревянные пилястры покрывала резьба, замысловатая и зловещая: многочисленные черепа — голые, в шлемах, в венках, в обрамлении всяческих неизвестных мне инструментов — может, столярных, а может, и пыточных... По спине побежал холодок. Наконец я ощутила, что действительно попала в школу магии. Уж точно — в такое место, где добропорядочной невинной девушке делать нечего.

Но где же все? Где колдуны и их ученики? Почему меня никто не встречает? Я нервно поправила прическу, выпрямила спину, переступила с ноги на ногу. Крупный песок захрустел под каблуками. Тут было совсем тихо, только ветер шелестел листвой да вдалеке, в парке, перекликались птицы.

— Барышня, что вы мнетесь в дверях? — раздался добродушный оклик со стороны колодца. — Мы вас заждались. А вы все что-то ходите, ходите по кругу... Подойдите, мы с коллегой на вас посмотрим!

У колодца стояли двое мужчин в темно-синих мантиях и гладких черных шапочках. Странно, мгновение назад их там определенно не было. Преподаватели. И, без всякого сомнения, маги. На всякий случай я слегка присела, царственно склонив голову.

Тот, что меня окликнул, милостиво кивнул в ответ. Мне показалось, я его уже где-то видела. Немолодой дядечка, с брюшком, плечи ссутулены — видно, от постоянного сидения над рукописями. Усталое морщинистое лицо, щеки голые, как у евнуха, набрякшие мешки под глазами, брови домиком и незабываемая обличающая мимика: «Ну что? Попалась? Извини, я предупреждал».

— Кого вы ищете, барышня? — спросил он, рассматривая меня с таким же любопытством, как я его. — Или что?

— Я желаю поступить в Незримую Академию, — ответила я с достоинством. — Кто у вас тут главный?

Дядечка захихикал.

— Если вы имеете в виду ректора, то это я.

От изумления я неприлично, в упор уставилась на сутулого дядечку. Это и есть ректор, знаменитый чародей Пласид?! Да ему же, по слухам, лет сто! А может, и все двести!

Всем известно, что чародеи способны жить много дольше, чем обычные люди. Правда, можно ли называть их после этого людьми — это еще вопрос! Интересно, что амиры и гранды, наверное, могли бы тоже продлевать себе жизнь, но почему-то этим никогда не пользовались. Ничего они так не боятся, как старости и немощи. Пасть в бою в расцвете сил для знатного воина гораздо престижнее и достойнее, чем протянуть сто лет, постепенно превращаясь в дряхлого, уродливого старика.

Но бывают среди грандов и исключения. Например, мой папа. Или вот этот второй колдун, стоящий сейчас передо мной, — тот, что выглядит лет на тридцать. Худой, высокий, изящный. Его можно было бы назвать красавчиком, не будь он таким аскетичным. Видно, он из тех, кто легко пренебрегает пищей для тела, если есть пища для ума. Стоит — плечи развернуты, большие пальцы рук заткнуты за пояс. Воплощенная надменность!

— Что скажете, Альва? — вполголоса обратился к нему ректор. — Как вам наша гостья?

— Как будто мила, — прозвучал иронический ответ.

Я вдруг остро ощутила, что розовые шелковые шаровары, безрукавка с золотой тесьмой и сандалии на каблучках — не самый подходящий наряд для поступления в Незримую Академию. «Мила!» да еще и «как будто!». На себя посмотри,

зазнайка! Да как ты смеешь так обо мне отзываться? Хоть знаешь, кто я?!

— Ах, какая гордая барышня! — услышала я веселый голос магистра Пласида. — Гордая, догадливая и очень довольная собой. Ваша гордость вполне заслуженна. Кандидаты с такими слабыми исходными данными дверь обычно не находят.

Я словно брякнулась с небес на землю. Слабые данные?! О чем это он? Магистр Пласид покивал. Он что, мысли читает? Проклятие! И этот надменный Альва, наверно, тоже! А я-то про него уже столько гадостей подумала!

— Неплохо тренированная эмпатия, умеренные способности к распознаванию иллюзий... Пока все. Оба дара банальны и встречаются слишком часто, чтобы тратить время на их носителя, — тем же приветливым тоном продолжал мэтр Пласид. — В принципе, для того, чтобы поступить в Незримую Академию, их недостаточно.

— Но как же... — возмутилась я. — Я же нашла вход!

— И что с того?

Я не нашлась, что ему возразить. Действительно — что? Кто мне сказал, что проникновение в Академию приравнивается к вступительному экзамену?

— У вас есть начальное образование, милая барышня? — спросил магистр Пласид.

— Конечно, — ответила я высокомерно. — Умею читать и писать!

Альва улыбнулся краем рта. Но меня аж перекосило от этой улыбки.

— А еще? — вкрадчиво поинтересовался ректор.

— Пою и танцую, — с подозрением глядя на него, начала перечислять я. — Умею рассказывать занятные истории, делать прически, вышивать шелком, составлять букеты и благовония...

Магистр улыбался неизменной добродушной улыбкой. Эта улыбка уже начинала меня раздражать.

— Достаточно. Я от всей души желаю вам, очаровательная барышня, удачного замужества, к которому вы прекрасно подготовлены...

— Но я не хочу замуж! — возмутилась я. — Я хочу стать чародейкой!

— Зачем вам это нужно? — спросил аспирант Альва бесконечно равнодушным тоном.

— Да потому что... Потому что я чувствую, что в хариме мне не место!

На скучающих лицах колдунов появилось выражение искреннего замешательства.

— Можно было догадаться, — ухмыльнулся Альва, окинув быстрым взглядом мой наряд.

— В хариме? — озадаченно переспросил ректор. — Вы хотите сказать — на женской половине дворца? Вы что, наложница великого амира?

— Нет, я его дочка!

Мама была одной из бесчисленных наложниц великого амира; не припоминаю, чтобы он на моей памяти хоть раз проявил к ней интерес. Ее жизнь, как и прочих наложниц, проходила в чаепитиях, косметических процедурах и сплетнях с такими же праздными и завистливыми тетками. Длинные дни, наполненные скукой и змеиными интригами, такими же мелкими по целям, как колоссальными по злобности. Сколько себя помню, мечтала оттуда вырваться. Но как? И главное, куда?

Впрочем, кое-чему полезному я в хариме научилась. Например — ловить на лету чужие мысли и чувства. В условиях жесткой конкуренции наложницам великого амира надо уметь по легчайшим, неуловимым признакам понять, в каком настроении господин и повелитель. А сделать это весьма непросто, ибо знатных мужчин с детства учат делать каменное лицо — вот такое, как у Альвы, — чтобы никто не угадал, что у них на уме. Это, говорят, необходимый навык в бою. Мужчины с лицами, как маски, и женщины, которые почти читают мысли. Кто не умеет — выбывает из игры.

Именно так я и обнаружила в себе магический дар. Порой, совсем неожиданно для меня, люди становились будто прозрачными, их чувства, а порой и мысли, оказывались на виду. Потом я с удивлением осознала, сколько теток пользуются разными приворотными зельями, амулетами, одеждой, косметикой… А потом я начала распознавать иллюзии.

Женское крыло дворца прекрасно, как небесные чертоги… но посмотри сквозь иллюзию — и увидишь чахлый газончик на месте великолепного сада или окно с видом на горы там, где на самом деле — пыльная стена с паутиной в углу. Ясно, что все это делалось из экономии — начаровать проще и дешевле, чем ремонтировать, — но мне среди этих облезлых стен стало совсем невыносимо. И тут меня озарило — Незримая Академия! Куда, говорят, принимают всех девушек и юношей без всяких отличий, поблажек и привилегий — лишь бы только были способности к магии…

Ректор обменялся с младшим коллегой долгим взглядом.

— Принцесса!

— Вовсе нет, — с улыбкой сказал Альва. — Таких «принцесс» в хариме десятки.

Я стиснула зубы. Это было правдой, но совершенно незачем говорить некоторые вещи вслух.

— Но все же — дочь великого амира! На моей памяти подобный кандидат — первый в истории Академии... И что ваш высокочтимый отец думает о намерении его дочери стать чародейкой?

— Он в восторге! — нахально заявила я. — Его это очень... э... обрадовало! Он даже выразил желание лично присутствовать на экзамене... и если бы не важные государственные дела...

Если не цепляться к словам, так оно и было. Не говорить же им, что папа сначала долго не мог вспомнить, кто я такая — что неудивительно при количестве его детей, — потом долго и обидно хохотал и на закуску заявил: «Хотел бы я посмотреть на это представление, да боюсь, помру со смеху!»

Ректор продолжал на меня поглядывать с возрастающим любопытством. Да так пристально, что даже брови зачесались.

— Мэтр, — негромко сказал Альва, — вы вовсе не обязаны принимать эту девицу только из-за ее происхождения. Незримая Академия со дня основания пользуется правом экстерриториальности. У великого амира здесь не больше власти, чем у того стражника на воротах...

Меня аж затрясло от злости. Вот наглец! Попробовал бы он повторить это при дворе! Все они такие, эти гранды, на словах — преданность, честь и благородство, а на деле как волки — чуть ослабить поводок, сразу руку откусят!

— А я-то думала, что тут, в Академии, до происхождения никому нет дела! — ответила я ему склочным тоном, каким между собой спорят младшие жены. — Что все титулы остаются за воротами, а тут все равны!

— Речь сейчас не о происхождении, милая барышня, а о таланте, — мягко возразил ректор. — Если его нет, никакое происхождение, увы, вам не поможет.

Я переводила взгляд с одного колдуна на другого. Так что, меня не приняли? Можно убираться домой?

Магистр Пласид и магистр Альва стояли, смотрели на меня и будто чего-то ждали.

«Это же испытание! — озарило меня. — Не сдамся ли, не уйду ли сама!»

Гм... А если нет? Сердить магов — дело опасное...

Как узнать?

Бритое лицо ректора, все в мелких, обманчиво добрых морщинках. Интуитивно понимаю — нет, тут ловить нечего. Перевожу взгляд на бесстрастную физиономию Альвы, с таким знакомым застывшим выражением... Может, попробовать?

Я томно склонила голову, глубоко вздохнула, собирая силу... Словно веером, взмахнула ресницами... Расширила зрачки — совсем несложный навык — и бросила на мага такой проникновенный взгляд, словно хотела вломиться ему прямо в душу. Не надо обманываться показной покорностью харимы. Там тоже цель — власть, только способы другие.

Он не ожидал атаки, и я на миг успела проникнуть за маску... впрочем, не слишком глубоко. Но как в кипяток окунулась, и одновременно окатило волной мороза. Сама не успела понять, что это было. На миг почудилось, что у Альвы совершенно другое лицо — гораздо старше, очень недоброе, и кожа почему-то серая, а в глазах — тьма! И не интересуют его ни я, ни мое поступление...

И тут же, не успев ничего осмыслить, отшатнулась с ощущением, что меня ударили и отшвырнули прочь. По ощущению, чем-то вроде невидимой латной рукавицы.

Альва даже глазом не моргнул — так и стоял, словно ничего особенного и не случилось. Магистр Пласид встрепенулся, казалось, хотел что-то сказать, но промолчал, бросив на коллегу любопытный взгляд.

— Вы не хотите принести извинения? — процедила я, пытаясь прийти в себя после невидимой оплеухи.

— За что? — нагло спросил Альва.

— Ах так?! Все, я желаю уйти отсюда! Счастливо оставаться!

— Барышня, ну куда же вы так торопитесь! — засуетился ректор. — А у меня к вам есть одна небольшая просьба. Видите этот колодец? Загляните-ка в него.

— И что там? — с отвращением спросила я.

— А это вы нам расскажете сами.

Я пожала плечами, подошла к колодцу и положила руки на парапет. Перегнулась через край. Скорее ощутила, чем услышала, как за спиной бесшумно прошел Альва. На миг представилось, как он меня сейчас скинет внутрь. Так и не поняла, была ли это мысль, вызванная моей неприязнью к нему, или я случайно поймала его желание?

Мэтр Пласид встал слева от меня и закрыл глаза. Альва расположился по ту сторону колодца и уставился мне на лоб.

— Смотрите вниз, — велел он менторским тоном. — Запоминайте все, что увидите.

«Ах вот оно что!» — сообразила я, воспрянув духом.

Так меня не выгнали! Испытания продолжаются!

Смотреть на воду — это мы любим и умеем. Знакомое дело. В хариме часто так гадают. Только смотрят не в колодец, а в

серебряную миску при полной луне. Можно увидеть суженого. Или демона. Или, что самое вероятное, — демона в образе суженого.

— Суженый-ряженый, — позвала я мурлыкающим голоском. — Приди ко мне ужинать!

И глупо захихикала, чтобы подразнить Альву. Но тот продолжал молча сверлить мне взглядом межбровье. Ну и бес с ним — я сосредоточилась и заглянула в глубину. Темнота дохнула в лицо промозглым холодом.

Далеко-далеко на черной воде играли красные блики.

Взгляд Альвы становился все тяжелее — словно груз к шее привязали. Вот-вот перевесит, утянет вниз...

Мне уже и камни казались красными, жгли руки морозом. С трудом оторвала взгляд от воды, покосилась на Альву — и у него глаза пылают колючим алым льдом...

Я зажмурилась.

— Вы не можете отвернуться?

Мэтр Пласид тут же вскинулся:

— Что такое? Помехи?

Я задумалась, пытаясь перевести свои ощущения в слова. Получалось не очень. Гадание — это такое дело, личное... Мало ли что я там увижу? И почему я должна показывать свои видения Альве — особенно после того, как получила от него в глаз невидимой перчаткой?

Но как отказаться? Ясно же, что Альва смотрит по его приказу!

— Ничего я там не вижу, — сообщила я мрачно, выпрямляясь. — Вода.

— Просто вода?

— Да. Самая обычная. Только красная.

— Вот как... Еще посмотреть не хотите?

— Нет. Мне неприятно.

«Потому что мешает Альва, — мысленно добавила я. — Причем мне кажется, что нарочно!»

По крайней мере, вслух я этого не сказала, так что это не повод обвинить меня в дурных манерах.

Я ожидала, что меня в очередной раз обольют презрением, но ректор почему-то не выглядел таким уж огорченным. Скорее, заинтригованным.

— Ну что, коллега, подведем итоги? — произнес он, глядя на Альву. — Тест на распознавание иллюзий провален. Дар ясновидения... не проявлен. Что у нас остается?

— Научная работа, — предложил Альва с явной издевкой.

— Ваша резолюция?

— Отказать в приеме, естественно.

— А я с вами не согласен, — мэтр Пласид одарил меня очередной улыбкой, которую я на этот раз сочла просто очаровательной.

— Вы серьезно, мэтр? — нахмурился Альва. — Вы что, в самом деле рассматриваете...

— Абсолютно. У нашей барышни — весьма неплохо развитая эмпатия, быстрая реакция, упорство, решительность, отменная интуиция...

— То же самое можно сказать о каждой второй встречной!

— Решение принято и обжалованию не подлежит. — Улыбка Пласида, совершенно не изменившись, вдруг превратилась в откровенную демонстрацию острых зубов.

Его собеседник промолчал. Каменное лицо на сей раз пришлось очень кстати.

— Ну а это всего лишь шелуха, — ректор кивнул в сторону моей замечательной прически в виде увитой бусами короны из накладных кос. — Мы ее быстро счистим...

— Ничего себе! Так ты принцесса!

Эриза уставилась на меня с таким детским восхищением, что я смущенно засмеялась.

— Ах, это ничего не значит. Как совершенно справедливо сказал Альва, таких принцесс десятки... В Академию меня приняли уж точно не поэтому.

— А почему тогда? Может, ректор увидел в тебе что-то необыкновенное? Какой-нибудь особенный дар... — Эриза па миг задумалась: — Например, дар видеть истинную сущность?

— Да не было никакого особенного дара, — с досадой сказала я. — Ни тогда, ни потом ничего не проявилось. Все, что я умею, — результат многолетней учебы, чтоб не сказать — зубрежки. Есть дети от природы одаренные, это верно. Вокруг у одних все начинает гореть или рушиться, другие начинают слышать голоса и видеть тайные тропы...

— Или видеть вещие сны, или поднимать из земли мертвецов...

— Ага. У меня ничего такого не было. Если проследить всю историю моего обучения — я только и делала, что переходила с факультета на факультет. Сперва боевая магия, потом целительство... Потом... Даже вспоминать не хочется, куда меня занесло... А что касается способности «видеть истинную суть»...

Я вспомнила, чем все закончилось, и ответила мрачно:

— У меня потом была возможность увидеть ее много-много раз. Но я, боюсь, просто закрывала на нее глаза...

«Вот потому-то, — добавила я мысленно, — я и здесь».

ГЛАВА 8. Сожженная память

Деревня осталась далеко позади, но долина Луц, понемногу сужаясь, тянулась все дальше и дальше. Я видела серебристые пятна старинных оливковых рощ, белые стены разрушенных домов, луга... Долина явно могла прокормить тысячекратно большее количество народу, чем там когда-то обитало. Но мы не видели ни единого живого человека.

— А вот между теми двумя хребтами разве нельзя пройти? — спросила я, длинной травинкой указывая вниз.

— Можно. Там есть дорога. Правда, давно заброшенная. Она идет через пастбища прямо на север...

— Вот как! Что ты мне сразу не сказала? Почему мы не пошли сразу по ней, а лезли зачем-то в обход по этой тропе?

— Я нарочно не сказала, — призналась Эриза. — Это страшная дорога. Там водятся призраки.

Я расхохоталась.

— И это говорит многоопытный некромант!

— Скелетов я не боюсь! — с вызовом сказала Эриза. — Они тихие, послушные и делают то, что прикажешь. Но эти, которые там, — они меня не слушают. Они безмозглые и злые и кидаются на всех. И... мне кажется, они не понимают, что с ними случилось. — Она подумала и добавила тихо: — А может быть, они вообще не понимают, что умерли.

Я слушала с большим интересом.

— Ты полагаешь, эти призраки считают, что живы? Что ж, бывает — если они погибли так быстро, что не успели осознать своей смерти...

— Так все и было, — с серьезным видом подтвердила Эриза.

— А ты откуда знаешь?

— Мне снятся сны. Бывает, и обычные, а бывает — вещие. Они такие яркие, что, когда я просыпаюсь, мне кажется, будто я вернулась с улицы в темную комнату. Так вот, есть один сон, который мне снился уже много раз. Первый раз в — детстве, а последний — как раз перед твоим приходом. Один из самых страшных снов в моей жизни. Как раз про то место за оливковой рощей, только рощи там еще не было — обычное поле. А в поле, напротив друг друга, стоят два войска. Сплошь одни конные рыцари с обеих сторон. Одни — нарядные и грозные, все в черных доспехах и алых плащах, под багровым знаменем... Их враги — в стальных латах, лица суровые, стоят ровно — сразу видно, опытные бойцы... И вдруг, — Эризу передернуло, — все вспыхивает!

— Как вспыхивает? — озадаченно произнесла я. — Огонь с неба?

— Нет! Они сами начинают гореть! Вспышка, потом все заволокло черным дымом... И оттуда, из дыма, такие крики...

Эриза закрыла лицо руками.

— Какое войско загорелось? — быстро уточнила я.

— Оба.

— Быть того не может! Ну хорошо, какое вспыхнуло первым?

— Я же говорю — оба одновременно!

— Хм... Только рыцари? А как насчет их командования? Там наверняка были чародеи — они тоже?

— Все живое стало огнем, даже лошади! Ох, никогда не забуду... В один миг сгорели заживо...

— Забавно, — пробормотала я. — В смысле, прискорбно. Не знаю таких заклятий. Должно быть, из запрещенных... А что было потом? Кто остался?.. Должен же был кто-то остаться! Хотя бы те, кто колдовал.

— Никого. Только пепел.

Довольно долго мы шли молча. Эриза заново переживала свое видение. Я обдумывала ее рассказ и вспоминала исторические материалы.

— Я все думала — кто были те рыцари? — задумчиво проговорила Эриза.

— Могу только предполагать. Ты вообще имеешь представление об истории края Мураби?

Эриза потерла нос.

— Старики рассказывают, в древние времена жили спокойнее и богаче, и демонов никаких не было. Хочешь — иди к морю, хочешь — на север. Но однажды пришел из-за моря кровожадный амир Ан-Ясин со своими темными колдунами, разорил наш край и выпустил на волю демонов...

Я фыркнула. Какой превратный взгляд на историю! Во всех источниках сказано, что Ан-Ясин как раз освободил этот край из-под власти темных колдунов. Правда, напоследок они успели напакостить и выпустили демонов... Нет, в самом деле, откуда у Ясина взяться темным колдунам? Незримая Академия не готовит заклинателей демонов! Ну, почти не готовит...

— Все было наоборот, — сказала я. — Но сейчас речь не о том. Говоришь, рыцари? Значит, кто-то из местных князей. Может, даже сам амир Кабра...

— Последний правитель Мураби?

— Ага. Трус и неудачник. Так часто и бывает, когда боги решают разрушить неугодное им царство.

— Не говори так о нашем амире!

— А кто же он? Илиберра, столица земли мурабитов, была позорно брошена им на произвол судьбы, сдана без боя! Но самое интересное случилось потом: амир Кабра ушел в горы и бесследно пропал вместе с войском...

Насколько я помнила, Ан-Ясин взял столицу с богатой добычей и счел войну законченной. С побежденными он поступил очень благородно, отпустив амира вместе с войском, и те отправились вроде бы за море на историческую родину, в пустынные земли кочевых мурабитов. Этому славному эпизоду посвящалось висевшее в библиотеке Академии полотно «Милосердие победителя» (Кабра, скрючившись в поклоне, сует Ан-Ясину ключи от города, а тот покровительственно похлопывает его по плечу), а также слезливо-нравоучительная поэма «Последний из мурабитов». Но вот с конкретными фактами дело обстояло туго. Что было дальше? Ну, видимо, ничего романтичного: добивание остатков армий, грабеж местного населения... И эта крайне темная история с освобожденными демонами...

Мне впервые пришло на ум, что историю края Мураби я знаю плоховато. Точнее, однобоко. Хотя раньше я, наоборот, гордилась своей осведомленностью — ведь я прочитала все, что только смогла найти в амирской библиотеке, самой полной в мире. Но только сейчас я сообразила, что это была типичная история, написанная победителями. То есть — не имеющая никакого отношения к тому, что тут творилось на самом деле.

А если верить вещим снам Эризы, дело обстояло еще непонятнее.

В самом деле, кто сжег оба войска? И зачем?

И если допустить, что одно войско принадлежало побежденному амиру — чье было второе?

— Я не могу тебе ничего сказать о том, кто тут воевал и что они не поделили в горах возле вашей деревни, — сказала я, хорошенько поразмыслив. — Но, пожалуй, могу кое- что сказать о примененной магии. У меня пока две версии. Первая — несчастный случай. Заклинания, уничтожающие сразу целое войско, не учат в Академии. Вся боевая магия создается и проверяется во время войн. Военные маги наверняка напропалую экспериментировали тогда с заклинаниями. Они вполне могли наколдовать такое, что разнесло всех — в том числе и самих колдунов.

— А вторая? — напомнила Эриза.

Я почему-то вспомнила растерзанную овцу. Мне не нравилась эта версия, но ее тоже нельзя было сбрасывать.

— Что их сжег кто-то третий.

Эриза замялась.

— Я тебе еще самого главного не сказала...

— Ну?

— На том поле мы нашли меч святого Чучо.

Я чуть не подавилась травинкой.

— Кто это — мы?!

— Крестьяне долины Луц. Точнее, мой дед Хоакин. Дед был очень смелым, и первый побежал на то поле — ну, посмотреть, не уцелело ли после битвы что-нибудь... пригодное в хозяйстве. Но там ничего не осталось — ни травы, ни костей, ни доспехов — только пепел. И меч. Дед рассказывал, что меч лежал и сверкал в золе, как звезда! — Эриза указала рукой вниз. — Во-он там, где сейчас виноградники. Виноград там хорошо растет!

Я задумчиво прикусила новую травинку. В голове роились беспорядочные мысли. Вот тебе и святой Чучо! Так и знала, что меч принадлежал кому-то из боевых магов. Но как вышло, что такая ценная вещь осталась валяться на поле боя и кроме случайного мародера ее некому было подобрать?

— Ну вот что, — сказала я, вставая на ноги. — Хочешь не хочешь, а придется спуститься на дорогу. Я должна поговорить с этими сожженными мертвецами!

Эриза пожала плечами.

— Они не станут с тобой разговаривать. Они же ничего не соображают!

— Это мы сейчас проверим.

На дорогу мы выбрались перед самым закатом. Похоже, это была та самая дорога, по которой я отправилась в путь из Мадиньи — вымощенная растрескавшимися каменными плитами. По обеим сторонам дороги рос густой сырой орешник.

— Кажется, промахнулись, — сказала я, озираясь. — Придется вернуться...

В этот момент прямо передо мной в воздухе возник язык пламени. Он горел сам по себе, ничто не питало его пламя — кроме разве что злобы. Ярость в нем так и бурлила.

— Это они! — воскликнула Эриза. — Берегись!

— Призрак? — с сомнением произнесла я.

Пляшущий в воздухе язык пламени напоминал скорее типичного стихийного духа, безмозглого и примитивного. И вдобавок очень агрессивно настроенного. Не успела оглянуться, как этот сгусток пламени чуть не подпалил мне ресницы. Пришлось отогнать его пульсаром. Бродячему огню это не понравилось — он шустро отлетел подальше, да там и остался. Хоть его пламя ощутимо жглось, я заметила, что он пролетел

насквозь через куст лещины, и у того даже листья не обуглились.

— Следит за нами! — прошептала Эриза. — А вот еще один! Их тут много! Пошли отсюда, пока все не слетелись! Я же говорила — охраняют дорогу. Больше ничего не умеют.

— Сейчас посмотрим, что они умеют, — процедила я сквозь зубы, выбирая цель.

Силовой пульсар — удобный навык на все случаи жизни. Например, сейчас он пригодился мне, чтобы поймать призрака. Бросок, обратное движение, и вот уже летучий огонек отчаянно трепещет, словно бабочка в сачке или муха в паутине — кому как больше нравится. Я собрала пульсар в ладони и плавным движением придала ловушке форму шара, благодаря чему огненный дух приобрел отчетливое сходство с шаровой молнией.

А вот теперь его можно было и поизучать.

Верхний слой — ярость, но что под ней? То, что обычно там и бывает. Боль. И растерянность. Станешь тут растерянным, когда тебя лишают памяти! Я вертела ловушку и так и этак, и во мне разгоралось возмущение против автора того огненного заклинания, спалившего оба войска. Это ж кем надо быть, чтобы придумать такую дрянь! Мало того, что оно сожгло плоть, — оно поразило и души. Заточило в месте гибели и лишило памяти. Зато предоставило полную возможность страдать от этого.

И главное, зачем? Как побочный эффект? Ради чистого искусства?

Я глубже вгляделась в сущность пламени. Какой странный, неестественный огонь! Сжигает живую плоть, но не трогает растения... И эти души погибших. Они одержимы им, заперты в огне, как в клетке. Есть ощущение, что его сотворил какой-то принципиальный человеконенавистник...

Нет, это не был несчастный случай!

— Эриза! — приказала я, осененная неожиданной мыслью. — Достань у меня из-за спины меч святого Чучо! Только аккуратно, косу мне не отрежь... А теперь бей!

— Куда?

— Что значит куда? По ловушке!

Шаровая молния, словно почуяв недоброе, пошла сполохами и заметалась с такой силой, что я ее едва удержала.

— Скорее!

Эриза взяла меч обеими руками, зажмурилась и с размаху ударила по шаровой молнии, едва не отрубив мне руку. Удар вышел неверный и кривой — но духу хватило одного прикосновения. Пламя истерически вспыхнуло, издало беззвучный крик боли, отозвавшийся у меня во всех костях — и растаяло.

— Эй, а поговорить?! — возмутилась я. — Хоть бы спасибо сказал!

— Я что, его освободила?! — удивилась Эриза, все еще сжимая меч.

— Мы освободили, — уточнила я. — Жалко, что он не отплатил нам ответной любезностью и на радостях смылся. Но после того, что он пережил, ловить его снова и допрашивать как-то слишком цинично. Да я и не уверена, что они снова ко мне сунутся, познакомившись с этим мечом.

Эриза огляделась и кивнула.

Огненные языки как провалились. Никого. Только птички попискивали в орешнике.

— Ну и бес с ними, — сказала я. — К тому же не факт, что к освобожденной душе вернулась память. Зато мы кое-что выяснили. Теперь ясно, почему огонь сжег людей, но не коснулся меча... Некто уничтожил оба войска сильнейшим заклинанием. И есть у меня подозрение, что он был не человеком...

Мы шли остаток дня и часть ночи. На ночлег устроились рано, еще до полуночи — Эриза не привыкла ходить « темноте. После целого дня пути девчонка уснула, едва завернувшись в одеяло. Мне же не спалось. С гор задул порывистый ветер, и сосняк наполнился скрипом, какими-то неясными стонами и отдаленными голосами. Ну прямо-таки сквозняки, дующие через миры. Что за ночь!

Я встала, чтобы проверить защитный круг, и спохватилась — все, больше он не нужен. Наш сон теперь оберегает волшебный меч!

Сидеть на месте не хотелось, спать — тем более. Я достала меч и принялась его задумчиво разглядывать. По клинку переливались волны лунного света. Безупречное оружие!

Заодно впервые толком рассмотрела оголовье меча. Рукоять венчала посеребренная морда демона, выполненная с большим знанием вопроса. Глаза были инкрустированы драгоценными камнями. Разноцветными: один красный, другой синий. Любопытная деталь... Не смогли подобрать двух одинаковых? Ой, сомневаюсь…

Чей же ты был? Почему тебя подобрал на поле простой крестьянин?

Я представила себе выжженную долину... Зачем демону вмешиваться в войну людей? Ответ прост — он служил некоему чародею. И этот чародей был уверен, что сгорит все. Иначе местные крестьяне нашли бы на этом поле еще много всяких штучек. Если сон Эризы правдив, при войске были чародеи и

много рыцарей, а значит, этот меч наверняка был не единственным заколдованным оружием... Может, защита меча — неожиданно для атаковавшего — оказалась сильнее пламени? Это обстоятельство сулило надежду на успех.

В любом случае, то, что этот меч попал мне в руки — несомненно знак удачи!

Некоторое время я рассеянно наблюдала за мягкими переливами света по клинку. Потом решила немного поупражняться. Встала в стойку. Махнула раз, другой. Позади звякнула кольчуга. Я оглянулась.

В тени сосны неподвижно стоял мой мертвый воин. На миг мне показалось, что сквозь серебряную маску смотрят горящие глаза. Неожиданно для себя я спросила его:

— Хочешь?

Тот поклонился и шагнул ко мне, будто только этого и ждал.

— Но учти. Фехтовальщик я корявый, а меч заколдован. Если я тебя хоть раз задену этим клинком, последствия непредсказуемы. Для тебя. Ты готов? Да, это не приказ, а дружеское предложение. На твой страх и риск!

Паладин вытащил из-за пояса булаву (ржавчину он, кстати, отчистил песочком) и выразительно покрутил ее.

— Ну смотри. Ты сам напросился.

Мы отошли на несколько десятков шагов, чтобы не разбудить Эризу.

Я выбрала площадку поровнее, мысленно поделила рыцаря на шесть секторов и с лихим кличем бросилась в атаку.

Занимались мы на поляне, озаренной луной, до самого рассвета. Бегали с пыхтением между валунами. То есть это я пыхтела. Рыцарь не пыхтел, за неимением того, чем пыхтят. Кто бы мог подумать — учусь фехтованию у мертвеца! По-своему — удобно. Можно до бесконечности повторять выпады — и учитель не издевается ядовито над каждым промахом, как, бывало, незабвенный мэтр Тиего, наш препод по боевой магии... Рыцарь же — молчаливый, терпеливый, очень умелый тренер. Несмотря на все усилия, мне так и не удалось его ни разу зацепить. Сперва я осторожничала, потом вошла в азарт и пыталась достать его изо всех сил — но все напрасно.

Когда я окончательно выдохлась, небо уже светлело, а у меня было ощущение, что за сегодняшнюю ночь я научилась большему, чем за полгода ленивого и нерегулярного посещения фехтовального зала Академии.

— Ты удивительно полезная штука! — объявила я своему неутомимому партнеру, падая на кучу хвои. — Знаешь, я начинаю находить свою прелесть в некромантии!

Паладин отсалютовал мне булавой. Жест показался мне довольно ироническим. Но, конечно, это мне только показалось. Откуда ирония у скелета в доспехах?

ГЛАВА 9. Незримая Академия, урок боевой магии

Мэтр Тиего ничуть не походил на мэтра. А скорее на тех, кого опасаешься встретить поздно вечером в темной подворотне. Особенно когда он вразвалочку расхаживал по аудитории, поигрывая любимым ножом. Хоть он и вел боевую магию, но обожал любое оружие и вообще все, чем можно калечить и лишать жизни.

— Состязания и турниры требуют знания множества приемов, — рассуждал он вслух. — Но у нас тут, детишки, не спорт. Оставим изыски для мастеров, какими вы не являетесь и являться не будете... Почему? Да потому, что у нас базовый трехмесячный курс, и то, что вам нужно, — один-два приема, доведенных до совершенства. И конечно, эффект внезапности! Запомните, детишки, главное условие победы в бою — неожиданное, жестокое, ничем не спровоцированное насилие! Зачем тратить время, ведь каждое мгновение несет новый риск, — если можно выиграть одним ударом? Лучше всего — вывести из строя противника, пока он не готов к бою... Кто сказал «подло»? Молокосос! Нормальная экономия усилий! Что значит «если нет оружия»? А куда вы его дели? Ну хорошо. Представим абсурдную ситуацию — ваш враг вооружен, а вы нет...

Мэтр подкинул и поймал нож, с которым никогда не расставался. Аудитория притихла.

— Казалось бы, у вас никаких шансов. Даже если вы великий мастер Доброго Пути, вы ничего не сделаете против такого же мастера, только с железом в руке. Поэтому что вы делаете? Не дайте ему даже выхватить оружие! Потом будет уже поздно. Он еще и спохватиться не успел — оп-ля! — а его собственный клинок торчит у него в печенке!

Нож мелькнул в воздухе — раз, другой, резко и быстро, как скорпионье жало. Студенты, особенно на передних партах, незаметно сползли пониже.

— То же самое относится к работе с силовым пульсаром. Однозначно выигрывает тот, кто ударит первым. Если, конечно, попадет. Поэтому моя задача — научить вас бить первыми, не задумываясь!

Мэтр, развернув квадратные плечи, прошелся в другую сторону. Первые ряды усиленно делали вид, что конспектируют.

— Однако в жизни всякое бывает, особенно у студентов базового курса боевой магии. Допустим, оружия у вас нет,

магическая энергия исчерпана, по врагу вы так ни разу и не попали... Что мы делаем? Есть прекрасный, несложный прием, доступный абсолютно всем, даже нежным девицам — выдавливание глаза!

Мэтр Тиего окинул цепким взглядом аудиторию, выбирая жертву, и выхватил из-за парты жалобно пискнувшего парнишку.

— При выдавливании глаза сила не нужна, главное — правильно взяться. Ну и главное, конечно, — внезапность! Оп-ля!

— Ой, нет! Пустите! За что?!

— Точным движением вставляем большой палец в глазницу... Обратите внимание, еще одно небольшое усилие — и глаз повиснет на нитке!

— А-а-а!

— Видите? Он ничего не может сделать!

— А если он в это время пнет вас ногой по... в смысле, в пах? — крикнули с задних парт.

Мэтр Тиего хищно усмехнулся:

— Поверьте, ему сейчас не до того... О чем ты спрашиваешь, девочка? Поможет ли этот прием против демонов? А сама как думаешь?! Ох... Ну, давайте вернемся к теме урока. Итак: «Что делать, если на вас нападает демон?»

Преподаватель отпустил жертву, жестом фокусника спрятал нож и поднялся на кафедру. Аудитория монотонно загудела. Зашуршали свитки, заскрипели перья. С задних парт послышался тихий смех, чавканье и шорох тасуемой колоды. Мэтр Тиего раскрыл методичку кафедры демонологии, нахмурился, и некоторое время сосредоточенно читал ее, шевеля губами.

— Напишите подзаголовок — «Универсальный экзорцизм», — скомандовал он наконец. — Кто прослушает, сам виноват, потому что второй раз мне такого не повторить. Вообще, скажу по секрету, все это ерунда! Нормальные боевые маги убивают демонов заговоренным оружием. Каковое я вам всячески советую приобрести в нашей академической мастерской. Особенно тем, кто после выпуска собирается в проклятый, не к ночи будь помянут, край Мураби, где демонов больше, чем людей. Точнее, их друг от друга не отличить, поэтому лучше сразу убивать всех — боги потом разберутся, кто есть кто, хе-хе-хе... Но наши умники из деканата почему-то считают, что для вас лучше надежной, доброй стали подойдет этот самый универсальный экзорцизм. Эх, не люблю я эти ученые штучки, ну да ладно... Так, принцип действия... Это мы пропускаем...О как! Экзорцизм не убивает демона, а только изгоняет его из этого мира! Так и знал — халтура! Кто сказал «какая разница»? Двоечник, иди на первый курс! А теперь все дружно срисовываем за мной вот такую

загогулину...

Мэтр Тиего подошел к доске, размашисто изобразил на ней пентаграмму и принялся, сверяясь с методичкой, заполнять ее символами. Рисовал мэтр куда менее ловко, чем играл с ножом, так что экзорцизм малость напоминал детские каракули, вызывая в аудитории приступы тщательно подавляемого хохота. Но по мере того как пентаграмма заполнялась символами, рисунок начал мертвенно светиться, и смех как-то сам собой затих.

— Перерисовали? Постарайтесь запомнить в точности, до самых мелких деталей. Диктую: в виде рисунка экзорцизм неактивен. Перед боем наносится на рабочую ладонь, активируется обычным пульсаром. Сила и область поражения индивидуальные, зависят от вашего личного уровня подготовки... Ну что, кто хочет попробовать?

В аудитории застыла тишина. На мэтра смотрели несколько десятков широко распахнутых, любопытных глаз. С задних парт донесся осторожный голос:

— А на ком?

Мэтр хлопнул себя по лбу, полез под кафедру и вскоре вынырнул на свет с толстой глиняной бутылкой в ивовой оплетке. При виде знакомой тары студенты заметно оживились.

— Там не то, что вы подумали, а самый натуральный демон! Вот, получил сегодня под расписку для практического занятия на кафедре демонологии. Сейчас я его выпущу... эй, куда? А ну все по местам!.. И один из вас будет его изгонять. Ну-с, кто первый?

Под взглядом мэтра, как перед оком дракона, все пустело, рассеивалось и растворялось. Но око было поистине всевидящим.

— Кто там сзади откровенно спит? Заскучали — надо взбодриться! Да, да! Я про тебя, Имахена!

Если бы меня увидел кто-нибудь из дворцовой харимы, — например, мать, — тут-то ей бы и потребовался бесогонный экзорцизм. Впрочем, скорее всего она бы меня просто не узнала. Никаких шиньонов, благовоний, стразов и розовых шелков, все это осталось в прошлом. А в настоящем — худая, нескладная девица лет семнадцати, с короткой стрижкой, в потрепанной мужской одежде. Челка ниже глаз, на бритом затылке намалеван синий глаз для тренировки обратного зрения. Руки расписаны по самые локти: снаружи — магическими знаками, изнутри — шпаргалками. Глаза закрыты, лохматая голова положена на локти, локти — на безразмерный рюкзак, в котором что-то подозрительно шуршит и булькает. На утомленном лице следы вчерашней ночной попойки. Больше всего эта девица напоминает только что высадившегося на берег пирата после не особо удачного похода. Или — типичную студентку Незримой

Академии.

— Ну что, рискнешь, бездельница? — спросил Тиего.

— Да как два пальца! — вальяжно ответила я, спускаясь к кафедре. — Выпускайте!

В аудитории загрохотали парты. Возникла толкотня. Отличники с передних парт устремились назад от греха подальше, а двоечники с последних — вперед, чтоб не пропустить такое редкостное, увлекательное зрелище: как демон утащит в преисподнюю лентяйку Имахену.

Чернильным карандашом я быстро перерисовала себе на ладонь пентаграмму, направила ее в пол, пробуя силу. Вокруг ладони запульсировал перламутрово-белый свет. Мэтр тем временем сдирал с горлышка сургуч с печатью.

— Готова?

— Поехали!

— Уважаемый мэтр! — раздался из толпы робкий голосок какой-то отличницы. — Разве не положено сперва очертить круг?

Тиего нетерпеливо обернулся, придерживая пробку пальцем.

— Чего там? Какой еще круг?

— Защитный, — еще более робко пропищала отличница.

Мэтр нахмурился:

— Что за глупости? Какой дурак будет тратить время на рисование кругов в реальном бою, где все решают мгновения?

— Так точно, мэтр! — подхватила я. — На что нам даден универсальный экзорцизм? Демон и высунуться из горлышка не успеет, как я его по стенке размажу!

Тиего, однако, заколебался.

— Круг, ишь ты, — проворчал он. — Постой, сейчас еще раз почитаю методичку. Там, кажется, что-то упоминалось про «технику безопасности»...

— Э... мэтр, — я кивнула на бутылку, — по-моему, читать уже поздно.

Из-под пробки сочился красноватый, пахнущий серой дым.

Дальше все развивалось очень быстро. Вместо того чтобы попытаться завернуть пробку, Тиего с криком «Ложись!» отшвырнул бутылку к дальней стенке и упал за кафедру. Бутылка разлетелась вдребезги, дым повалил во все стороны. В аудитории резко потемнело, дышать стало трудно, словно невидимая тяжесть навалилась на грудь. Звуки стали приглушенными. Казалось, дым, рассеиваясь, впитывал в себя и свет, и воздух, и голоса. Я слышала какие-то отдаленные крики, но уже не могла понять — то ли это вопят мои сокурсники, то ли грешники в преисподней. Все — кафедра, парты, стены — расплывалось и отдалялось. А прямо передо мной из тумана постепенно

проступал размытый силуэт, с каждым мгновением становясь все четче и отвратительнее.

Демон стоял на полусогнутых ногах, наклонившись вперед, и водил длинным носом, будто что-то вынюхивал в серной вони. Если не считать клочковатой темно-красной шерсти, он был совсем голый. Рост и сложение десятилетнего ребенка, голова уродливого старика, отмеченного всеми вообразимыми пороками. При виде меня демон обрадованно распахнул пасть, вывалил длинный черный язык, словно дразнясь, и направился ко мне. Полураскрытые крылья летучей мыши волоклись за ним.

Я тут же направила на него пентаграмму. Демон застыл на месте и прикрыл глаза лапой, будто его слепил яркий свет.

— Ага, не нравится! — ухмыльнулась я.

В отличие от препода ни малейшего беспокойства я не испытывала. Вот уравнения по кристаллографии — это действительно страшно, а изгнание демона... Во-первых, у меня в руке, точнее, на руке — оружие. Во-вторых, нам никогда бы не дали опасного демона для первой тренировки на базовом курсе. Так что самое большее, на что способна эта мелкая нежить — напутать ребенка. Мне было даже как-то жалко его убивать. Нельзя ли найти этому бесу более полезное применение?

— Ты кто? — спросила я, продолжая слепить его пентаграммой. — Как твое имя?

— Имахена, — донесся, как из-под воды, далекий голос мэтра Тиего, — прекращай треп и кончай гада поскорее! Похоже, мы тут немного накосячили...

Ну ладно... Я сосредоточилась, готовя выброс силы. Демон съежился, накрылся крыльями и уткнул морду в лапы, как несправедливо обиженный щенок.

— Эй ты! — тихо окликнула я его, косясь в сторону кафедры. — Хочешь мне служить? Как там у вас принято? Три желания — и свободен!

Демон приподнялся, выглянул красным глазом из-за растопыренных пальцев и кивнул.

— Значит, так. Первое: послезавтра зачет по кристаллам — сдашь его вместо меня или пусть препод заболеет. Второе...

Вдруг я увидела, что демон опустил лапы, поднял голову и смотрит на меня обоими глазами. Потом красный туман вздрогнул, демон щелчком распахнул крылья... и бесследно исчез.

Признаться, я растерялась. Как же так? Куда?! А экзорцизм? Взглянула на ладонь — линии едва светились. Да и мускулы на левой руке ныли так, как будто взяла непривычный вес.

«Тиего сказал — на рабочую руку надо наносить! — дошло до

меня. — А рабочая-то у меня — правая!»

Тьфу! Хороши мы оба — что я, что учитель! При нем же рисовала, и он не заметил. Ну и где теперь ловить этого летуна? Хорошо, если он отправился в преисподнюю, а если нет? Искать его по всей Академии — позору не оберешься...

— Мэтр, тут такое дело, — виновато сказала я, оборачиваясь. — Этот крылатый гад, он, в общем, сбежал... Мэтр?!

Тиего стоял передо мной, всем своим обликом походя на убийцу, кем он, по сути, и являлся, и глаза у него светились красным.

Я рефлекторно ударила пульсаром с правой руки — первая и не раздумывая, так что кое-чему Тиего нас все-таки научил. К сожалению, не помогло. Пульсар развеялся, даже не долетев до учителя. По своему боевому уровню мэтр был несравнимо выше меня. Кроме того, у него имелся нож. Пожелай он меня убить — я бы умерла через мгновение и даже не заметила бы, как это случилось.

Но овладевший им демон не спешил. Наверно, ему тоже было жалко сразу убивать такое существо, как я. Сперва ему хотелось повеселиться.

— Славный прием — выдавливание глаза, — хрипло заговорил одержимый. — Ни разу не проводил его на учениках. Иной раз руки так и тянутся, но нельзя. С другой стороны — почему нельзя? Всегда в глубине души считал, что это порочная тактика — только обозначать приемы! А в реальном бою тоже будете их обозначать?! Нет — тренировка должна идти в полный контакт, только тогда от нее будет толк!

«Пора валить», — подумала я.

Видно, та же мысль пришла и моим однокурсникам. В тумане замелькали тени...

— Сидеть!!! — прорычал одержимый таким жутким голосом, что у меня сами собой подогнулись колени. Мэтр подхватил меня, попутно вывернув кисть таким манером, что я чуть не задохнулась от боли. — Трижды показывать не буду! Только дважды, хе-хе, по количеству глаз... Потом будем тренироваться в парах. Кто не сумеет повторить прием — становится следующим наглядным пособием. И так, пока не останется один зрячий! Ну, поехали! Сперва выдавливаем правый...

Я заорала первая. Через миг красный туман завибрировал от истошных воплей. Из-за них никто не расслышал, как в аудитории распахнулась дверь, и сердитый голос громко спросил:

— Что у вас тут происходит?!

Вопли затихли. Кто-то подвывал от страха, кто-то громко всхлипывал, кого-то тошнило... Сквозь туман и слезы боли в

глазах я едва могла разглядеть в дверях высокую фигуру в синей мантии.

— Сколько можно орать? — раздраженно спросил Альва. — У меня диспут! Студенты сами себя не слышат! Мэтр Тиего, я все понимаю, но вы на этаже все-таки не один...

Тут Альва резко оборвал речь, — видимо, понял, что здесь вовсе не практикум по убийству демона, а нечто прямо противоположное.

— Я тебя узнал! — воскликнул вдруг Тиего с несвойственным ему подобострастием.

— Тем хуже для тебя, — отозвался Альва.

И исчез.

Не успела я возмутиться его трусостью, впасть в отчаяние и снова приготовиться к жестокой смерти, как он возник снова — прямо перед нами.

Как он странно выглядел в этом зловонном тумане! Кожа Альвы казалась совершенно серой. Черты лица уродливо изменились. Он постарел на глазах; тонкий нос загнулся крючком, в углах рта возникли жестокие складки.

Глаза вспыхнули изнутри. Меня окатила волна жара и мороза одновременно.

— Отпусти ее, ничтожный, — приказал он властным тоном, не допускающим неповиновения.

К моему изумлению, одержимый так и сделал. Я рухнула на пол, скорчилась, прижимая к груди вывернутую кисть и с изумлением глядя, как Альва смыкает руки на шее Тиего.

Что он делает? Как?! Мастера боевой магии душит голыми руками какой-то учителишка истории?! Я была почти уверена, что Альву сейчас убьют. Но вот чудеса — Тиего даже не сопротивлялся! Его пылающие красные глаза угасали как угольки, а он и вырваться не пытался. Когда угольки погасли совсем, Альва разжал руки. Мэтр Тиего тяжело рухнул на пол.

— Чокнуться можно! — завороженно прошептала я.

Альва наклонился ко мне. Кожа его все еще казалась сероватой, но глаза уже стали нормальными. Затем посмотрел на Тиего, нахмурился и снова перевел взгляд на меня:

— Ты в порядке?

— Вроде да, — пробормотала я, ощупывая кисть и морщась. — Вы его убили?

— Кого?

— Мэтра Тиего!

— А, этого... Нет, он скоро очнется. Будет ему хороший урок.

Альва посмотрел на мою кисть, резким движением вправил ее, не обратив внимания на мой вопль, и вышел из аудитории.

Вечером, после занятий, я подкараулила Альву во внутреннем дворе.

— Мэтр, постойте! Это, ну, типа спасибо, что спасли меня!

— Забудь, принцесса, — отмахнулся он, торопясь к воротам.

Я пропустила «принцессу» мимо ушей и пошла рядом с ним, стараясь попадать в шаг.

— Круто вы этого демона! А что вы с ним сделали?

Альва усмехнулся.

— Отправил в преисподнюю, что же еще?

— А как?

— У тебя так все равно не получится.

— Мэтр Тиего тоже хотел вас поблагодарить... В общем, что-то высказать... Я только не совсем поняла, что, — у него голос пропал. Он даже хрипеть не может, только глаза пучит и ножом машет...

— Вот и хорошо. Чем больше он будет молчать, тем меньше чуши наговорит ученикам.

— Он вовсе не дурак! — обиделась я за нашего препода.

— Конечно, не дурак. Он рубака. И туда же, демонов гонять... А сам даже инструкцию до конца не дочитал! Там в двух местах, красными буквами, специально для таких, как он, написано: бутылку вскрывать только в защитном круге!

— Он сразу сказал, что долбануть заговоренным оружием было бы лучше!

— Лучше бы сразу признался, что не разбирается в изгнании демонов.

— «Если человек мастер в одном, то он мастер во всем!»

— Кто сказал такую чушь?!

— Мэтр Тиего...

— Вот-вот. Из-за таких «мастеров» в землях мурабитов и появились мертвые города, — сквозь зубы сказал Альва. — Магия — точная наука, она не прощает небрежности. Тем более когда имеешь дело с демонами! Они хитрые твари, знают людей и прекрасно умеют играть на самых низменных струнах души. Они вытаскивают тайные желания с такой легкостью, что человек и сам не поймет, где его воля — а где уже не его...

— О! А скажите, мэтр...

— Я вообще-то не мэтр, а аспирант. Мы с тобой не слишком отличаемся статусом. Так что зови меня Альва.

Я с изумлением уставилась на него. Что я слышу! И от кого!

— Как скажете, мэтр... То есть Альва. Вы так хорошо разбираетесь в демонологии?

— Теоретически. Я же историк магии. Люблю накапливать знания. Наверно, в старости стану библиотекарем.

— Расскажите тогда, как вы все-таки исхитрились изгнать того демона...

Мы вместе вышли из Академии, прогулялись по парку до самых дворцовых ворот, постояли возле них, пока не стемнело, а разговор все не заканчивался. Я уже не первый год сторонилась надменного и язвительного Альвы и, конечно, не подозревала, что он может быть таким интересным собеседником. И что с ним может быть так легко. Даже как-то не хотелось расставаться. И вообще — не каждый день тебе спасают жизнь...

— А пошли хлопнем по стаканчику! — посетила меня гениальная мысль. — Что мы всухомятку обсуждаем такие увлекательные темы, как виды экзорцизма, когда тут за углом есть одно местечко, где подают отличный крепленый сидр, и дешевый! Вырубает с одной бутылки!

Альва насмешливо прищурился. Я почувствовала, что краснею.

— О, я совсем забыла, с кем беседую!

Я щелчком сотворила в руке иллюзию шляпы с перьями и подмела ими землю.

— Простите, сиятельный гранд, что невольно оскорбила вас!

— Пойдем, — неожиданно согласился Альва. — Я тоже люблю эту таверну. А насчет «вырубает с одной бутылки» — ну, это смотря кого.

— Это вызов?! Ха! Спорим, я вас перепью?

— Давненько не получал от благородной девицы такого романтического предложения...

ГЛАВА 10. Сердце-гранат

Ночью начался звездопад. Целые стайки звезд неожиданно срывались со своих мест, бесшумным росчерком пересекали небо и исчезали в темноте. Удивительно, как Эриза не переломала ноги, — она шагала, задрав голову, и что-то шептала себе под нос. Надо думать, загадывала желания.

— Чего загадала-то? — спросила я наконец. — Расскажи, о чем мечтаешь!

— Я хочу... ой, не успела! — хочу, во-первых... Стать такой, как ты!

— Такой, как я? В каком это смысле?

— Настоящей чародейкой! Смелой, свободной... Красивой... Образованной...

— Ну-у, последний пункт, в принципе, выполним — главное, дожить... А еще? Ты сказала — «во-первых», значит, есть и «во-вторых»?

Эриза отвела взгляд от неба и застенчиво взглянула на меня. Мы остановились на лесной прогалине, залитой лунным светом. Над нами дождем сыпались звезды, воплощая чьи-то желания. Я скинула с плеч поклажу и с наслаждением потянулась.

— Еще я хочу... Только никому не говори!

— Никому не скажу! — с чистой совестью пообещала я. — Чего не говорить?

— Я мечтаю когда-нибудь встретить... Его.

— Прекрасного принца? — расхохоталась я.

— И ничего смешного, — буркнула девчонка. — И необязательно принца. Прекрасный рыцарь мне тоже вполне подойдет.

— Ха! Ну тогда уж выбирай — или чародейка, или прекрасный рыцарь.

— Почему надо выбирать? — удивилась Эриза.

—Да потому что...

Я опустила взгляд, подбирая верные слова, и вдруг умолкла на полуслове.

— Смотри, на чем мы стоим!

— На чем?

— Это же ступени!

Оказалось, мы остановились перевести дух на широких ступенях из белого мрамора. Целая лестница, целиком засыпанная хвоей, но вполне сохранившаяся, поднималась куда-то в гору.

Мы переглянулись. И, не сговариваясь, устремились наверх.

Лестница закончилась обширной открытой верандой, с которой открывался дивный вид на ночные горы. Остатки деревянной балюстрады давно сгнили и обвалились. Я заглянула под стрельчатую арку, ведущую во внутренний дворик непонятной постройки. То ли павильон, то ли древняя капилья... Со всех четырех сторон двор опоясывали аркадные галереи. Все заросло плотным, жестким плющом. В середине двора виднелся прямоугольный бассейн, давно высохший. Дно устилал мелкий древесный сор — сухие ветки, иголки... Потолка над аркадами не было — точнее, он находился на полу, куда осыпался в незапамятные времена. В узких окнах дошивали резные деревянные решетки. Я обошла дворик, осторожно переступая через трухлявые балки и распугивая ящериц и пауков. Кажется, кроме них, тут можно было никого не опасаться.

— Ух ты! — услышала я голосок Эризы. — Это что, дворец? Имахена, ты где?

Пока моя подопечная не переломала ноги, ковыляя среди сора, я сжала кулак, прошептала над ним заклинание, а когда разжала кулак — с ладони спорхнул светлячок. От настоящего он отличался размерами — с хорошего шмеля — и интенсивностью свечения. Расправив крылышки, светлячок взмыл над бассейном и вспыхнул как маленькая звезда. По белому мрамору побежали тени.

— Ай! — застонала Эриза в восторге. — Мы нашли лестницу на небеса!

Неестественно тонкие, изящные колонны аркады распускались, словно бутонами, тяжелыми резными капителями. Те переплетались под потолком, создавая упорядоченный хаос причудливых геометрических форм, который хотелось рассматривать бесконечно... Сейчас, при синеватом свете магического светлячка, этот узор напоминал потолок пещеры, поросший сталактитами. А днем он наверно похож на...

— Это же пчелиные соты! Ты посмотри, Имахена, настоящие каменные соты!

— Точно, — кивнула я, приглядевшись. — Соты — символ вечности. Очень древний.

— А это что — яблоко?

Эриза показывала на барельеф, украшавший простенки между арками.

— Это гранат.

— А он символ чего?

— Символ любви.

Девочка уставилась на резьбу с удвоенным интересом.

— Никогда не видела такой плод... А почему именно он —

символ любви?

Мне было лень рассуждать на эту тему.

— Такой же кислый.

Эриза задумчиво повозила пальцем по пыльному барельефу и неожиданно спросила:

— Имахена, а у тебя есть возлюбленный?

— Конечно! Видишь, вот он! — я указала в темноту за аркой. Эриза немедленно туда уставилась. — Не задавай глупых вопросов. Я же колдунья.

— А что, у чародеек не бывает возлюбленных? — недоверчиво спросила она.

— Как ты думаешь, чем занимался бы мой мужчина, пока я болтаюсь по этим горам в компании двух скелетов и одной надоедливой девчонки? Дома сидел, детей нянчил?

— Ну подожди, зачем сразу дети? Какой-нибудь прекрасный рыцарь... Ну, или хотя бы симпатичный чародей...

Я хмыкнула.

— Ах, это? Да сколько угодно! Выпускники Незримой Академии обычно практикуют при дворах амиров. Там есть из кого выбирать. Великолепные мускулы и не менее великолепные мозги — даже не знаю, что привлекательнее... Если не проводить все время в библиотеках и лабораториях, а иногда позволить себе развлечься...

Эриза помрачнела.

— Нет-нет, все не то! А как же любовь?

Я скривилась.

— Любовь — обуза, морока, ложь и выдумка. Она всегда оборачивается болью, вопрос только во времени. И самое главное, любовь — это слабость. У чародейки не должно быть слабостей.

Эриза посмотрела на меня с глубоким сочувствием.

— И ты ни в кого не была влюблена?

— Хвала всем богам, нет!

— Бедняжка!

Я с усмешкой пожала плечами и отвернулась. Но, честно говоря, в глубине души почему-то разозлилась. Глупая девчонка! Что дает ей право меня жалеть? Может, она знает, кому что суждено?

На ночлег мы, недолго думая, устроились там же, на веранде. Скелетов я отправила вниз — караулить лестницу. Вообще-то нет ничего хуже, чем спать в развалинах, тем более не исследованных. Но красота внушала доверие — казалось, в таком божественно прекрасном месте не могло быть никакого зла. Обычный обман. На который все равно раз за разом попадаешься.

Ночью я видела сон. Как будто я снова вхожу во внутренний дворик, окруженный навесными галереями. Позолоченные капители мерцают в лунном свете, как сказочные цветы. Раскрашенные гранаты на стенах напоминают огромные пламенеющие сердца. В напольных пазах цветут розы, под ногами расстелены ковры. Перешагивая через парчовые подушки и валики с золотыми кистями, я подхожу к бассейну. На поверхности воды дрожит лунный луч. Вот только почему вода в нем такая темная и маслянистая? Через мгновение я чувствую хорошо знакомый запах, почти заглушенный приторным благоуханием роз...

Запах крови!

Проснулась я мгновенно, вскочила на ноги и только тогда перевела дух. Несмотря на чувство облегчения, руки до сих пор слегка дрожали. «Чего испугалась, дура?! — пристыдила я себя. — У тебя же меч святого Чучо, к которому демоны за сто шагов не подойдут!»

Впрочем, помимо демонов в горах полно и другой нечисти...

Сон пропал. Я решила сходить проверить дворик — мало ли что. Однако внутри все было по-прежнему: голые стены, гнилые балки, пауки, сухой бассейн. На всякий случай я сложила пальцы в простенький бесогонный знак и направила его на устилавшие дно листья...

Позади раздался тихий мелодичный голос — сладкий, как спелый гранат:

— Не надо.

Я, не опуская руки, медленно повернулась.

За моей спиной в резной арке маячила черноволосая девушка в белом. Она выступила из темноты, словно кисейную занавеску отодвинула, и поплыла в мою сторону. В самом деле, она не шла, а текла, плавно и грациозно. Я испытала приступ необоснованной ревности. Нет, для чародейки ничего не стоит сделать себя красоткой. Хоть все мы и утверждаем, что прекрасны от природы, но цена этим уверениям известна. Но, чтобы создать себе такую внешность, как у этой девушки, мало умения — надо быть настоящим художником, а это дано не каждой.

Девушка-призрак устремила на меня взгляд загадочно мерцающих оленьих глаз с неописуемо утонченным разрезом.

— Что ты здесь ищешь, колдунья?

— Ночлег. А ты?

— Тебя.

— Вот как! Ну, ты меня нашла, и что дальше?

— Я хочу пожаловаться на мою горестную судьбу, чтобы она стала тебе предостережением!

— А что с тобой случилось? — спросила я из вежливости.

— Я умерла, — нежным голосом сообщила гостья. — От голода. И разбитого сердца.

— Мм... Вот как! Что, одновременно? Или два раза?

Прекрасное привидение подошло ко мне и остановилось на самом краю бассейна. Мне показалось, что она висит в воздухе над водой. Водой?! Я быстро глянула вниз. Нет-нет, только сор и пауки.

И никакой крови.

— При жизни меня звали Сорайя, — заговорил призрак. — Я принадлежала к высокому роду, одному из самых знатных в Илиберре... Впрочем, это уже не важно. Я была молода и прекрасна, у меня был возлюбленный, и мы любили друг друга всем сердцем. Когда войска амира Кабра оставили столицу и ушли на юг, чтобы отплыть за море, мой возлюбленный отправился вслед за ними, а меня спрятал в заколдованной башне. «Меня преследует враг, — сказал он. — Я хочу уберечь тебя от опасности, любимая! Как только я догоню амира и заберу у него то, что он украл, я тотчас вернусь к тебе».

Я ждала его день за днем. Он не возвращался. Ни пищи, ни воды в башне не было, а уйти одна я не осмеливалась — горы были полны солдат и демонов Ясина. Днем я бродила по пустошам вокруг башни и ела траву, чтобы заглушить муки голода, а на закате всегда возвращалась, потому что по ночам к стенам приходили чудовища. Они с рычанием бродили внизу, они хотели пожрать мою душу и мою жизнь! Если днем я страдала от голода, то ночами умирала от страха... И все ждала. Ждала и надеялась...

Сорайя подавила рыдание. Я с удивлением увидела, как на глазах призрака выступили призрачные слезы.

— И вот наконец мои глаза открылись. Я поняла, что возлюбленный предал меня, что он никогда не вернется. Он уехал с амиром за море, спасая свою проклятую жизнь! Он бросил меня — одну, среди демонов, на смерть! И за те страдания, которые он мне причинил... я его возненавидела!

В медовом голосе неожиданно послышалось рычание.

— Я умирала в ненависти к тому, кто посмел так поступить со мной! Я то проклинала его, то билась в рыданиях, а потом впадала в забытье и звала его на помощь. Потому что хоть он и убил меня так же верно, как если бы проткнул мечом, никого ближе его у меня не было на свете, и я по-прежнему его любила!

Она отвернулась и умолкла, спрятав лицо в ладони.

— Кончилось тем, — глухим голосом продолжала она, — что я выбросилась из южного окна, что обращено к морю. Может

быть, это было малодушие. Я покончила с собой, чтобы не умирать медленно от жажды и голода... Но сильнее я страдала не от телесной жажды, а из-за того, что тот, кого я жаждала всем сердцем, меня предал!

— Малодушие? — повторила я. — Нет никакой защиты против предательства. Что еще ты могла сделать? Убить его ты не могла — значит, оставалось только одно...

Сорайя искоса посмотрела на меня и мелодично, но очень зло засмеялась.

— Кое-что я все-таки сделала. Стоя в проеме волшебного окна, я прокляла и свою судьбу, и предателя, и место моих страданий. Любая женщина, которая посмеет войти в башню Полной Луны, неизбежно повторит мою судьбу...

«Башня-то чем провинилась?» — подумала я, несмотря на весь драматизм повествования.

А потом до меня наконец дошло, что происходит.

Я захохотала на весь лес (представляю, как перепугались окрестные демоны), а потом сказала со спокойным сарказмом:

— И неудивительно! Если эта башня так хорошо запрятана, едва ли стоит надеяться, что туда найдет дорогу какой-нибудь проезжий рыцарь. Зато, — я уставилась на призрака в упор, — могу поспорить, там частенько бывают колдуны! Я тебе сочувствую, девушка, если, конечно, твой рассказ не был выдуман специально для меня. Когда я доберусь до башни, прилетай ко мне поболтать. Я люблю сказки!

Прекрасное лицо Сорайи перекосилось. Она заскрежетала зубами и взлетела над пустой чашей бассейна.

— Ты осмелилась смеяться надо мной! Да постигнет тебя моя судьба!

— Уже, — процедила я, вскинула руку и с наслаждением залепила по Сорайе бесогонным знаком.

Бессмысленное действие, но мне сейчас остро хотелось что-нибудь разрушить. Привидение с жалобным воплем растаяло в воздухе, над бассейном взвился вихрь из листьев. Я плюнула в вихрь, чувствуя на языке горький привкус, и вернулась на веранду к спящей Эризе. Просто удивительно, как она не проснулась от всего этого шума.

Я улеглась на куче хвои и, дрожа, завернулась в одеяло. Когда успело так похолодать? В груди ныло, словно растревожили старую рану. На душе было темно и пусто, как в этих лживых развалинах.

«Хватит, успокойся и забудь то, что прошло! — приказала я себе. — Лучше погордись немного своей догадливостью! И сделай выводы!»

Как тут не вспомнить один из главных принципов нелюбимой мною, но такой полезной магии иллюзий. Неважно, что делается и что говорится. Главный вопрос: «Зачем?»

Внешнее вообще не имеет значения. Важна только цель, средства безразличны.

Похоже, кому-то позарез надо отпугнуть меня от башни Полной Луны… Прекрасно! Это означает, что башня — не пустышка. Я была уверена в этом и раньше, но как приятно получить надежное подтверждение! Неприятно было бы, проделав такой путь, найти еще одни мертвые развалины с пауками и призраками.

Но, кроме того, это значит, что за нами непрерывно следят. Возможно, подслушивают разговоры, — я с ухмылкой вспомнила «Дальновидение» в лавке. Теперь понятно, как этой Сорайе удалось так метко попасть в больное место.

Ох уж эта Эриза с ее романтикой… Что стоит вся эта романтика для того, кого хоть раз по-настоящему предали?

В небе продолжали сыпаться звезды. Я дрожала в коконе одеяла, мрачно размышляя о давно прошедших делах. А ну-ка сейчас тоже загадаю желание!

«Встретиться еще хоть раз… Встретиться — и расквитаться за все!»

Скверное желание, загаданное в неподходящем месте. Подобные желания тоже сбываются, но так, что и врагу не пожелаешь.

Сон не приходил долго. Наконец мысли стали мешаться, и я кое-как начала задремывать…

… Чтобы вскоре проснуться от истошного вопля Эризы.

Орала она так пронзительно, что аж эхо по горам полетело.

И на то была причина.

Над нами нависал наш мертвый рыцарь. Точнее, уже не совсем мертвый. В первый миг я было решила, что каким-то таинственным образом воскрес святой Чучо. Из-под серебряной маски на меня смотрели живые глаза. Склонившись над моей незамысловатой лежанкой, рыцарь протягивал мне руку. В живой ладони пульсировало живое, настоящее сердце.

— Это не мое. Мое при мне. — Я повернулась к застывшей от ужаса Эризе. — Проверь.

Та побледнела, прижала руку к левой половине груди и с облегчением сообщила:

— Бьется!

— Извините, молодой человек, — любезно ответила я рыцарю. — Вы ошиблись адресом. Это не наше. Тут летал призрак, уж такой он несчастный, поищите его.

Паладин, прищурившись, взглянул на меня и медленно, напоказ сжал кулак. Сердце лопнуло, кровь потекла между пальцами. Эриза вскрикнула, как от боли. Мертвец рассмеялся, бросил сердце на пол… и все стало по-прежнему. Глаза погасли под маской, там, где была плоть, забелели кости.

«За эту выходку я отплачу тебе особо», — подумала я.

В груди ныло так, будто в самом деле вырвали сердце и раздавили его.

— Что стоишь как пень, глупая скелетина?! — сорвала я злость на паладине, выбираясь из-под одеяла. — Иди отсюда! Твое место на лестнице, забыл?

Мертвый рыцарь без слов спрыгнул с края веранды. Я поискала взглядом лопнувшее сердце. Почти уверена, что это морок, но проверить никогда не помешает…

Ого! Вот так штука!

— Что ты делаешь?! — всполошилась Эриза, глядя, как я поднимаю сердце и откусываю от него кусочек. — Не трогай!

— Лови! — Я сделала вид, что бросаю сердце ей, и девчонка с визгом зарылась в одеяло.

— Это гранат, — сказала я со смехом. — Самый обычный гранат. Настоящий. Кстати, зрелый, сладкий, только малость раздавленный. Хочешь попробовать?

— Из рук демона?!

— М-да. Ты права.

Я размахнулась и зашвырнула гранат в лес. Край неба уже начинал светлеть. В лесу перекликались ранние пташки.

— Ну ты и орать! — заметила я, снова забираясь в нагретый кокон одеяла.

— Так ведь это я от неожиданности… Слышу, кольчуга звякает. Я просыпаюсь, а он стоит и смотрит прямо на меня! Имахена, кто это был? Что ему от нас нужно?

Эриза помолчала и мечтательно добавила:

— А глаза у него были… огненные!

— О боги, — вздохнула я. — Это же облик! То, что под ним — совершенно омерзительно! Как у любого мужчины! В смысле — у любого человека! И заметь, я не о черепе с костями.

— Ну ты и сухарь! Теперь я верю, что ты ни в кого не была влюблена!

Я пожала плечами. Смутное ощущение досады не рассеивалось. Неужели амир демонов так плохо обо мне думает? Да за кого он меня принимает? Вот честное слово, мыслит, как эта малявка Эриза.

— Одного не пойму, — сказала я вслух. — Откуда в этих соснах взялся гранат?

ГЛАВА 11.Незримая Академия, урок целительства

В том саду тоже были гранаты. Они как раз отцветали. Маленькие цветы с восковым блеском прятались среди мелких темно-зеленых листиков, алели на каменных плитах, плясали на воде. Да и фонтан там тоже был, но совсем маленький — просто струйка воды в бассейне размером с тазик. Да и сам сад был не больше десяти шагов в поперечнике. Дальше — невысокая кованая решетка, а за ней полная дикого ветра пропасть.

Мы сидели на каменной скамье в висячем саду на верхушке одной из невидимых башен — тех самых, о которых и так много слышала в хариме, но так и не смогла увидеть и день поступления. Пять неправдоподобно тонких башен из белого мрамора, соединенных сводчатыми мостиками без перил, вздымались над черепичными крышами Академии, уходя к облакам. Прямо над нами нависала центральная астрономическая башня, самая высокая. Левее и ниже маячила еще одна. Там не было сада, просто голая квадратная площадка. На ней тоже толпились студенты.

Нас — четверо. Четыре женщины в белом. Две юные девушки с интеллектуальными лицами — адептки с факультета целительства. Маэстра Альмира, голубоглазая старая (по возрасту, но, конечно, не с виду) стерва.

И я.

Девицы сидят, сложив руки на коленях и потупившись, в таких изящных позах, что хоть гобелен с них тки. На них платья из тонкого льна с обережной вышивкой. На шее и на запястьях — медицинские серебряные амулеты. Будущие целительницы всегда должны быть безупречно аккуратными, располагающими к себе и внушающими доверие. Они не пачкают себя рисунками, не делают татуировок и уж тем более не таскают за поясом кистень, а в рукаве позавчерашний пирожок. И конечно, всегда ходят только в платье. Да скорее меня в саван нарядят, чем в этот балахон, в котором даже в мансарду по водосточной трубе не заберешься! Так и быть, из уважения к маэстре я сегодня пришла в белой рубашке. Точнее, утром она была белой... И глаз на затылке рисовать не стала. Все равно волосы уже отросли по самые плечи. Спереди. С недавних пор я заплетала челку в две косы и к каждой подвешивала амулет в виде куриной лапы, в результате чего на улицах ко мне постоянно приставали какие-то раскрашенные варвары — видимо, принимали за свою...

— Девушки, приготовьтесь, я диктую. Тема сегодняшнего занятия...

Ветер отнес окончание фразы за решетку и развеял над зелеными просторами парка и белыми крышами амирского дворцового комплекса.

Адептки послушно открыли тубусы из тисненой кожи, отстегнули с поясов серебряные тушечницы и развернули конспекты. Я же с интересом уставилась в противоположную сторону. На соседнюю башню, где на площадке толпился народ и, судя по всему, проходил зачет по левитации.

Научиться левитировать, в принципе, несложно. Потренируешься лет этак двадцать, уделяя все внимание только этому, — будешь летать, как птица. Только зачем? Мало кому из магов охота тратить время и усилия на один, в общем-то, второстепенный навык. А вот основы левитации нужны каждому магу-практику. Если, например, надо взлететь на отвесную скалу. Или, наоборот, если случайно с нее свалишься.

Техника обучения основам левитации была презанятная. Мы ее осваивали во сне. Однажды в аудиторию ворвался встрепанный, куда-то опаздывающий препод, наспех начитал заклинание, поводил руками в воздухе... И началось. Целый месяц нашей группе каждую ночь снилось падение в пропасть. Ночь за ночью мы срывались, разбивались, просыпались в холодном поту, с криками, в слезах, с нервным смехом... Это безобразие продолжалось до тех пор, пока каждый не научился во сне превращать падение в полет.

Я хорошо помнила этот миг: лечу в бездну с какой-то кручи, в ужасе и тоске готовясь к смерти (ведь во сне предыдущих смертей не помнишь, каждая — как в первый раз!), и вдруг внутри нарастает протест. И является странная мысль: «Да сколько можно»! Ощущаю свое тело, его вес, и начинаю усилием мысли его уменьшать, пока не становлюсь совсем невесомой. И получается! Боги, как же это оказывается легко! Почему я так не делала раньше? И вот я уже не падаю камнем, а планирую как воздушный шарик! Ура!

Больше мне такие сны не снились. Но тем же вечером вечно спешащий препод привел меня на вершину башни — той самой, соседней, где сейчас идет зачет, — и сказал:

— Ну, показывай, чему научилась!

Признаться, страшно было до обморока. Но чародейка и страх — понятия несовместимые. Мощным волевым усилием я подключила разум. Никто не допустит, чтобы я разбилась! Зря они, что ли, тратили время и силы на подготовку студента, чтобы сейчас его убить? Конечно, препод подхватит меня, если что! Я

ничем не рискую! А ну-ка, попробуем уменьшить вес тела...

И уверенно шагнула вниз.

— Аа-а-а-а!

Маленькая фигурка (отсюда не узнать, кто), размахивая руками и ногами, сорвалась с края площадки и, крутясь в воздухе, исчезла где-то внизу. Крик постепенно удалялся, пока не затих. Адептки вздрогнули и уставились на маэстру, держа наготове перья.

— Итак, тема сегодняшнего занятия — черепно-мозговые травмы, — невозмутимо продиктовала Альмира. — Ставим цифру один... Что такое? Почему не пишем?

— Пожалуйста, подождите, — мелодичным голоском попросила одна из адепток. — Имахена не успела подготовиться.

Все трое выжидающе уставились на меня. Я скрипнула зубами, достала из-за голенища помятый свиток — конспект по всем предметам — и обкусанный свинцовый карандаш. Заботливые вы мои! Под укоризненными взглядами адепток нарочно поковыряла им в ухе и приготовилась писать. Порыв ветра чуть не выдрал свиток из рук. Я поймала его в последний миг, ругнувшись в солдатском стиле мэтра Тиего. Нежные девицы залились румянцем. Маэстра Альмира презрительно скривилась.

А, к бесам, я даже не помню, как их зовут, этих жеманниц! Я слишком вульгарна для факультета целительниц. Их воротит от моих кожаных штанов и манер, точнее, их отсутствия. Не для того я так долго и старательно вытравляла из себя всякую память о ненавистной хариме, чтобы заново учиться этим, чтоб их разорвало, церемониям! Хочу домой, к любимым боевым магам!

— Имахена, вы меня слушаете? Повторите последний абзац!

— Это который?

— Там, где перечисляются признаки внутричерепной гематомы!

Неожиданно мне все это страшно надоело.

— Зачем все это нужно? Только тратить время на запоминание лишней информации, — объявила я, сворачивая конспект.

Девицы уставились на меня, неэлегантно приоткрыв рты.

— По-вашему, базовые медицинские знания — это лишняя информация? — ядовито спросила Альмира.

Хе-хе. Сейчас я еще не так ее шокирую.

И выдала то, что накануне выслушала на лекции у моего доброго приятеля Альвы, который в этом семестре читал нам историю магии. На его-то уроках я никогда не считала ворон!

— Вся эта новомодная медицина не выдерживает проверки

практикой! Древние, которые были мудрее нас, считали, что причина всех болезней — вмешательство демонов. Или даже так: болезнь — это и есть демон. Стало быть, лечение будет заключаться не в знании анатомии и запоминании всяких там признаков гематомы, а просто-напросто — в изгнании соответствующего демона...

Девицы неуверенно захихикали. Альмира нахмурилась. Даже морщина проступила на идеально гладком лбу.

— Вы такой специалист по изгнанию демонов?

— Да, есть немного, — скромно сказала я, вспомнив некий урок боевой магии. — Кое-какой опыт имеется.

Училка поджала губы.

— В самом деле, не далее как в прошлом веке эта точка зрения на болезнь преобладала, — признала она. — Болезнь считали одержимостью и применяли к больному экзорцизм. Иногда больной лишался болезни вместе с жизнью. Это считалось положительным результатом. Здоровье души — важнее здоровья тела. Вам нравится такой подход, Имахена? Вы бы хотели, чтобы его применили к вам?

— Ну...

— В темные времена, при особенно обеспокоенных здоровьем нации амирах, под предлогом лечения людей порой запытывали насмерть. В тех, конечно, случаях, если больным не удавалось своевременно откупиться от врачей...

— Но ведь многим помогало! — заикнулась я.

Собственно, я была с ней согласна и спорила исключительно из вредности. Но маэстра этого не знала и испепелила меня гневным взглядом.

— Настоящий целитель, — каркнула она, — готов пожертвовать жизнью ради того, чтобы избавить больного от страданий. И прошу вас заметить — своей жизнью, а не жизнью пациента!

— Теория!

Альмира недобро прищурилась.

— Желаете доказать ваши абсурдные утверждения на практике?

— Легко!

— Остается только найти больного, — с ехидной улыбкой ввернула одна из адепток.

— Да мой экзорцизм сам его найдет! — самонадеянно заявила я, холодея.

Ну я и влипла!

Целительницы смотрели выжидающе — надо было что-то делать. Быстро раскинув мозгами, я решила совместить три

заклинания: радиальный поисковый импульс, приснопамятный универсальный экзорцизм и недавно изученное на уроках целительства общее диагностическое сканирование силовым полем. Что после этого останется от моего собственного здоровья, даже не хотелось задумываться. Но отступать некуда! Так, чем связать элементы заклинания?

Нужен единый носитель информации... Что-нибудь из первоэлементов... Взгляд упал на фонтанчик...

Точно — вода!

Дальше все было делом техники. Я по памяти начертила на ладони пентаграмму, встала, подошла к фонтанчику, набрала горсть воды, прошептала над ней заклинание поиска и активировала радиальный пульсар.

Громкое шипение слилось с моим воплем, когда вода мгновенно испарилась у меня в руке. Пентаграмма полыхнула и погасла, оставив только запах гари и черные, словно обугленные, линии у меня на ладони.

— Ожог второй степени, — услышала я за спиной злорадный голосок.

Я проигнорировала и реплику, и жгучую боль в руке, прислушиваясь к своим ощущениям. Что-то определенно получилось, только вот что? Удалось ли связать водяной пар с бесогонными чарами? Поисковый импульс ушел, но куда?

Ответ получила очень скоро. Башня дрогнула. Мраморный пол под ногами заходил ходуном. Девушки с воплями повскакали со скамейки, кинувшись под крылышко к маэстре. Та растерянно вертела головой, не больше моего понимая, что тут творится. Еще толчок... Землетрясение? Снизу нарастал глухой рокот. Прямо перед нами, поперек садика, побежала трещина. Девицы пронзительно завизжали. Вода, плеснув, ушла из фонтанчика, жалобно затрепетали гранатовые цветы... Медленно и величественно половина висячего сада отвалилась и рухнула вниз. Я следила за ее полетом, как зачарованная. Тяжелый удар; площадка развалилась при столкновении с аркадным мостиком, разрушив и его, и полетела дальше вниз в виде разрозненных кусков мрамора.

— Боги! — прошептала маэстра в глубочайшем шоке. — Что это было?!

Я разразилась нервным хохотом.

— Видали? Интересно, на кого все это грохнулось?

На лицах адепток отразился ужас. Я подошла к краю разлома и осторожно заглянула вниз. А в самом деле... Далеко-далеко шла какая-то суета. Бегали, кричали...

— Целителя! — услышала я на грани слуха. — Целителя!

Мне сразу стало как-то совсем не смешно. Неуверенно взглянула на Альмиру — та стояла с закрытыми глазами, зрачки быстро двигались под опущенными веками, губы шевелились, передавая ментальное сообщение. Адептки смотрели на меня так, как будто это на меня только что упал воз камней.

Проклятие!

Я кинулась к краю и, ни на миг не задумавшись, спрыгнула вниз. В конце концов, зачет по левитации я сдала успешно.

... Когда, больно стукнувшись пятками, я приземлилась во дворе Академии, то сразу очутилась посреди суетящейся толпы. Вся площадка была завалена крупными осколками камня, в воздухе висела пыль. Я заметила нескольких однокурсников, из числа сдавших левитацию, — они сосредоточенно разбирали завал, где виднелись обрывки синей преподавательской мантии и чьи-то ноги в кожаных башмаках. Меня бросило в холодный пот.

— Я целитель, пропустите! — закричала я, протискиваясь вперед.

Толпа расступилась. Ребята как раз подняли осколок мрамора размером с могильную плиту. Под ним, в крови и белой каменной крошке, обнаружился не кто иной, как Альва.

Я прикусила пальцы, чтобы не заорать. Парни стояли рядом, глядя на расплющенное тело также растерянно, как и я. И думая, наверно, о том же самом. Что невозможно выжить после того, как на голову упадет скала размером со стол... Что он мертв, безнадежно мертв!

«Нет, он не умрет так просто! — стучало в голове. — Это же не какой-то студент! Альва опытный маг... Пусть и теоретик, но...»

Я опустилась на колени рядом с бездыханным телом, зажмурилась, открыла глаза на руках (правая ожгла резкой болью) и начала осмотр.

Оценка состояния больного с помощью собственной ауры имеет только один минус: такая оценка верна, когда врач сам полностью здоров. Остальное — пустяки. Просто сличаешь две картинки, два образа — здоровый и не очень. «Найдите десять отличий». У некоторых этот метод действует более замысловато. Например, один мой приятель рассказывал, что воспринимает ауру как мелодию, и, обследуя больного, тихо напевает, пока каждая фальшивая нотка не будет найдена и перепета правильно.

Я сличала картинки, и ситуация удивляла меня все сильнее. Никаких смертельных повреждений... Сотрясение, и, кажется, довольно сильное. Альва сейчас в глубокой отключке — и только. Как это у него получилось? Неужели он успел отразить камень защитным полем? Вот это реакция!

Но внутри, глубже, чем я могла заглянуть, творилось что-то очень нехорошее. Настолько нехорошее, что я всерьез обеспокоилась за жизнь пациента. Возникало смутное ощущение некой болезненной, кровоточащей раны, но ладонями ее не разглядеть.

Что ж, выхода нет. Придется забраться и посмотреть. Я не забыла о невидимой оплеухе, полученной в день нашего с Альвой знакомства, но готова была получить еще десяток — главное, не дать ему умереть. Это мой долг целителя, и человеческий долг тоже. Когда-то он спас мне жизнь — теперь мой черед...

Я закрыла глаза на руках, глубоко вздохнула и медленно открыла око сердца.

И на меня кипящим потоком обрушилась боль.

А-а-а! Сколько ее! Да у Альвы тяжелейший болевой шок! Но она не имеет отношения к упавшим ему на голову камням. Преодолевая жгучие волны боли (казалось, что медленно бреду против течения в огненной реке), я проникла еще глубже — и нашла ее источник.

Вот здесь, чуть ниже ключичной впадины. Визуализируется как кровавая рана. В ране торчит блестящий осколок — то ли тонкой острой стали, то ли зеркального стекла. Я его внезапно узнаю. Да это же мой универсальный экзорцизм!

Так вот что случилось с Альвой — подвернулся под мое заклинание. Бедняга!

Потому его и камнем пришибло. Чтобы отключить сознание и не мешать работать чарам. Иначе он сразу же послал бы этот экзорцизм куда подальше. Хоть бы обратно в меня.

«А связка-то отлично сработала! — промелькнула мысль. — Надо будет запомнить и записать! И может, даже запатентовать!»

Но сейчас моя задача — помочь Альве. Я уже почти спокойна. Ничего смертельного, просто очень болезненно. Сейчас удалю остатки экзорцизма, которые явно причиняют моему приятелю тяжелые мучения, а потом спокойно, не спеша, займусь сотрясением...

Я мысленно нащупала осколок и потянула на себя.

Как только осколок вышел из раны, Альва открыл глаза. Разума в них не было — только жуткая ярость.

Я отпрянула, как на тренировке от удара, — но какое там! Не знаю, как ему это удалось, он двигался слишком быстро. Доля мгновения — и моя рука уже не слушается, а острый край осколка входит мне под ребра.

— Альва, что ты делаешь? Я же помогаю тебе!

Ни злости, ни страха я испытать не успела. Только удивилась — он что, в самом деле хочет меня убить?

— Стой, не надо!

Пылающие глаза смотрят без всякого сострадания — даже, пожалуй, с удовольствием. Никакой боли я почему-то не испытала, только холод. Потом холод каким-то образом превратился в темноту. Я потеряла сознание, так и не почувствовав ничего, кроме удивления.

Когда я пришла в себя, обломков вокруг стало меньше, а толпа — значительно больше. Рывком села, охнув от боли в груди.

— Где Альва?!

— Очнулся, встал и ушел, — ответит знакомый парень с боевой магии, радостно ухмыляясь и помогая мне сесть. — Ты молодчина! Круто быть целителем! Раз, два, поводил руками — и мертвый воскрес! Мы только слегка испугались, когда ты упала, но тут как раз очнулся Альва... Стой, ты куда!

Аспиранта я нашла не скоро и чисто случайно — пробегая мимо, заметила сгорбленную фигуру на нижней ступеньке крыльца одного из старых корпусов. Странно было видеть гордого и изящного Альву скорчившимся на заплеванном крыльце. Да еще голову на руки уронил, словно какой-то перепивший первокурсник.

— Я не нарочно, — сообщила я робким голосом, подкрадываясь сбоку так, чтобы остался простор для бегства. Мы занимались целительством на башне... Я не знала, что ты как раз стоял внизу...

— Уходи, Имахена.

Я заметила, что руки у него дрожат, и сама затряслась непонятно почему. Только сумела выговорить:

— Прости меня! — И разревелась. — Альва, я хотела тебе помочь...

— Мне сказали, что я тебя чуть не убил.

— Ну что ты, я же понимаю — ты не со зла, все из-за болевого шока... Я не сержусь!

Альва посмотрел на меня очень странно. На лице промелькнуло то выражение... В памяти возник входящий в мое тело зеркальный клинок. На миг стало страшно.

Но чародейство и страх — вещи несовместимые. Я села на крыльцо рядом с Альвой и сказала умильным голосом, сбоку заглядывая ему в лицо:

— Больше не буду сбрасывать тебе на голову камни, обещаю! — Альва улыбнулся так печально, что я снова чуть не расплакалась. — И еще, знаешь что? Я решила специализироваться на целительстве!

— Гм... Странный для тебя выбор. Зачем?

— Чтобы больше подобного никогда не повторилось!

Альва пожал плечами.

— Какое тебе дело до людей и их болезней?

— Мне есть дело до тебя, — заявила я, краснея. — И если с тобой... Если с кем-то еще из моих друзей такое случится — чтобы я не навредила никому случайно и не оказалась беспомощной...

— Ты и не оказалась, — сказал он мягко и протянул мне руку.

Я ее пожала, но с ощущением, что ничего не поняла. То ли «спасибо», то ли «мир и дружба», то ли «разговор окончен, вали отсюда». А потому решила остаться и продолжить беседу.

— Я вот все думаю: почему моя связка сработала именно на тебе? Случайность или нет?

Альва нахмурился:

— Какая еще связка? Так ты не просто уронила мне на голову кусок веранды?

— Нет! Радиальный поиск, диагностика плюс экзорцизм на общем стихийном носителе! — с гордостью заявила я.

— Ах вот в чем дело! Нет, ну это же надо! А я-то думал, чем меня так треснуло... Это же еще додуматься... Но зачем ты добавила экзорцизм?

— А что? Сам же рассказывал! «Испокон веков считалось, что болезнь — это бес...»

— Так когда это считалось? С тех пор наука ушла далеко вперед...

— Можешь меня переубеждать, но...

«Экзорцизм-то подействовал!» — мысленно добавила я, но вслух этого говорить не стала, выкрутилась иначе:

— Думаю, в тебе сидело какое-то нездоровье, на которое и среагировало заклинание...

— Я совершенно здоров! — резко ответил Альва, отодвигаясь от меня, и тут же разразился кашлем.

— Гм... Оно и видно... Как ты себя чувствуешь в последнее время? Не лихорадит? Горло не болит? Знаешь, мне показалось, что у тебя было какое-то серое лицо...

— Хватит!

— А почему ты сейчас разозлился?

— Остановись, Имахена. — В голосе Альвы зазвучала угроза. — Лучше бы тебе держаться от меня подальше! Не лезь в то, что тебя не касается! Есть пределы и твоему любопытству!

Я струсила, но виду не показала. Уже возникла привычка — от уроков боевой магии, — когда страшно, лезть на рожон. Я и полезла.

— Это не любопытство, а желание помочь!

— Маг помогает себе сам, запомни на будущее.

— А я все равно стану целителем! И помогу тебе, хочешь ты этого или нет!

Альва вскочил с крыльца. Я кинулась прочь, интуитивно ощутив, что пора убегать. В спину ударил яростный голос:

— Убирайся! И никогда не подходи ко мне со своими экзорцизмами, если хочешь жить!

ГЛАВА 12. Сын луны

Путешествие шло своим чередом. И вот наконец настал знаменательный день — мы поднялись над лесами. Теперь тропа бежала через луга и вересковые пустоши, продуваемые ветром с ледников. Рощицы остались только в долинах. Облака уже не летели в вышине, а ползли по верхушкам гор буквально на расстоянии протянутой руки. Когда прямо над головой проплывало такое облако, от него волной накатывала ледяная сырость. Я с ворчанием заворачивалась в плащ, а Эриза восхищалась: «Ах, как близко до неба!»

Хотя дни стояли солнечные, мы обе постоянно мерзли, особенно по ночам. Ни мне, ни Эризе не доводилось раньше путешествовать в горах. Даже костер не развести, потому что жечь тут было нечего. Все, что я могла, — наколдовать нам ощущение тепла, чтобы хотя бы высыпаться перед дорогой. Эриза простудилась, подрастеряла свою жизнерадостность, хлюпала носом и потихоньку ныла.

— Далеко еще? — спрашивала она то и дело. — Ты уверена, что знаешь дорогу?

— Нет.

— Но...

— Я иду по приметам.

— По каким?

Я отмалчивалась. Лучше ей не знать, как я искала башню Полной Луны.

Каждый вечер перед сном я садилась, выпрямив спину и сложив руки, и погружалась в медитацию. Это напоминало ловлю рыбы в мутной воде. Клюнет? Не клюнет? Все, что я могла, — смотреть и запоминать. Иногда получалось, чаще нет. Я собирала путь к башне по кусочкам, словно мозаику. Еще намек, еще ориентир. Пока я знала только одно — общее направление выбрано верно. В том первом, самом ярком видении, позади башни белели ледники. Значит, мой путь — к снежным горам, на север.

В последний раз мне башню увидеть не удалось, зато я кое-что поняла в процессе поиска. То чудовище, которое напало на меня в лесу и, по моим предположениям, растерзало овцу, появилось в ответ на оживление богини в заброшенном святилище. Эти два явления были напрямую связаны.

А есть еще этот неуловимый «амир демонов»!

Губы невольно растянулись в злой усмешке. Что ж, пусть старается. Пока он ловит меня, я буду ловить его. Кто из нас

птичка, а кто птицелов, выяснится позднее.

Однажды вечером наши скелеты начали проявлять явные признаки беспокойства. В конце концов, они совсем остановились, отказываясь идти дальше. Эриза забежала немного вперед, но скоро вернулась с сияющим лицом.

— Там деревня! — закричала она. — Огромная!

— Заброшенная?

— Нет, живая! Ты бы видела, Имахена!

— Ничего себе деревня... — пробормотала я, окидывая взглядом открывшийся за поворотом вид.

Перед нами в чаше голых скалистых отрогов раскинулась обширная зеленая долина в пестрых лоскутках возделанных полей. В центре ее, словно остров, высилась одинокая гора, поросшая лесом. На вершине этой горы на фоне малинового неба чернела зубчатая башня весьма зловещего вида. У подножия горы и выше расположился целый город. Да, белоснежный город, поднимающийся по склону террасами. Глухие стены домов, подобно сотам, образовывали ярусы. Над плоскими крышами поднимались многочисленные дымки.

— Идем? Идем? — Эриза аж подпрыгивала от нетерпения.

Я быстро обдумала ситуацию.

— Почему бы нет? Но паладина с собакой придется оставить тут. Иначе как бы нас не закидали камнями на подходе...

«Кстати, интересно, кем или чем охраняется этот город? Как он защищается от демонов? — подумала я, бросая взгляд на отчетливо чернеющую в небе башню. — Судя по всему, защита здесь помощнее нашего меча...»

— Бросим их? — огорчилась Эриза.

— Когда мы пойдем дальше, они к нам присоединятся. Уж им-то в лесу ничего не грозит!

На закате мы подошли к воротам. Они были распахнуты настежь, словно вокруг был и не край Мураби.

В остальном городок не вызывал подозрений. Нормальные жители, не демоны. Ну, если не считать того, что все они носили такие же плащи, как я, или длиннополые кафтаны и шаровары, как Эриза. Чернобородые мужчины в белом, черноглазые женщины в черном...

— Это же деревня мурабитов! — зашипела мне в уши Эриза.

— Тихо ты! Я вижу. Не верти головой по сторонам! Иди спокойно, уверенно... Словно ничего не боишься...

— А я и не боюсь. Как они странно на нас смотрят! Смотри, они прячутся!

— Ничего странного, — хмыкнула я. — Именно так обычно и встречают в деревнях захожую чародейку. Зато пока никто со

стены не выстрелил. Вот увидишь, сейчас вышлют делегацию и посулят отступного, чтобы мы отсюда убрались.

Но ничего подобного не происходило. Прохожие при попытке обратиться к ним бледнели и кидались прочь либо захлопывали двери и ставни у нас перед носом.

— Хотела бы я знать, что она там орет! — проворчала я, проходя мимо очередной поспешно захлопнутой калитки, из-за которой доносились истерические женские вопли.

Эриза прислушалась и сказала:

— Она благодарит небеса.

— Ты знаешь язык мурабитов?!

— Конечно. У нас в деревне все старики на нем говорят. А ты разве нет?

Я покачала головой, впервые за долгие годы снова чувствуя себя ленивой двоечницей.

— И за что она так благодарна небесам? Что злая ведьма не успела напустить на нее бородавки? Так это дело поправимое!

— За то... — Эриза прислушалась и удивленно закончила: — За то, что они пожалели их и послали сегодня в их город двух чужаков... То есть нас...

— Благодарит?! Так чего же они тогда прячутся? Что-то я засомневалась в твоем знании языка...

Эриза побагровела и начала с жаром отстаивать свою правдивость. Я слушала вполуха. Меня тоже начинало тревожить происходящее. Еще только вечерело, а население активно запиралось по домам. Пока мы шли кривыми улочками вдоль белых оштукатуренных стен, постепенно взбираясь все выше в гору, улицы совершенно обезлюдели. Местные следили за нами из-за ставней и оконных решеток, громко выражая благодарность небесам. За что, хотелось бы знать?

Солнце спускалось все ниже. Тишина, нарушаемая только звуком наших шагов, становилась все более гнетущей.

— А вдруг после заката все местные жители превращаются в призраков? — прошептала Эриза.

Я мысленно перебрала уже несколько вариантов возможного развития событий, один неприятнее другого, но озвучивать их пока не стала.

Наконец я увидела то, что давно высматривала — постоялый двор. У него, по крайней мере, дверь была распахнута.

Внутри нас ожидало довольно странное зрелище. Обеденный зал был совершенно пуст. Ни хозяина за прилавком, ни служанок, ни поваров, ни посетителей. При этом в камине горел огонь, и на вертеле что-то жарилось, капая жиром на поддон. На прилавке, подмигивая, горела большая масляная лампа.

— И как это понимать? — вслух подумала я, щурясь от света.

За спиной раздалось чавканье. Я быстро обернулась. В углу на одном из длинных столов стояла большая миска, источающая аромат горячей тушеной баранины с фасолью, а перед ней, развалившись, восседал одинокий посетитель. Он вылавливал из миски пальцами куски баранины и с жадностью их поедал. Я невольно оценила его позицию — в темном углу, лицом к двери. А также меч — такой же, как у меня, кривой саиф, — лежащий слева от миски.

— А-а-а! Путники! — саркастически протянул владелец меча. — Очень вы вовремя, ничего не скажешь! Ну, присоединяйтесь! Солнце уже зашло?

— Только что, — робко ответила Эриза.

— Покушайте перед смертью. Приятного аппетита.

Я подошла к столу.

— Это кто же тут угрожает нам смертью? Не ты ли, мальчик?

— Еще раз так назовешь меня, пожалеешь!

— А как нам тебя называть? — спросила я, бесцеремонно рассматривая собеседника.

В темноте он казался старше. Долговязый и худой, даже тощий, светловолосый и светлоглазый парень. Но при этом одетый по-местному. Я быстро просканировала его меч на предмет магии — все чисто, обычная добротная железяка...

— Зовут меня Хассим, — буркнул парень, возвращаясь к еде.

— Так это же мурабитское имя.

— А я, по-вашему, кто?

— Сын луны! — прошептала Эриза, глядя на него как зачарованная.

Блондин поднял глаза от миски и обжег Эризу ледяным взглядом.

— Глупая ежиха!

Эриза побледнела от незаслуженной обиды.

— Ты местный? — спросила я.

— Ну да, естественно.

— Как называется ваша деревня?

— Разуй глаза, где тебе деревня? Это Альсиен, столица царства Мураби!

— С каких это пор? А Илиберра?

— Ну, вспомнила! Она уж сто лет как захвачена демонами и заброшена. Как и все прочие города, кроме нашего.

— Это уже ближе к правде, — пробормотала я. — Демонов я тут не ощущаю. Но одного не пойму — почему все, гм, жители столицы от меня попрятались?

— Не от тебя, — ухмыльнулся Хассим.

— А от кого?

— Уверены, что хотите знать? Да вы не стесняйтесь, ешьте! Думаю, какое-то время у нас есть. Почему бы не поболтать, пока не началось?

Я, не чинясь, выловила в миске баранью кость с мясом и присела к столу — боком, чтобы видеть и блондина, и открытую дверь.

— Эриза, и ты поешь, раз угощают! А ты, парень, давай, вводи нас в курс дела.

Блондин высокомерно взглянул на меня, но послушался и принялся рассказывать.

В общем, дело обстояло примерно так, как я и предполагала, только еще хуже. Сегодня — особая ночь, рассказывал Хассим. Такая ночь выдается всего один раз в году. В эту ночь с той горы, что возвышается над долиной, спустится могущественный демон, войдет в Альсиен и выберет себе жертву. За это он защищает городок от других демонов весь оставшийся год — до следующей особенной ночи.

— Вот это по-нашему, — пробормотала я.

В самом деле, в землях, где проблемы с законной властью, так делают не только демоны. То есть обычно как раз не демоны. Иногда эту роль берут на себя жрецы, выступающие от имени какого-нибудь прожорливого и мстительного бога.

Но чтобы демон самолично вздумал терроризировать город — это что-то новенькое.

Я быстро обглодала кость и принялась задавать уточняющие вопросы.

Оказалось, они этого демона еще и кормят целый год. Там на горе построили жертвенник — туда еду и таскают, да столько, что можно две семьи прокормить. Потому демон и требует человеческую жертву только раз в год, а не каждый месяц, как, по слухам, делал раньше.

— Ну, тогда бы он быстро остался и без жертвенника, и всего прочего, — заметила я. — При здешних темпах прироста населения жители иссякли бы лет за двадцать. Любопытно! Значит, сегодня ночью демон спустится с во-он той горы и будет рыскать по улицам, как волк, в поисках добычи...

Эриза слегка побледнела.

— Уходим?

— Чего зря метаться? Оставайтесь тут, — предложил Хассим. — Старина Брух непременно придет сюда. Видите — огонь горит, дверь открыта...

— Брух?

— Так его тут прозвали. Брух—демон с горы Ан-Джезир. Он,

ясное дело, нам не представился...

— Так ты его ждешь? — спросила я.

— Как ты догадалась? — притворно изумился блондин.

Эриза в волнении уставилась на лежащий на столе меч.

— Ты собираешься его убить?!

— В общем, да. Точнее, уж как получится.

— Кто-то уже пробовал убивать этого демона до тебя? — спросила я.

— Конечно. И кучей, и по отдельности. Пока никому не удавалось. На моей памяти было один раз — вот в этой самой таверне. Храбрый был парень, боевой, да и жребий-то не ему выпал, а девчонке знакомой, ну он и решил рискнуть. Девчонку Брух все равно унес. А парня примерно наказал. Только голову забрал, остальное тут оставил. Я приходил поглядеть... — Хассим обвел мечтательным взглядом обеденный зал. — Кишки на всех балках висели... А уж что на полу творилось!

Эриза побледнела. Должно быть, вспомнила овцу.

— Что еще за жребий? — спросила я.

— Есть тут у нас довольно гадкий обычай. Когда стало ясно, что Бруха оружием не одолеть, стали кидать жребий. Кому он выпадал — выгоняли ночью на улицу. Так нашему мужичью спокойнее, — презрительно добавил блондин. — Пусть один терзается, а не вся деревня. Остальные запирались и сидели по домам как овцы — вот как сейчас...

— И сейчас жребий выпал на тебя?! — распахнула глаза Эриза.

Хассим вгрызся в баранью кость.

— С этим жребием всегда было нечисто, — жуя, невнятно сообщил он. — Я не припомню, чтобы он хоть раз выпал на кого-то из богачей. Или на здоровых, сильных парней, годных пахать в поле. А вот на бедняков, за которых некому вступиться, стариков, старух, сирот, — постоянно. Моя мать тут чужачка, отец взял ее замуж издалека. В прошлом году он умер. Ну и в этом на нее выпал жребий. Я вызвался вместо нее. Но тихо сидеть и послушно умирать я не собираюсь.

Хассим метко швырнул кость через весь зал в медный кувшин.

— Я умру громко!

Кувшин мелодично зазвенел. Эриза смотрела на белобрысого, как на героя. Я обдумывала ситуацию.

— Не обязательно. В смысле — не обязательно умрешь.

— Было бы неплохо, но как это обстряпать? — хладнокровно спросил парень.

Я молча выложила рядом с его мечом свой. Таверна

озарилась лунным бликом.

Мне было действительно интересно посмотреть на этого демона-потрошителя.

— Один вопрос. Как этот Брух выглядит?

— Это никому не известно, — ответил Хассим, уставившись на мой саиф, как кот на сметану. — Те, кто видел его своими глазами, уже ничего не расскажут.

Быстро темнело. Белый городок затаился, словно прикинувшись мертвым. Только в таверне шли активные приготовления к встрече с демоном. Точнее, я готовила ему ловушку, а ребята мне мешали.

Дрова в очаге догорели, и в зале стало почти темно — только угли рдели во мраке. Лампу, стоявшую на стойке, я решительно погасила.

— Мне свет только помеха, — объяснила я недовольному парню. — Значит, так. Меч я пока спрячу. Вот тут, на скамейке, под полотенцем. Убери от него лапы, Хассим! Мы хотим заманить демона, а не отпугнуть его.

— Но разве демон сможет приблизиться к мечу? — удивилась Эриза.

— Вот и увидим, — сказала я, решив обойтись без объяснений. Девчонке будет спокойнее. Зачем ей знать о том, что на тварь из леса не действовала моя магия? Не исключено, что и меч не всегда срабатывает...

Хассим проводил сияющий саиф алчным взглядом.

— Ладно, тебе виднее. Если ты в самом деле чародейка, а не бахвалишься! — И тут же принялся распоряжаться: — Значит, так: я встану за дверью с мечом. Не хочешь дать мне заколдованный — как хочешь, я и своим управлюсь. Ты встань с другой стороны от двери, ударим одновременно! А девчонку оставим за столом — все равно от нее проку нет, так пусть поработает приманкой...

— Знаешь, мне уже кажется, что ты не вызвался сам, а твои односельчане решили от тебя избавиться! — не выдержала я, укладывая меч так, чтобы его можно было бы схватить, не запутавшись в полотне и не отрубив себе по пути ухо-другое. — Если хочешь мне помогать, молчи и слушай.

— Что-то я не понял, кто тут кому помогает! — буркнул Хассим ядовито и сел на край стола, демонстративно отвернувшись от меня и от двери.

Я, не обращая на него внимания, негромко сказала Эризе:

— Пока я приближения демона не ощущаю. Но тогда в горах прыгучая тварь тоже подобралась незаметно. Я могла бы поставить маячки на подходах, но времени нет. Так что на всякий случай — держим ушки на макушке. И главное — когда начнется,

не лезем мне под руку! Хассим, это в первую очередь к тебе относится.

Парень надменно тряхнул белыми волосами, но даже не повернулся.

— А он точно сюда придет? — спросила Эриза слегка дрожащим голосом.

— Придет-придет, — подтвердил Хассим. — Думаете, он |тут кого-то боится? Он считает, мы все ему на один перекус!

Эриза придвинулась поближе ко мне.

— Ничего, — самодовольно сказал Хассим, любуясь лезвием своего оружия. — Зато у меня есть вот что! Наследственный меч!

Я не стала его разочаровывать, но, на мой взгляд, это пыла банальная, довольно некачественная сабля.

— И хорошо ли ты владеешь этим «наследственным мечом»? — спросила я. — Как у тебя с техникой?

— Да я вообще им не владею!

— Так за каким бесом ты его с собой таскаешь? Если не умеешь с ним обращаться?

— А где б я научился? — спросил парень желчно. — И кто б меня обучил? Я же не какой-нибудь благородный — я простой деревенский парень. Зато за свою жизнь намахался топором, вилами, косой — так что мне на эту вашу «технику» плевать с высокой колокольни!

Я тихо рассмеялась, с удовольствием глядя на надменного мальчишку. Гордости у него хватило бы на целого амира.

— Вот бы сюда нашего «святого Чучо»! — вздохнула Эриза. — Он-то защитил бы нас...

— Святого? — заинтересовался Хассим.

— Да таскается с нами один, — я махнула рукой. — Единственный настоящий боец в нашей компании, и тот помер лет сто назад!

— Надо вызвать его!

Черные брови девочки сошлись на переносице. Она опустилась на колено и положила ладонь на утоптанный земляной пол. Я увидела, как ее глаза становятся глубокими и туманными.

— Что она делает? — поинтересовался Хассим. — Решила пол помыть? Очень вовремя!

— Умолкни!

Я наклонилась и положила руку Эризе на голову и погладила ото лба к темени, закрывая от нее незримый мир — а заодно, что важнее, — и ее от этого мира.

— Эри, не надо, — тихо сказала я. — Только покажешься демону раньше времени...

Туман в глазах Эризы медленно рассеялся. Невидящим взглядом она посмотрела мимо моего плеча в сторону двери.

И вдруг ее лицо исказилось от ужаса.

Всякий, кто бывал в острых переделках, знает, как в мгновения опасности останавливается время. Как тянется каждое мгновение, и умом понимаешь, что у тебя секунды, но каждая секунда кажется вечностью... Все-таки он застал нас врасплох. Как долго, целую вечность, я поворачивалась, пока не увидела чудовище в дверном проеме.

Размером оно было с медведя. Жуткое в своей нелепости туловище поросло рыжей шерстью. Передние лапы напоминали тощие скрюченные руки, задние лапы, мощные, со скакательным суставом, заканчивались тремя голыми когтистыми пальцами. За его спиной, не пролезая в дверь, колыхалось нечто непонятное, что я приняла за гулко гремящее черное опахало. Лицо у монстра было человеческое: морщинистая, крючконосая, седобородая физиономия, полная неописуемой злобы.

Пару бесконечно длинных мгновений мы таращились друг на друга. Потом я вскинула руку, растопырила пальцы и воскликнула:

— Активация на воздух!

На ладони вспыхнула пентаграмма. Лицо обожгло горячим ветром.

Зверь с человеческим лицом плавным и быстрым движением уклонился вправо. Невидимый огонь ушел «в молоко», по пути мгновенно спалив косяк. Рядом сверкнула сталь — Хассим, демонстрируя замечательную скорость атаки, кубарем скатился со стола и с ревом кинулся на монстра. Тот удивительно легко для такой туши отклонился влево. Хассим обрушил меч в пустоту, потерял равновесие и вслед за мечом улетел куда-то в дверной проем. Из сеней понесся грохот и лязг.

Демон, не теряя времени, повернулся ко мне и распахнул пасть, демонстрируя длинные клыки. Я шарахнулась в сторону, и вовремя — монстр плюнул в меня. Плевок пролетел между мной и Эризой, попал в опорный столб и зашипел. Эриза, наконец, очнулась от столбняка и пронзительно завопила. Демон еще и пасть захлопнуть не успел, как я снова ударила экзорцизмом — прямо ему между глаз.

Раздался дикий вопль, полный боли и ярости. Что-то гулко, мрачно загудело. Я застыла, не понимая, откуда идут эти звуки. Демон шарахнулся назад и исчез в проеме — надо думать, выскочил на улицу. Я схватила с лавки волшебный меч — в таверне словно заря взошла — и бросилась за монстром.

Снаружи наконец стало понятно, что тут гудело и громыхало и какого зверя мне напомнила мохнатая рыжая туша. На совершенно пустой улице, на фоне белых стен и багрового неба меня поджидала огромная зубастая белка с головой старика и пышным хвостом, усаженным гремящими колючками в руку длиной.

«В горах Мураби нет хищных животных, — всплыла и памяти цитата из путеводителя. — Только белки, ежи и гадюки...»

Но почему не сработал экзорцизм? Почему демон еще в этом мире? Его обожгло пульсаром — и только...

Чудовищный гибрид увидел меня в дверях таверны и яростно зашипел. Хвост взметнулся в небо, описывая дугу, и полетел на меня, как таран. Я уклонилась от удара, пытаясь поймать ритм движений противника. Да уж, с этим не попляшешь, как с рыбаками из Мадиньи, тут надо думать головой! Как умиротворить белку-переростка с шипастым хвостом размером с парус?

А если мечом?

Я пригнулась, пропуская над собой очередной выпад хвоста, и ударила вдогонку. Инерция едва не вырвала меч у меня из рук, но его я все же задела. Раздался еще один болезненный злобный вопль, земля содрогнулась у меня под ногами, и монстр взвился в небо, как снаряд из катапульты.

— Ушел, гад! — взвыл у меня за спиной Хассим, появляясь в дверях, тоже с мечом наголо. — Держи его!

— Вот сам и держи! — огрызнулась я. — Думал, он будет ждать, пока ты будешь валяться в сенях?

— Ну, промахнулся, с кем не бывает?

Мы оба смотрели в ту сторону, куда упрыгал белколак.

— Ты не знаешь, куда он поскакал?

— В башню свою чернокнижную, куда же еще, — пожал плечами Хассим. — Я там, правда, не бывал, да и никто не бывал, — из живых, имеется в виду, — но найду ее запросто.

Блондин ткнул пальцем на вершину горы, где на фоне гаснущего заката все еще отчетливо чернела башня.

Я невольно подумала о трех волшебных башнях края Мураби. Не одна ли это из них? Гм, не хотелось бы. Я еще не чувствовала себя готовой вступать в бой с действительно серьезным противником. В отличие от Эризы, я даже не сомневалась, что эти башни реальны. Но башня Ан-Джезир в легендах вроде бы не упоминалась...

— Долго туда идти?

— К утру непременно дойдем. Что, будем преследовать?

— Конечно. Только не «будем», а «буду».

— Размечталась! Не «будешь», а «будем»!

— Только тебя там не хватало!

— А кто покажет тебе дорогу? Или собираешься ломиться прямо через лес?

— Так и дорога есть?

— Угу, — осклабился Хассим. — Тропинка. Ведет прямо к башне. Только без меня ты ее не найдешь.

Я мрачно посмотрела на него.

— Ладно, время дорого — проводишь меня до башни, но внутрь даже не суйся, если тебе дорога жизнь!

— Договорились, — ухмыляясь, сказал Хассим, выразительно помахивая мечом. — Внутрь не пойду. Ты только вымани его из башни, а я его снаружи прирежу!

— А я?! — раздался сзади возмущенный вопль Эризы. — Меня забыли!

Я махнула рукой с досады.

— Ну хорошо, пойдемте все вместе! Если этот старый чудак огреет кого-нибудь из вас своим гремучим хвостом, я никого лечить не буду!

— Старый чудак? — недоверчиво повторила Эриза. — Ты хочешь сказать, этот ужасный демон?

— Не хочу. Никакой это был не демон!

ГЛАВА 13. Башня Ан-Джезир

По пути я даже порадовалась, что взяла с собой проводника. Старая дорога действительно оказалась очень старой. Даже ночное зрение не помешало бы мне тут переломить ноги, не говоря уже об Эризе. Хассим же неплохо знал мот лес — по крайней мере, тот, который прилегал к деревне, — и первую часть пути мы миновали очень быстро. Правда, для ребят пришлось создать светлячка. Жук летел перед нами, указывая всем окрестным демонам — «добыча тут»! Впрочем, мы и не прятались. Я уже не видела в скрытности никакого смысла.

— С чего ты взяла, что Брух не демон? — спросил Хассим, как только мы вышли за околицу.

— Потому что это и есть не демон.

Эриза воскликнула, слегка задыхаясь от быстрой ходьбы:

— Ничего себе — не демон! Да я такого ужаса в жизни не видела. Благие боги! Когда он пасть свою распахнул — я ни рукой, ни ногой шевельнуть не могла! Он бы мог подойти ко мне и голову откусить — я бы не пикнула...

— Или оплевать с головы до ног ядовитой слюной, — подхватила я. — Или ударить разок своим замечательным хвостом — от тебя бы вообще ничего, кроме фарша, не осталось. Слышишь, Хассим?

— А я-то думал, что у меня над головой так гудело? — как ни в чем не бывало отозвался тот. — Ветер, что ли?

— И ты говоришь — не демон! — подхватила Эриза. — А кто?!

— Человек.

Хассим недоверчиво расхохотался. Эриза даже остановилась.

— Человек?!

— Ага. Обычный живой человек. Точнее, конечно, не обычный. Это чародей.

Я бы еще могла добавить, что, скорее всего, он из боевых магов-практиков, владеющих полиморфизмом, иными словами — подлинными превращениями. Но ребятам, в отличие от меня, это ничего бы не сказало.

— Колдун! — повторил Хассим. Глаза у него загорелись. — Так это же совсем другое дело!

— А тебе-то какая разница, кто тебя убьет? Хотя нет — демон заберет твою душу, а этому старику она не нужна. Сколько он тут, говоришь, сидит?

— Да при дедах еще поселился. Лет сто уже.

— Так я и думала. Судя по всему, он остался тут с последней

войны. Видимо, был боевым магом при войске мурабитов. Когда их гнали за море, не захотел уходить. Нашел подходящую башню, запугал население...

— Значит, он совсем старый, — пробормотал Хассим. — Ветеран войны, стало быть... Эт-то хорошо! Дедушку и бить легче...

— Для колдуна сто лет — не срок, — возразила я. — Вот как ты думаешь, сколько мне лет?

Хассим бесцеремонно оглядел меня с ног до головы.

— Двадцать пять. Ну, двадцать восемь.

— Придворный маг великого амира выглядит не намного старше меня. А в позапрошлом году мы праздновали его двухсотлетие.

— Хы! Да ты у нас бабулька!

— Еще слово, — ласково сказала я, — и ты у нас станешь дедулькой. Сколько тебе лет — шестнадцать?

— Семнадцать! — оскорбился Хассим. — Скоро будет.

— А выглядеть будешь на все семьдесят. И чувствовать тоже. Это очень легко. Хочешь, устроим?

— Нет!

— Тогда извинись перед прекрасной дамой.

Хассим пробурчал что-то невнятное и тут же спросил:

— А почему Брух выглядит на свои сто?.. Или сколько там прошло с войны?

— Перед кем ему красоваться? Тут он чем страшнее выглядел, тем больше его боялись и тем лучше содержали.

— Зачем ему человеческие жертвы? — спросила Эриза.

Я пожала плечами.

— Если бы на его месте была я и ты задал бы этот вопрос, я бы ответила — для экспериментов. Магам-полиморфистам всегда не хватает живого материала. Он еще гуманно себя вел, требовал всего одну жертву в год. Это доказывает, что он не является некромантом и сам, скорее всего, демонам не служит — они бы требовали гораздо больше... Так что, в общем, наверно, мой пожилой коллега не такой уж плохой человек...

— Добрячок! — ехидно протянул Хассим. — Чую, вы с ним найдете общий язык!

— Да, мы, чародеи, такие сволочи, — кротко согласилась я. — Нам бы только на людях поэкспериментировать. Это вы с Эризой настоящие герои: она деревню от меня защищает, ты вместо матери собой пожертвовал, демона на бой вызвал! Одна только я болтаюсь туда-сюда по вашей несчастной земле из любопытства и граблю ее в свое удовольствие!

— И как? — с живым любопытством спросил Хассим. —

Много уже награбила?

— Имахена, перестань! — сердито встряла Эриза. — Ты вовсе не такая! Хассим, она хорошая! И у нее есть очень важная цель, только она не говорит, какая. А волшебный меч она обещала вернуть...

Хассим захохотал, как сыч. Я было собралась дать ему по шее, но поленилась. Впереди нас всех ожидало еще немало затрещин.

Тропинка забиралась все выше, становясь все уже, пока совсем не пропала в траве. Мы вышли на прогалину. Внизу белела деревня. И когда мы успели так высоко забраться?

Меч святого Чучо висел в веревочной петле у меня за спиной. Нападения колдуна-белкоида я уже не опасалась — теперь, когда я знала, с кем имею дело, я бы не подпустила его близко. Объяснилось и то, каким образом монстр сумел ускользнуть от магического сканирования — для умелого чародея это не проблема, особенно когда противник не ожидает подобного. Еще бы убедиться, что его башня не волшебная...

Я принялась мысленно прикидывать — что делать с колдуном? Все сильнее склонялась к мысли — договариваться. Нет никаких сомнений, что он воспринимает меня как злостную конкурентку, но что за беда? Враждовать с местным чародеем никаких причин я не видела. Да и вообще познакомиться и поговорить с ним о том о сем было бы крайне полезно! Он живет тут сто лет и наверняка много знает обо всем, что тут творится. Фактически демоны захватывали эту землю на его глазах. Если удастся убедить его, что мы не желаем ему зла, а просто идем мимо, то от старичка можно получить массу полезной информации!

А вот и башня — черной громадой нависает над соснами. Я отпустила светлячка на свободу, тем более что уже начинало понемногу светлеть. Вокруг царила глубокая тишина.

«Башня Аманефер создана из солнечного света и льда», — вспомнила я сказочку Эризы. Нет, явно не она. Эта сложена из каменных глыб, причем давно — вон какие трещины в стенах! «Башня Ронги поднялась из адской бездны...»

— Что такое Ронга? — спросила я.

— Не знаю, — ответила Эриза.

Хассим думал чуть дольше.

— Мертвый город. Где-то на западе.

Мы остановились на лужайке под стеной, и разговор прервался.

— Уважаемый коллега! Алим! — крикнула я. — Приветствую вас в вашем прекрасном замке!

Ответа я не получила. В стрельчатых окнах-бойницах не было

заметно ни огонька. Я уже начала опасаться, что старого мага тут нет, когда Эриза толкнула меня локтем.

На фоне густо-синего неба на зубцах башни промелькнула хвостатая тень. Глаза у нее горели тусклыми красными угольками, как у огненных духов. Четко говоря знающему человеку, что старикашка сделал себе отменное ночное зрение, зато днем слеп как крот.

— Не хотите с нами побеседовать? Буквально пара вопросов! Ради чисто научного интереса!

Для убедительности я вытащила меч святого Чучо и помахала им в воздухе, оставляя в сумраке красивые огненные росчерки.

— Например, насчет вот этого магического оружия! Оно вам случайно не знакомо?

— А если нет, так мы вас познакомим! — влез Хассим.

Я ткнула его локтем под дых и продолжала:

— Не приходилось ли вам сталкиваться с этим мечом раньше?

С зубцов донесся хриплый, надтреснутый вопль:

— Убирайтесь, проклятые порождения кровавого колодца!

— Кто-кто?! Так, это становится любопытно... Хассим, убрал бы ты меч. Мне крайне необходимо переговорить с этим почтенным старцем...

— Значит, будем брать живым! — громко сказал Хассим.

В ответ на это заявление белколак махнул хвостом. Воздух наполнился резким свистом. Я рефлекторно очертила перед собой круг, преобразуя энергию пульсара в невидимый щит. В следующий миг раздался веселый звон — это осыпалась на землю целая стая острых длинных черных колючек. Я потрясла кистью, рассеивая щит, и крикнула:

— Я не расслышала! Что вы сказали о кровавом колодце?!

Колдун взвыл от злости и исчез.

— Пошел нападать на нас с тыла! — азартно предположил Хассим. — Так, возвращаемся к моему плану! Оставляем девчонку на полянке как бы одну, а сами прячемся вон в тех кустах...

— Еще слово, и на полянке оставим тебя! — рявкнула я в сердцах. — Но сейчас уже поздно. Этот Брух никуда не вылезет. Хм-м, что я не так сделала? Или сказала? Эх, с дипломатией у меня всегда было неважно... Но что предпринять? Не брать же башню штурмом? В своей башне чародей неуязвим — по крайней мере, не для такого отряда, как наш... А на осаду у нас нет ни сил, ни времени...

— Можно я попробую? — предложила Эриза.

Мы с Хассимом уставились на нее с одинаковым недоумением.

— Ну давай, — разрешила я.

Эриза молча опустилась на колено, зажмурилась и положила руку на землю. Дыхание ее участилось, лицо заблестело от пота. Заскрипели сосны, потекли струйки песка, земля зашевелилась, как живая...

— Эри, не-е-ет!!!

Подземный толчок сбил меня с ног. Потом еще один, потом еще... Земля содрогалась, из глубин горы доносился глухой, постепенно нарастающий рокот. Башня покачнулась, застонали сосны, с зубцов башни посыпались камни. Я щурилась и беззвучно ругалась, зажимая уши руками и следя только за тем, чтобы нас троих ничем не пришибло. Еще удар, жуткий скрежет, оглушительный грохот — и на месте башни осталась только огромная куча камней и висящее в воздухе облако пыли.

— Обалдеть! — раздался из тумана восторженный вопль Хассима. — По камушкам!

— Все целы? — крикнула я, кашляя.

Словно в ответ на мой крик, куча камней, в которую превратилась башня, как будто взорвалась изнутри. Из тучи пыли с бешеным воем, растопырив свой колючий хвост, вылетел монстр и, горя жаждой мести, прыгнул на нас.

Ближе всех к нему оказался Хассим.

«Какой из него крестьянин! — невольно залюбовалась я, глядя, как парень ловко увернулся от гудящего хвоста да еще попытался достать его с разворота своей железкой. — Он же прирожденный воин!»

Я вскинула руку, выбирая момент для удара, но меня опередила Эриза. Уж не знаю, что на нее нашло — девчонка вдруг завизжала и колобком метнулась прямо белколаку под ноги. Образовалась небольшая куча-мала. Я со всех ног кинулась к ним. Если эти младенцы из-за меня погибнут, я себе этого не прощу!

Без всякой магии я отбросила в сторону Эризу, пинком оттолкнула Хассима. Страшно рискуя, схватила белколака за когтистую лапу, выворачивая кисть, как учит Добрый Путь — нежно и деликатно, но так, чтобы противник даже шевельнуться не мог от боли. Если у него человеческий болевой порог, он пойман и обездвижен. Но если нет... если он хлестнет хвостом или плюнет...

На миг мы встретились с ним взглядом. Глаза у старика были безумные и отчаянные. Он щелкнул зубами, посинел и обмяк в моих руках. Голова запрокинулась, лицо исказила судорога. Траурно громыхнул хвост, опали встопорщенные иголки. Когтистые пальцы в последний раз сжались и разжались...

Я даже не сразу поняла, что выкручиваю руку мертвецу.

Единственная мысль, которая у меня возникла в мозгу в этот момент — что до ближайшего квалифицированного некроманта-дознавателя полмесяца морского пути. Ужаснувшись, я положила обе руки Бруху на грудь и толкнула с силой, надеясь, что сердце у него расположено примерно там же, где у людей. Обычно дюжины таких толчков хватило бы кому угодно, чтобы запустить сердце. Но сейчас — никакого отклика. Я растерялась. Что с ним произошло?! Открыла глаза на ладонях — и отпрянула в шоке. Совершенно непрозрачная, черно-зеленая аура, на месте сердца — мертвый камень, из горла вниз медленно растекался вязкий холод, одно прикосновение к которому вызывает чуть ли не паралич.

Ничего не поделаешь — я открыла глаз на лбу. Именно то, что в подобных ситуациях категорически запрещено. Через мгновение очень четко увидела себя — точнее, свое тело. Вот оно лежит бездыханное на траве рядом с монстром, а я медленно поднимаюсь над ним в клубящийся туман. Вот тело пропадает в дымке, и чем дальше, тем меньше шансов в него вернуться. Но мне сейчас не до него — я высматриваю умершего чародея.

Брух еще совсем недалеко. Вижу его следы, похожие на тонкие молочные нити, уходящие в туман. А вот и он сам. Никаких украшений вроде шипастого хвоста и звериного туловища — ссутуленная спина, лысина. Маленький старичок удаляется в туман.

— Стойте! Не знаю, за кого вы нас приняли, но мы вам не враги! Мы сражаемся с демонами, а не с людьми!

Он услышал — но не повернулся. Он хочет умереть, поняла я.

— Но почему?

Старичок обернулся. Я не поверила своим глазам, увидев на его лице злорадную ухмылку.

— Моей кровью вам лед растопить не удастся! — проскрипел он.

И исчез.

— Имахена! Очнись! Что с тобой?!

Я открыла глаза и обнаружила, что лежу рядом с трупом монстра, по самочувствию не слишком от него отличаясь. Меня колотил озноб. Холодно было так, словно меня бросили на леднике, да и забыли там.

Небо было уже совсем светлое. Надо мной с озабоченными лицами склонились Эриза и Хассим.

— Что с тобой? — заверещала Эриза, увидев, что я моргаю и слабо шевелюсь. — Упала — и лежит, как мертвая! Мы думали, он что-то успел с тобой сделать!

— Неправда, я был уверен, что все так и задумано, — возразил Хассим.

— Имахена, ты меня слышишь? Скажи что-нибудь!

Я пошевелила онемевшими губами и с чувством прохрипела:

— Старая сволочь!

— Что?

— Он сам себя убил. Помогите встать...

Труп колдуна после смерти почти не изменился — значит, тот не пользовался магией иллюзий, чтобы как-то менять свою внешность. Разве что лицо стало ужасно старым.

— Вы только посмотрите! — изумлялась Эриза. — Это его собственный хвост! Он его себе отрастил!

— Так и думала. Хвост отменный, — подтвердила я. — И оружие, и средство передвижения... И прыгать, и планировать, и за ветки цепляться...

— Что, завидно? — съязвил Хассим. — Вот бы тебе такой, да? О, давайте его отрежем! Если тебе не пригодится, так я в деревню отнесу — девки помрут...

— Не трогай! — крикнула я. — Иглы ядовитые.

— Так, может, их на стрелы надрать?

— Вы в пасть ему посмотрите! — ахнула Эриза.

Я бесцеремонно сдвинула вниз отвалившуюся челюсть, открыв на всеобщее обозрение набор клыков и черный распухший язык.

— Так вот почему он умер! — догадалась Эриза. — Он язык себе прикусил!

— Гад ползучий, — буркнула я. — Точнее, прыгучий, но это дела не меняет.

Как обидно! Сколько он знал! Сколько информации пропало впустую!

— Говорят, вы, чародеи, умеете и мертвых допрашивать? — небрежно спросил Хассим.

— Ну да, есть такие люди. Но это некроманты высокой квалификации. Очень высокой, не моей.

Почему же старикашка предпочел умереть, но не попасть в плен? За кого он нас принял? Что он нес про кровавый колодец и лед?

Я задумчиво осмотрела развалины. Облако пыли уже развеялось, ровным слоем распределившись по поляне. Среди камней что-то интригующе поблескивало.

— В башню не лазили?

— Без тебя? Как можно?! — фальшиво возмутился Хассим.

— Он хотел, но я ему не позволила, — сказала Эриза.

— И он послушался?

— Куда бы он делся? Видишь?

Я посмотрела, куда она показывает, и увидела неразлучную парочку наших скелетов. Паладин и его пес замерли в тени обломка стены, бдительно охраняя развалины от грабителей и любопытствующих.

— И давно они тут?

— Да уж изрядно.

— Ага! — пробормотала я. — Значит, как только старый хрыч умер, сразу побежали сюда. И как они почуяли его смерть на расстоянии?

Эриза вдруг побледнела.

— Это плохо! Значит, город остался беззащитным! Сейчас набегут демоны... Хассим! Что ты усмехаешься?

— Плевал я на них с колокольни!

— Ну, ты не прав, — сказала я. — Местные жители делали что могли, то есть откупались. Даже соберись они всей толпой, им не справиться с этим старым психом.

— Между прочим, — добавила возмущенная Эриза, — твоя мать тоже там!

— Какая ма...

Хассим моргнул, смущенно кашлянул и отвернулся. Я внимательно посмотрела на него. Очень интересно...

Эриза ничего не заметила. Она переживала за город.

— Имахена, надо им помочь!

— Непременно. — Я, прищурившись, поглядела на сияющее сквозь лес солнце. — Спешки нет. Днем демоны не сунутся. По крайней мере, я на это надеюсь. А вечером... У вас ведь есть капилья?

— Толку-то с нее, — буркнул Хассим. — Все равно боги туда даже не заглядывают.

— А вы их звать не пробовали? Скажу по секрету — из капильи обычно лучше слышно! Ладно, Хассим, спасибо за помощь. Тебе, наверно, пора домой...

— Это вы мне помогали, а не я вам! — высокомерно заявил парень. — И никуда я не пойду. Башня Ан-Джезир — моя законная добыча!

— Твоя?!

— Ну ладно, половина башни.

— Спасибо, что милостиво выделил нам часть, — иронически поклонилась я.

— Все справедливо. Мы же с тобой вместе его прикончили — значит, и добыча пополам!

Я даже не нашлась, как достойно отреагировать на это

потрясающее нахальство.

— Да какая там добыча? Все завалило...

На самом деле я уже успела просканировать развалины и наметить кое-что для себя интересное, а также то, что беспокоить ни в коем случае не следовало. Но Хассиму об этом знать было совершенно не обязательно.

— Не-ет, уж мы все останемся и посмотрим!

— Посмотрим, — согласилась я. — Но знаете, чем мы займемся сначала? Как следует выспимся! Лично я собираюсь отдыхать. Вы как хотите. Но если кто-то опять полезет без разрешения...

Я выразительно повела глазами в сторону безмолвного паладина. Хассим разочарованно отвернулся.

— А с ним что будем делать? — спросила Эриза, показывая на мертвого мага. — Хочешь, я его загоню в землю?

— Угу... Чтобы он вернулся и снова начал допекать мирных жителей? Нет, тут годится только чистый, честный огонь. Идите, сейчас я им займусь...

Белколак лежал неопрятной рыже-серой кучей. По лицу колдуна уже бегали муравьи. Был ли смысл в его словах? И в его самоубийстве? Определенно, Брух был изрядно не в себе. И то верно, только безумец по доброй воле придаст себе такое обличье... А потом убьет себя безо всяких реальных причин. За кого же он нас принял?

На душе было пасмурно, как всегда после убийства. Вдобавок меня точило недовольство собой. Я достаточно спокойно отношусь к смерти. Если надо, лишу жизни врага без особых колебаний (спасибо урокам боевой магии). Но есть одно огромное исключение: ненавижу, когда умирает тот, кого я пытаюсь вылечить. Пусть даже он сам этого хотел, все равно — часть меня умирает с ним. Может, поэтому я и стала в итоге целительницей, хоть изначально к этому не стремилась. Чтобы сохранить в этом мире вместе с чужими жизнями как можно больше себя. И по мере сил удержать здесь тех, кто мне дорог.

ГЛАВА 14. Незримая Академия, спецкурс демонологии

В тот вечер я сидела на скамейке в сумрачном парке Академии, в тени раскидистого древнего дуба, пила воду и пыталась прийти в себя.

Перед глазами все никак не пропадала харя последнего демона, который маскировался под невинную головную боль с кошмарными снами, но при попытке вытащить его наружу оказался неописуемо вредоносной, мстительной и опасной дрянью. Мало того, что пациент остался недоволен («Чтобы я еще хоть раз обратился к экзорцисту! Нормальный бы врач просто дал макового настоя, а тут провозились полдня, чуть голова не лопнула, ощущение — словно полмозга выдрали!» и т.п.), так еще и демон, уже много месяцев уютно окопавшийся в опухоли, страшно на меня обиделся. И теперь в ушах до сих пор звучали вопли его агонии и прощальные угрозы.

Конечно, я поступила с ним скверно, выгнала, можно сказать, из родного дома. Но это же не причина обещать страшную смерть мне и всем моим потомкам до десятого колена! И теперь мне придется все время быть настороже. Зная, что стоит дать хоть немного слабины, как эта тварь вернется и отомстит по полной...

Страшно быть заклинателем демонов. Надо иметь душу чистую и крепкую, как алмаз. А я свою вовсе такой не считала.

Я сложила ладонь лодочкой, налила из меха воды, плеснула на лицо.

Харя демона постепенно трансформировалась в неподвижное, тонкое лицо Альвы.

Я отерла лицо рукавом — лицо не исчезло.

— Добрый вечер, почтенная алима, — приветствовал меня аспирант ироническим тоном, к которому я давно привыкла. — Простите, что мешаю вашему отдыху...

— Альва, хоть ты мне не мерещишься! — неподдельно обрадовалась я. — Ничего, отвлекай на здоровье! А то стоит глаза закрыть, такое маячит! Ой-ой-ой...

— Что с тобой? На тебе лица нет.

— Да вот тут сейчас изгоняла одного... Никак не хотел возвращаться в пекло...

— Или в лед? — спросил Альва серьезно, с научным интересом.

Я мгновение подумала:

— Нет, этот — в пекло. Ушел, но обещал вернуться. Да еще

посулил месть со стороны адских родственников. Всем, говорит, про тебя расскажу, всем пятнадцати миллионам! Как я теперь буду спать по ночам?!

Я содрогнулась. Альва пожал плечами.

— Ну и хорошо. Пусть расскажет. Известность в нижних мирах тебе, как практикующему экзорцисту, не помешает. Демоны будут пробовать тебя на прочность, вместе и по отдельности, пока не убедятся, что ты неуязвима. Надо нарабатывать репутацию! Ну а когда она будет, можно расслабиться — демоны начнут сами удирать при одном твоем имени... Оно станет для них страшнее печати великого амира!

— Да ну, хватит подкалывать! Ох, как я устала, в глазах красно... Пошли, пропустим по кружечке?

Альва вдруг стал серьезным.

— Зачем ты опять гоняешь демонов? Ты же вроде перешла на целительство?

Я скромно потупилась.

— Это тема моего диплома. «Болезнь как форма одержимости».

— А, что-то такое слышал, — усмехнулся он. — Вся кафедра целительства в шоке от твоей темы.

— И что тут такого?! Между прочим, мою «Окончательную Панацею» уже признали и даже методичку по ней выпустили...

— Теперь понял, почему тебя лекарки прозвали Имахена Чертополох...

— Хе-хе, я тоже сначала не поняла. Думала — из-за моей прически... Надоели до смерти своими тупыми шуточками — о том, как правильно пытать больных! Идиотки! Кстати, я обнаружила — только тсс, никому ни слова! — что древние мурабиты были почти такого же мнения о природе полезней! К сожалению, в дипломе на них не сошлешься — переводов нет, только обрывки цитат без указаний источников...

— Ну-ка, ну-ка! Интересно!

— Они считали, что у демона нет самостоятельного существования. Он всегда привязан к человеку...

— Как симбионт?

— Нет, как паразит. У демона нет собственной жизненной силы. Человек добровольно его кормит собой. Цель существования демона — раскрутить его на это.

— Гм... Красивая теория.

— Только предположение. Не исключено, что демоны берут энергию и из других источников. Но согласись, оно многое объясняет.

— Это верно, — задумчиво протянул Альва, глядя в сумрак

парка. — Но ретрограды с кафедры никогда не утвердят тебе эту тему. Уж скорее они признают болезнь живым существом, как несколько лет назад предполагал один чудак, который занимался исследованием эпидемий...

— А вот и нет! — торжественно заявила я. — Тему уже утвердили!

Альва бросил на меня пронизывающий взгляд.

— Отец замолвил слово?

Я смущенно засмеялась.

— Ну... угадал. Папа хохотал полдня, когда ее узнал, сказал, что если государственные дела не помешают, лично придет посмотреть, как я буду защищать диплом, — не хочет пропустить такое зрелище... Но самое главное — в его канцелярии мне выписали вот это!

Я вытащила из рукава свернутую трубочкой бумагу с печатями. Альва развернул ее, быстро проглядел, перевел взгляд на меня и улыбнулся — одними губами.

— Направление на спецкурс практической демонологии?

— Ага! Я до сегодняшнего утра даже не слышала, что такой существует! То-то они там удивятся, когда меня увидят!

— Почему?

— Ну, ведь демонолог — это прожженный, опытный маг, взрослый мужчина, жестокий, без нервов... И тут появляется какая-то девчонка! Ха-ха!

— Ты уже ходила туда?

— Нет еще. Я только сейчас — с практикума по целительству, и сам видишь, едва сижу от усталости. Сегодня уже никуда не пойду, кроме ближайшей таверны, а завтра...

Я потянулась за направлением, но Альва, словно не заметив моего жеста, положил бумагу на колени и разгладил ее ладонями. Его лицо с опущенными уголками губ и тяжелыми веками вдруг показалось мне недобрым и постаревшим — видимо, от усталости.

— Амирская печать, — произнес он глухим голосом, проведя пальцами над поверхностью воскового оттиска, но не касаясь его. — Страшная вещь! Ее силой можно изгнать почти любого демона... И не подделать... А запись обычная. Стандартный бланк, чернила... Едва ли кому-то приходило на ум, что можно, не трогая печать, просто заменить имя...

— Это ты к чему?

— Отдай направление мне.

В первый миг я вообще не поняла, о чем он.

— Что?!

Альва, глянув на меня тяжелым взглядом, раздельно

произнес:

— Я хочу пройти спецкурс демонологии.

Несколько мгновений, позабыв о демоне с его мстительными родственниками, я смотрела на друга, не веря своим ушам. Что за чудеса! Как странно, чтоб не сказать нелепо! Аспирант с кафедры истории магии говорит, что ему надо попасть на самый закрытый в Академии спецкурс! Зачем вообще Альве практическая демонология, он же теоретик! Он и так прочитал, наверно, все книги амирской библиотеки и знает о демонах побольше всех нас взятых!

— Ты что... хочешь подделать мое направление?!

Альва побледнел еще сильнее, став из просто усталого каким-то даже сероватым.

— Я никогда ничего ни у кого не прошу. Но у меня нет другого выхода. Мне нужен этот спецкурс. А у тебя есть направление.

— Но зачем?!

— Тебе нужны объяснения? Моей просьбы недостаточно?

Как он это сказал! Смотрел на меня почти с ненавистью. Я даже испугалась. Но сказала:

— Вообще-то недостаточно.

Я ожидала вспышки гнева, но он только ответил тихо:

— Ты даже приблизительно не понимаешь, чего мне стоит этот разговор. Чего мне стоит просить о таких вещах — именно тебя...

— Почему это — именно меня?

Губы Альвы скривились.

— Ты ведь воспитана на женской половине и не имеешь понятия о том, что такое честь.

Я вздрогнула, словно снова получила оплеуху, и ответила язвительно:

— Так попытайся объяснить! Что такое честь и почему она требует от тебя подделать документ с печатью великого амира?

Альва сплел пальцы. Сейчас он казался очень далеким...

— Гранд живет не только сам за себя, как какой-нибудь простолюдин, не помнящий родства. Он чувствует себя побегом на дереве, уходящим корнями в прошлое. За все свои поступки он отвечает перед предками. И за предков тоже.

— Как это?

— То, что так раздражает низкородных — гордость за предков, — имеет и свою оборотную сторону. Ответственность за их деяния.

— Не понимаю! Как можно отвечать за то, что совершил не ты?

— Например, исправить причиненное предками зло.

Я наконец начала понимать, к чему он клонит.

— О каком зле ты говоришь?

— Есть такое место на западе — край Мураби. Век назад мои предки принесли туда смерть.

Я напрягла мозги, вспоминая историю войн за последние сто лет.

— Ты хочешь сказать — освобождение?

— Нет, — жестко возразил Альва. — Только смерть и хаос. Ты знаешь, что там сейчас происходит?

— Конечно, нет! Кому интересно, что творится в далекой нищей провинции?

— Верно. Никто не знает. Никого не волнует, что сто лет назад Мураби было процветающим царством. А сейчас там царят безвластие и тьма.

— Почему?

— Край стал непригоден для жизни. Там слишком много нечисти. Немногочисленное выжившее население теснится на побережье, в портовых городках, но еще лет десять-двадцать, и уйдут и они.

— Погоди, а ты откуда знаешь?

— Добыть сведения несложно, было бы желание.

Я задумалась.

— Так при чем тут ты? Пусть местные власти напишут прошение на имя великого амира. Обратятся к нему за помощью...

— Уже просили. Им отказали, — холодно ответил Альва. — Кому интересны жители «далекой нищей провинции»? Пусть выживают сами! Мы разорили их и бросили на произвол судьбы, понимаешь, Имахена? Я не могу жить с таким грузом на совести...

— Но почему именно ты?!

— Потому что, кроме меня, им никто не поможет.

Я молча уставилась на Альву. На мой взгляд, то, что он сейчас говорил, выходило далеко за пределы нормальной человеческой логики и здравого смысла. Но он смотрел на меня твердым взглядом и явно сам верил в свои слова. И держался так, будто у него за спиной стояла невидимая армия.

На миг промелькнула мысль, а не сошел ли он с ума. Ответственность за преступления предков! Почему-то великого амира такие вопросы не мучают. И еще вопрос, считает ли он завоевание Мураби преступлением...

— Вижу, ты считаешь меня полоумным. В самом деле — зачем бросать вызов демонам, когда все нормальные люди от них бегут? Зачем ходить в те места, где они обитают? Зачем рисковать

своей душой и жизнью ради людей, которых ты даже не знаешь? Но ведь ты, Имахена, делаешь то же самое. Зачем?

— Как зачем? Я целительница, это мой долг...

— И мой тоже.

Такая сила звучала в его словах, такая убежденность и своей правоте, что в моей душе что-то перевернулось. Я вдруг поняла, что верю ему. То, что мгновение назад казалось безумием, стало единственным возможным путем. И, поверив, я поняла, что не смогу отказать ему в помощи. Даже больше того. Что я сама не успокоюсь, пока не сделаю нее, что в моих силах, в лепешку расшибусь, чтобы помочь Альве достигнуть цели.

— Но на что ты рассчитываешь? — спросила я дрогнувшим голосом. — Что ты можешь один?

— Очень много. Как и ты. В борьбе с демонами главное оружие — знания и воля. Нет такого демона, которого человеку нельзя победить. Самый сильный из них по определению слабее любого человека. Тот человек, который поймет и поверит в это, станет для них неуязвимым.

Я не могла отвести глаз от Альвы. Я уже не слышала, что он говорит.

Слова не имели значения. Бескомпромиссная жертвенность — вот что меня так тронуло. И железная воля — которая цепляла еще сильнее. Душу вдруг охватил подъем. Так вот он какой, мой Альва! Вот что скрывается за его невозмутимой маской и библиотечными исследованиями! Я ощутила себя мелкой и ничтожной рядом с ним, но в конто веки меня это ничуть не огорчало, а даже радовало. Ну да, я тоже собираюсь сражаться с демонами по мере сил и возможности, как врач и экзорцист, — но такие великие и благородные цели, как у Альвы, мне даже на ум не приходили!

Как я еще могла колебаться?!

— Ты попадешь на спецкурс, — сказала я охрипшим от волнения голосом. — Забирай направление, оно твое.

Альва свернул бумагу в трубочку, аккуратно убрал в рукав и поцеловал мне руку.

— Я не забуду этого, Имахена.

Его глаза полыхнули. Меня бросило в жар, кровь застучала в ушах. Неудивительно, что даже голос его в этот миг показался мне незнакомым, чужим.

ГЛАВА 15. Замурованная капилья

С утра мы грабили башню чародея. Точнее — проводили раскопки верхнего этажа. Наземная часть башни превратилась в кучу камней вперемешку с битым стеклом, разрозненными обломками приборов и мебели. Что под ними — оставалось только гадать. Детишки были разочарованы. Я — нет, поскольку еще накануне просмотрела развалины с помощью внутреннего зрения. Кроме двух верхних этажей, у башни имелось три подземных, и конечно, самое интересное осталось похороненным там. А именно, лаборатория, где старикан проводил эксперименты по превращению живой материи... в другую живую материю. Некоторые из результатов экспериментов, в том числе и на основе прошлогодних человеческих жертв, и теперь находились под землей. И хорошо — мне бы не хотелось показывать их ребятам, особенно Эризе, чтобы окончательно не подорвать в ней веру в человечество и колдунов в частности.

Наземные этажи, судя по всему, были просто жилыми. На последнем была обсерватория, что доказывали многочисленные приборы для наблюдений за звездами, ныне превратившиеся в кучу гнутых трубок и разнокалиберных осколков. Кое-где из-под камней виднелись обрывки пергамента с вычислениями и схемами. Мурабиты были отличными астрономами и астрологами. Над развалинами висел слабый химический запах. Я принюхалась, пытаясь уловить запахи знакомых ингредиентов. Та-ак, он тут и зелья составлял, да такие занятные... «Ну до чего же жалко, что Брух прикусил язык!» — в сотый раз подумала я, невольно сердясь на Эризу. Могла бы и спросить позволения, прежде чем разваливать башню до основания!

С другой стороны огромной каменной кучи донесся радостный возглас Хассима. Я взобралась на кучу и глянула вниз — ага, ребятки откопали сундук, причем неповрежденный! Я быстренько спустилась к ним, и вскоре совместными усилиями сундук был открыт. Увы, внутри не нашлось ничего, кроме одежды — роскошной и старомодной. Наверно, это был гардероб чародея, которым он дорожил, Как памятью о прошлом. У Хассима от жадности при виде золоченой парчи чуть слюна не закапала. Я равнодушно отвернулась. Дорогих тряпок я могла накупить и в столице, было бы желание...

И снова дикие вопли — теперь Эриза. А она чего? Ах вот оно что — из-под развалин таки выбрался один из плодов эксперимента. Между камней, быстро перебирая шестью тощими длинными лапками, текла странная серая змейка. Хассим,

недолго думая, швырнул в нее найденным в сундуке серебряным кубком. Змейка тут же зашипела, свернулась в клубок и растопырила иглы.

— Не подходи! — крикнула я. — Она может прыгнуть или плюнуть ядом!

Вместо ответа Хассим с размаху поддал ее ногой. Змея-еж взмыла в воздух и сгинула в подлеске.

— Ну зачем ты это сделал! Где мы ее теперь поймаем!

— А зачем она нам?

Я зашипела не хуже игольчатой змеюги.

— Твое счастье, что не проколол сапог!

— На мое счастье, — хмыкнул Хассим, демонстрируя деревянный башмак, надетый поверх толстого вязаного носка, — я отродясь не носил сапог!

— Имахена! — крикнула Эриза. — Иди сюда, тут какие-то записи!

Я тут же забыла о споре и кинулась на голос. Хассим принялся увлеченно потрошить сундук.

Оказалось, девочка обнаружила обломки письменного стола на коротких ножках, а среди них — пыльный обрывок пергамента, до середины покрытый мурабитскими закорючками. Записи обрывались на середине строчки. Что это может быть? Рецепты зелий, текст заклинания, дневник эксперимента или просто бытовые записи? Я свернула пергамент и убрала в поясную сумку. Возьму с собой, до лучших времен. Остается малость — найти человека, знающего мурабитскую письменность.

— Эй, чародейка! — раздался позади самодовольный голос Хассима. — Ну-ка, глянь на меня! И ты, малявка, можешь полюбоваться!

Парень, подбоченившись, стоял на вершине каменной кучи, разодетый как принц: алая шелковая сорочка, расшитая у ворота жемчугом, поверх нее багровый бархатный кафтан, отороченный мехом, кожаный пояс с серебряными накладками, поверх него — парчовый кушак. За пояс заткнуты нож и вилка из того же столового набора, что и улетевший кубок. На шее цепи с амулетами, на пальцах сверкают перстни с рубинами. На голове — малиновый бархатный тюрбан с павлиньим пером, надетый задом наперед.

— Ну как?

— Дивное зрелище! Прямо хоть картинку с тебя рисуй. И букварь. Буква «М» — «Мародер»!

Я посмотрела на Эризу, которая стояла рядом с пустыми руками, не сводя глаз с сияющего белокурого видения.

— У тебя совесть есть? Ты хоть что-то ей оставил?

— Ей-то за что? Сундук, между прочим, нашел я...

— А ну иди сюда! — зарычала я.

Хассим, чуть помедлив, все же спустился. И правильно сделал — я больше не расположена потакать его выходкам. Только буркнул, подходя:

— Так тут же все мужское. Зачем ей?

Я молча содрала с него самый красивый амулет — голубой кристалл на длинной витой цепи — и накинула на шею Эризе.

— Еще что-нибудь хочешь? — спросила я, показала на Хассима. — Выбирай. Пояс? Перстенек?

— Не хочу, — махнула рукой Эриза. — Пусть он все забирает себе, не люблю я этого.

Хассим тут же повеселел.

— Ну смотри, малявка, дважды предлагать никто не будет!

— А тебе лучше бы помолчать!

— А что я? Мне лишнего не надо. Только моя доля добычи.

С этими словами Хассим взбежал на гору и через мгновение вернулся с огромным узлом на плече.

— Ну я пошел?

Я выразительно посмотрела на узел. Хассим сделал невинное лицо, окинул взглядом развалины и, насвистывая, отправился в сторону деревни.

— Ладно, хоть отделались от него, — сказала я с облегчением, когда Хассим, сгибаясь под тяжестью награбленного, исчез среди сосен. — На какое-то время можем перевести дух.

— На какое-то время?

— Небольшое. Надо зайти в Альсиен и прикинуть, что можно сделать для его защиты. Ну и обновить запасы еды, помыться...

Эриза явно обрадовалась. Меня это удивило.

— Тебе что, нравится Хассим? Это белобрысое хамло?

Эриза потупилась и сказала застенчиво:

— Он же сын луны. Я думала, они гораздо хуже. А Хассим... Ну, он просто очень гордый.

— Что за «сын луны» такой? Ты уже второй раз его так назвала.

— У нас иногда рождаются такие дети. Белокурые, голубоглазые, светлокожие. Они могут родиться в любой семье. Их называют детьми луны. Беда, когда рождается такой ребенок.

— Почему?

— Они приносят несчастье. Говорят, в древности их убивали в младенчестве. Считалось, что они плод греха смертной женщины и демона. Но я в это не верю. Мой дед Хоакин — а он был очень умный — рассказывал, что все это ерунда. Что это

просто иногда просыпается очень древняя кровь. Кровь тех, кто жил тут до нас и до мурабитов, кто построил сказочный город Илиберру. А вся эта болтовня о том, что дети луны прокляты в утробе или от рождения подчинены нечистой силе...

Я понимающе хмыкнула:

— Ну да, если тебя с детства считают отродьем демонов, так поневоле характер испортится!

— Зато теперь у Хассима начнется хорошая жизнь. Он победил демона, разбогател...

Мне почему-то подумалось, что неожиданное богатство не прибавит ему популярности. Но вслух я говорить этого не стала. Не хотела расстраивать Эризу, — а кроме того, сомневалась, что Хассим задержится в Альсиене надолго...

Кроме свитка да пары мелких оптических приборов ничего ценного мы не нашли и вскоре отправились в Альсиен — обедать и работать. Знакомая уже таверна была набита битком. Увидев нас, посетители с дружным «ах!» отпрянули к стенам, и я снова узрела Хассима. Блондин в своих роскошных одеяниях восседал за лучшим столом и как раз описывал свою героическую победу над демоном. Односельчане слушали его, задумчиво поглаживая бороды, и смотрели на «героя» весьма неоднозначно.

Зато меня местные жители встретили куда приветливее, чем ожидалось. Правда, под угодливостью отчетливо ощущался страх, но против него я не возражала. «Почтенную алиму с ученицей» с поклонами проводили к богато накрытому столу, как-то незаметно оттеснив обиженного Хассима. Мурабитская пища оказалась в целом примерно такой же, как и в долине Луц, только более пряной; разница одна — эту надо было есть прямо руками. Обхаживали меня весь обед — льстили, осторожно выспрашивали, еще осторожнее отвечали... К десерту старейшины наконец собрались с духом и сделали мне предложение (на мой взгляд, совершенно неприличное) — занять место убитого демона. Пообещали отстроить башню заново и дать щедрое содержание. Даже намекнули на человеческую жертву: «Одну в год мы потянем». Я обещала подумать. И спросила, вытирая руки и губы специально для этого положенной тонкой спешкой:

— А вот скажите, уважаемые, у вас тут есть капилья?

Два местных старейшины — судя по длиннейшим бородам, ровесники покойного демона, — залопотали по-своему. Да, капилья имеется, перевела мне Эриза. Но она уже много десятков лет как заколочена. Все равно боги не слышат молитв. Одно огорчение.

— Ничего, — я встала из-за стола, — пойдемте. Я попытаюсь докричаться.

— Имахена! — прошептала мне Эриза, когда мы всей толпой шагали к главной площади. — Ты уверена? Это ведь не наши боги! Они тебя и слушать не станут...

— Ты когда-нибудь бывала в мурабитских капильях?

— Нет... А что?

— А я бывала. Они обычно совершенно пустые. Голые стены, благочестивые надписи по бордюрам и молитвенные коврики на полу. Их боги не имеют ни облика, ни имен. Раньше я считала, что это все от варварства. Но в Академии решила изучить вопрос подробнее. Почитала кое-какие богословские труды и выяснила, что все не так просто. Варварство — как раз считать, что бог имеет человеческий облик, и я с этим согласна. Мурабиты не морочат себе голову изображениями. Они призывают богов, и боги приходят в том обличье, в каком пожелают.

— Как странно...

— Вовсе не глупо. Получается, капилья мурабитов — нечто вроде перекрестка множества невидимых путей, а их молитва — нечто вроде свободного поиска на этих путях. А это, между прочим, мой любимый метод медитации... Спроси почтенных старцев, не будут ли они возражать, если я посижу в капилье до заката?

— Они-то — возражать? — хмыкнула Эриза. — Но Имахена, разве мы не будем ограждать деревню? У нас не так много времени...

— Возможно, ограждать ее и не понадобится, — пробормотала я, окидывая взглядом маленькую капилью, сиротливо приткнувшуюся между двумя беленными заборами. Каменное крыльцо устилали сухие иглы, почерневшая от времени красивая резная дверь забита досками. Судя по ржавым шляпкам гвоздей — действительно давно забита.

Совместными усилиями доски были отломаны, заскрипели ржавые петли, и дверь отворилась. Изнутри повеяло затхлой сыростью. Я вошла внутрь, старейшины — вслед за мной.

Как ни удивительно, тут было светлее, чем в капилье долины Луц. Солнце било сквозь окна-бойницы под потолком, озаряя беленые стены. При каждом шаге пыль поднималась столбом. Под потолком колыхалась серая паутина. Вдоль стен стояли бронзовые светильники на тонких ножнах. Пол был сплошь в птичьем помете. Я подняла голову и увидела многочисленные ласточкины гнезда, прилепившиеся под потолочными балками. В бойницы, посвистывая, влетали и вылетали ласточки.

— Вот тут пусть подметут и положат коврик, — сказала я Эризе, указывая на место почище. — И пусть уходят. Мне нужны

уединение и тишина.

За спиной поднялась молчаливая возня. Я подошла к главной — восточной — стене, заглянула в чашку светильника. Горючее масло, которое было туда налито, давно высохло, но слабый запах еще держался. Я вдохнула его, прикрывая глаза и стараясь выбросить из головы все лишнее, не имеющее отношение ко мне, к капилье и этому вечеру.

Коврик вскоре был расстелен. Двое старейшин уселись у двери, делая вид, что их тут нет. Остальные вышли. Эриза, стоявшая у дверей, показала на стариков глазами. Я в ответ скорчила рожу. Что делать — не гнать же их?

— Иди, — сказала я девочке. — Закрой дверь. И пригляди, чтобы остальные не мешали. Никому нельзя сюда заходить, пока я не выйду. Что бы тут ни происходило — никому не соваться!

Эриза кивнула и вышла. Скрипнули петли, гомон толпы сразу отдалился. Теперь я слышала только пересвист ласточек под потолком. Старцы сидели так тихо, словно умерли.

Я села на коврик, скрестив ноги, выпрямила спину и закрыла глаза.

Несколькими вздохами добилась полного равновесия внешнего и внутреннего.

Открыла глаз на лбу.

В медитации я воспринимаю мой главный внутренний глаз, «око разума», как ослепительно сияющий бриллиант. Когда он открывается, это подобно внезапно вспыхнувшему свету — жесткому и холодному, в этом свете все становится ясным и определенным, даже то, на что ты смотреть не хочешь. Но сейчас бриллиант почему-то оставался тусклым. Не было ни света, ни пляски вспышек на гранях... Не было ничего.

«Око разума» ослепло! На миг меня охватила паника. Как тогда, в долине, где на меня напал прыгун. Мучительно хотелось открыть глаза и выскочить прочь из этого места — на свет! Но я усилием воли заставила себя сидеть. Подышала. Успокоилась.

Надо идти навстречу страху, другого выхода просто нет.

Я закрыла ослепшее «око разума» и медленно, осторожно раскрыла «око души» — глаз на темени.

В обыденной жизни почти никто из магов этим глазом не пользуется. В этом нет необходимости, это сложно и, главное, просто опасно. «Око души» — для святых отшельников, для старцев, отринувших земное и уже не боящихся его потерять, а скорее, желающих этого. Тот, кто открывает «око души», делает шаг прочь из этого мира. Это глаз для общения с богами. И никто не знает, с какой высшей сущностью встретишься взглядом на этот раз. Через него приходит такое знание, к которому обычно

человек не готов. Если открыть его не там или задать не тот вопрос, то результат — даже не сумасшествие, а полное и мгновенное разрушение личности.

С определенной безопасностью «око души» можно открывать для молитвы в проверенных, надежных святых местах.

Но уж никак не в заброшенной мурабитской капилье посреди захваченного демонами края.

Почему же я рискнула его открыть?

В тот миг мне это показалось правильным, а я привыкла доверять интуиции.

Ну и еще — мне просто всегда нравилось рисковать.

Если страшно, делай шаг вперед. И для верности еще один...

Волосы шевельнулись на макушке, словно надо мной пронесся порыв прохладного ветра. Я мысленно подняла взгляд и увидела... купол из синего стекла? Полированный сапфировый кабошон? Или просто — глубокое синее небо, окно в своде черепа? По телу побежали мурашки от ощущения предельной уязвимости. Но я продолжала молча смотреть. Иначе нельзя. Как острил наш учитель по духовным техникам: «Чтоб под крышу что-нибудь попало, сперва ее надобно сдвинуть!»

К счастью или к несчастью, я сперва ничего не увидела.

И меня тоже никто не увидел. Зато я кое-что поняла.

Кто-то, словно нарочно, отрезал это место от горных миров. Местные крестьяне заколотили дверь капильи, а другие, нечеловеческие силы, замуровали ее извне, словно каменным колпаком накрыли. Для богов эти стены из плотного серого тумана, который «оком разума» воспринимается как слепота — все равно что мертвая скала. Кричи не кричи — не пробьешься. Здешним крестьянам еще повезло с колдуном. Он защищал себя — и их заодно. Правда, за плату. Но если бы не он — пошли бы на поживу демонам, как все остальные.

Что же можно сделать? Как разрушить этот купол?

Решение пришло единственное и очевидное.

Я вытащила из-за спины меч святого Чучо, поднялась на ноги и плавным движением прорезала окно в плотном сером тумане. Повернулась направо и прорезала еще одно. Потом еще. Четыре окна, по сторонам света — каждое чуть выше другого.

Когда я прорезала последнее, северное, все озарилось, словно взошло солнце. Серый туман развеялся мгновенно.

Я с наслаждением вдохнула полной грудью. В легкие полился свежий утренний воздух. В глаза ударил слепящий свет, заиграл на гранях бриллианта, теплой волной накрыл сапфировый купол. Но почему так ярко?

Сияние ледников — совсем близко!

Я отвернулась от этого нестерпимого блеска и выглянула в южное окно. Передо мной раскинулась панорама гор и долин. Вдалеке белело что-то очень знакомое... Домики, похожие на соты... Да это же Альсиен! А что там дальше?

Кровь прилила к лицу...

Мы уже близко! Еще два-три дня — и я у цели!

Жадным взглядом я окинула пейзаж, стараясь запомнить каждую деталь. Значит, впереди еще один перевал, потом длинный горный луг, потом перейти тот странный белый мост, и вперед — на каменистую, отдельно стоящую гору, на вершине которой стоит одинокая башня с четырьмя окнами!

Дело было сделано. Я повесила меч за спину. Как только рука отпустила рукоять меча, видение исчезло. Закрылся глаз на темени, погасло «око разума». Я снова сидела на коврике в центре капильи. Почему-то здесь стало гораздо светлее, чем раньше. Хотя должно было стать наоборот, ведь солнце уже ушло. Потом опустила взгляд и сообразила — горели светильники. Десятки светильников, расставленных возле стен, вспыхнули сами по себе, словно их зажгли в честь большого праздника.

Я повернулась к дверям. Старейшины с благоговением попадали ниц. В приоткрытую дверь с озабоченным видом заглянула Эриза.

— Скажи им — теперь тут снова можно молиться, — сказала я, потягиваясь. — Боги вспомнили про это место. Если их позвать, они придут и ответят. А демоны — не придут. Надеюсь, никогда. Пусть проводят тут все положенные обряды, аккуратно совершают все пять ежедневных молитв... э-э... — На этом мои знания о религии мурабитов иссякли. — И никакое зло не сумеет войти в вашу деревню!

— Имахена. — Девочка мотнула головой в сторону улицы. — Ты велела не беспокоить, но там такое...

Она распахнула дверь, и внутрь вместе с ветром ворвались выкрики и лязг железа.

«Хассим!» — сразу подумала я, кидаясь на улицу.

На площади у капильи собралось, наверно, все население деревни. Теснились у оград, выглядывали из-за стен, с плоских крыш, чуть не свешивались из окон. И не удивительно — такого зрелища тут точно никогда не видели и вряд ли еще увидят. Посреди площади шел бой. Окаянный Хассим рубился со «святым Чучо».

Слава богам — в руке он держал палку, а не саиф, иначе давно себя бы покалечил! Как он в башне себе ничего не отрубил этим мечом! Паладин спокойно и технично отражал его выпады

булавой. При каждом ударе местные мальчишки вопили и хлопали так, что в ушах стоял звон. Скелет собаки скакал вокруг сражающихся, клацая когтями по мостовой и усиливая суматоху.

— А ну прекратить! — закричала я, перекрывая галдеж.

Паладин тут же остановился. Хассим «добил» его длинным эффектным выпадом и повернулся ко мне, тяжело дыша. Пепельные волосы разметались по плечам, на бледных щеках даже румянец выступил — как слабый отсвет зари на снегу.

— Слушай, отличный мертвец! — ухмыльнулся он. — Где ты такого взяла?

— Это ее работа, — я показала на Эризу.

Хассим наклонился к девочке, уперев руку в бедро, заглянул ей в глаза.

— Эй, малявка, подымешь мне мертвяка? Чтобы рыцаря только! Во как надо! — Он чиркнул по горлу ребром ладони.

Эриза смешалась и не ответила.

— Зачем он тебе? — спросила я.

— Я ж теперь тут первый богач. Значит, мне нужна воинская свита!

Я искоса взглянула на разряженного выскочку. Только скелета бродячего ему для свиты не хватало!

— Мне кажется, было бы очень неразумно заводить себе для охраны именно мертвеца, — заговорила я вкрадчиво. — Боюсь, другие «жители столицы» не поймут. И еще, насчет добычи — надеюсь, ты уже поделился со старостой и прочим местным начальством? В смысле, отдал им со всем почтением большую часть сокровищ?

— И не подумаю! — надменно заявил Хассим. — Я убил демона и унаследовал его башню! Почему это я должен делиться с какими-то грязными крестьянами? Ну так как, малявка? Поднимешь мне бойца?

Эриза взглянула на него исподлобья.

— Не буду.

Хассим явно обиделся.

— Почему?! Жалко тебе, что ли?

— Жалко — тебя. Имахена права. Со скелетом тебе тут точно жизни не будет. Уж поверь. Я знаю, что говорю. В долине Луц...

— Ну так оставьте мне этого, — предложил Хассим.

И в ответ услышал дружное:

— Обойдешься!

— Да чтоб вас демоны сожрали! Все вы, бабы, такие — вредные и жадные!

И Хассим величественно удалился с площади. Односельчане провожали его взглядами, далекими от восхищения. «Никаких

перспектив, — подумала я, глядя ему в спину. — Все отберут и придушат ночью. Возможно, уже сегодняшней...» Никому в почтенном мурабитском поселении не нужен проклятый сын луны в качестве наследника покойного демона.

ГЛАВА16. Рыцарь и венок

Мы покинули Альсиен перед самым закатом. Забрали вещи в таверне, обновили запас съестного и отправились в путь. Можно было остаться и до утра и в кои-то веки провести ночь в постели, но меня манила башня с четырьмя окнами. Если видение не соврало, до нее оставалось всего ничего — два перехода.

Возможно, уже завтра мы ее увидим!

Нас с поклонами проводили до ворот, осыпая благословениями и приглашая в любое время заходить еще. Хассима в числе провожающих не было — видно, так и не простил нам отказа. Меня его отсутствие только порадовало. Эриза же явно расстроилась, хоть и не подавала виду.

Шли мы, погруженные в свои мысли, не болтали на ходу, как обычно, а потому продвигались очень быстро. За ночь под заунывный свист ветра и шорох вереска миновали перевал. Под утро мне, как всегда, стало жаль Эризу, которая не жаловалась, но засыпала на ходу, и мы устроились на ночлег, укрывшись от ветра между валунами в русле сухого ручья, где мелкие камешки до утра кололи нам бока. Проснулись рано — от холода и, зевая, поплелись дальше.

Солнце поднималось все выше, отогревая и расцвечивая склоны. И когда мы проснулись окончательно, то обнаружили, что идем по дивно красивым местам. Каменистое горное плато сменилось разнотравьем и цветущим лугом.

Плато было усыпано валунами, будто великаны играли ими в мяч, а все пространство между ними благоухало и пестрило от белых, желтых, алых соцветий. Ветер трепал бутоны, над ними вились бабочки, жужжали шмели, стрекотали кузнечики...

— Имахена! — воскликнула Эриза, падая в цветы, как в перину. — Какое счастье, что ты взяла меня с собой!

— Неплохое место для обеда, — согласилась я. — Привал?

Сервировкой мне пришлось заниматься в одиночестве. Пока я раскладывала на подрубленном полотне пряные яства мурабитов — каждое, мелко порезанное, завернуто в отдельную лепешку, — Эриза бегала по лугу наперегонки с собакой. Похоже, при жизни псине тоже нравилось валяться в траве и ловить зубами кузнечиков. Паладин застыл поблизости, как одинокий, давно забытый своими часовой, Его молчаливое присутствие действовало на меня до странности умиротворяюще.

Набегавшись, Эриза устроилась поблизости от меня и принялась собирать букет из луговых цветов, напевая незамысловатую песенку, которая болезненно откликалась у меня

в душе.

— Если нам случится
встретиться друг с другом
У морского берега
Иль посреди луга,
Сядем мы, и небо
Будет лишь над нами.
И войдем мы молча
В море. Или в пламя.

— Эриза! — крикнула я наконец. — Хватит распевать, иди есть! Зачем ты нарвала столько цветов?

— Они чудесные, — сияя, ответила она. — Ты посмотри, чего тут только нет! Гвоздика, камнеломка... Даже очень редкие — вот, фиделия! Этот цветок у нас считается символом верности и преданности. Видишь, у него три розовых лепестка в форме сердца? Если, парень дарит такой цветок девушке, это значит, что он клянется быть ей преданным всю жизнь!

— Ну и дурак.

— Почему?

— Зачем давать клятвы, которые невозможно исполнить? Будет дважды лжец — и перед подружкой, и перед богами.

Эриза взглянула на меня с изумлением.

— Имахена, ты что, не веришь в любовь на всю жизнь?!

— Конечно, нет! И тебе не советую!

— Почему?

— Потом будет не так больно...

Эриза набрала воздуху, приготовившись выдать еще одну бессмысленную тираду в защиту вечной любви... Но тут что-то увидела вдалеке. Черные глаза широко распахнулись:

— Имахена, за нами кто-то идет!

— Чтоб меня это удивляло... — проворчала я.

Не узнать белобрысую шевелюру даже на таком расстоянии было невозможно. Настроение испортилось окончательно.

Мы и пару лепешек съесть не успели, как Хассим оказался рядом с нами. Просто удивительно, как быстро он нас нагнал. Хотя он это вряд ли осознал, поскольку был вне себя от злости. Грязный и пропыленный, оборванный до штанов и нижней рубашки; на скуле засохшая кровь, под глазом фингал — в общем, выглядел он так, будто его долго пинали ногами, а потом кинули в ежевику, — скорее всего, так оно и было. Из всего богатства

уцелела только двузубая серебряная вилка за поясом. На зубцах что-то подозрительно темнело.

— Ты зачем сюда явился? — мрачно спросила я. — Вспомнил, что не попрощался?

Хассим утер лоб и, задыхаясь от быстрого подъема в гору, принялся браниться:

— Проклятые воры! Ненавижу мужичье! Пойду с вами, поднаберусь опыта с вашим скелетом, добуду новый меч вроде твоего, а лучше научите меня колдовать! — ну а потом вернусь и камня на камне в этой несчастной деревне не оставлю!

— А мы хотим, чтобы ты с нами шел?!

— Да! — вырвалось у Эризы.

— Два голоса, считая мой, «за», один против! Уговорили — остаюсь!

И Хассим тут же накинулся на нашу еду. Я смотрела на него угрюмо, делая вид, что не замечаю умоляющего взгляда девчонки. Ну и что мне с ним делать? Зачем он мне сдался? Эриза хоть талантливая, а этот прямой потомок демонов только несчастье приносит. Не говоря уже о том, что он слишком много врет...

Прикончив пяток лепешек с бараниной, Хассим вытер руки о штаны, весело огляделся — и замер.

— Ого, гляньте, что у вас творится! — зашипел он, указывая мне за спину. — Только тсс! Не спугните его!

Я медленно повернулась, поднимая руку к рукояти меча, — и онемела. «Святой Чучо», о котором все как-то позабыли, занимался весьма странным для рыцаря и ходячего скелета делом. Из пучка цветов, который собрала Эриза, он сосредоточенно плел венок.

— Мертвяк-то ваш рехнулся! Что вы с ним тут делали?!

— Венок из фиделии! — в экстазе прошептала Эриза.

Хассим покосился на нас с паскудной улыбочкой. Он, видно, тоже знал местные обычаи.

— Интересно, кому?

Я, естественно, не отреагировала. Паршивец перевел взгляд на Эризу и поднял бровь. Девчонка немедленно залилась краской.

— Да по всему похоже — тебе, Хассим, — невинно предположила я. — Пока тебя тут не было, он никому из нас и букетика несчастного не подарил...

— Внимание!

Паладин доплел венок, скрепил его травинкой, подошел к нашему «столу», встал на одно колено — и очень торжественно вручил его мне. Пришлось надеть.

— Спасибо, — буркнула я, чувствуя себя крайне глупо.

Эриза, стиснув руки, издала самый романтичный из вздохов. Хрюканью Хассима позавидовал бы любой кабан.

— Так и знал — он тайно в тебя влюблен!

Я пожала плечами. На самом деле, в голову закралось другое подозрение. По-своему ничуть не менее бредовое, но правдоподобное. Венок — венец — корона. Что, если наш мертвый паладин тем самым признал меня своим сюзереном? Тем более, кое-какие исторические предпосылки для этого имелись... Но почему сейчас? И почему — он?

— Ты, ходячая вешалка для доспехов! — шепотом спросила я, заглядывая в темные прорези серебряной маски. — На что это ты намекаешь?

Паладин, как и полагается вешалке, промолчал.

ГЛАВА 17. Незримая Академия, урок некромантии

Учителя звали Верде, и я его впервые видела. Суровый, надменный, с острой черной бородкой и холодными глазами. Держался так прямо, словно копье проглотил. Ни разу мне не улыбнулся, будто перед ним не привлекательная девушка, а некое существо без пола. Обратилась к нему по привычке «мэтр», поправил — «алим». Значит, не в штате Академии. И не препод он никакой, с такой-то выправкой. Военный маг, догадалась я. Но почему он? При чем тут военные? Сегодня же зачет по некромантии!

Встретились мы перед закатом, на академическом кладбище, где на поляне среди вековых дубов поднимались из земли травяные кочки могил. Обломанными клыками белели гранитные обелиски, покрытые сложными кровавыми символами. Наше кладбище — место особое. Я бы сказала — забавное, если бы была склонна к черному юмору. От концентрации охранных защитных чар тут аж зубы сводит. На этом кладбище хоронят волшебников. Некоторых — против их воли, ибо только тут их можно удержать под контролем. Очень мало кто из преподавателей и выпускников Академии, особенно из тех, кто специализировался но темным искусствам, желают лежать в земле спокойно. Одни незаметно для себя перерождаются в иные сущности, другие делают это нарочно, в погоне за бессмертием, третьи застывают в переходных формах от жизни к смерти... В общем, мы, маги, очень редко умираем прилично, по-человечески.

Большинство, конечно, покоится не здесь. Поди их поймай. Если вообще где-то покоится. Обычная ситуация для мага: «пропал без вести», «ушел на проклятую пустошь, и теперь там исчезают люди, а по ночам кто-то воет» или даже «воспарил при большом стечении народа».

Итак, алим Верде и я стояли в некошеной траве на экспериментальном участке кладбища. Здесь были похоронены те, кто завещал (или даже продал при жизни) свое тело и дух на опыты во благо науки и магии. Тут-то мы и практиковались в некромантии.

— А где мэтр Ан-Амин? — бодро спросила я, оглядывая могилы и пытаясь угадать, кого мы сегодня будем тревожить.

— Заведующего кафедрой некромантии вызвали во дворец, и потому зачет он сегодня проводить не будет, — официальным тоном ответил Верде.

— Как же так? Но...

— Сегодня вы подчиняетесь мне.

Я пожала плечами.

— Ну ладно. Тогда чего мы ждем? Как бы время не упустить!

Сумерки, граница между днем и ночью — самое благоприятное время для некромантии. Днем нормальный покойник спит как сурок, а ночью он, пожалуй, вылезет сам, и попробуй загнать его обратно!

Верде прищурился, вглядываясь в зеленый сумрак дубравы.

— Вашего напарника, — сказал он. — Что-то он не торопится.

— А кто у меня сегодня будет напарником?

Верде молча показал острой бородкой в сторону деревьев, из-за которых как раз появился изящный худощавый мужчина в синей мантии. Я не поверила своим глазам. Это же мой лучший друг, мой герой и идеал!

— Привет! — сияя, воскликнула я. — Ты что тут делаешь?

— Я сам пытаюсь это понять, — хмуро сказал Альва. — Вы не объясните, мэтр...

— Алим Верде. Вы опоздали, аспирант. Пятиминутная готовность!

Военный маг вытащил из рукава какой-то свиток, облепленный восковыми печатями — надо думать, очень секретный, — развернул его и углубился в чтение. Я бочком подкралась к Альве и прошептала, стискивая его руку:

— Ужасно рада тебя видеть!

А как не обрадоваться при виде Альвы? Человека, которому я абсолютно доверяла. Которым безумно восхищалась. Ради которого, втайне, готова была отдать жизнь. Тем более когда-то он ее спас.

Но Альва продолжал хмуриться.

— Не знал, что ты тут будешь. Думал, надо подстраховать кого-то из выпускников...

— Я как раз выпускник, если кое-кто забыл! — съехидничала я. — Еще пара месяцев, и диплом. А допрос мертвеца входит в программу!

— Я бы не хотел, чтобы ты занималась такими вещами. Девушке вообще некромантию практиковать не следует. Гнусное дело, опасное во многих смыслах...

— Э, магия вообще опасна!

— Зачем тебя понесло на некромантию? Демонологии тебе мало?!

— А меня спрашивали? — Я скривилась. — Можно подумать, мне это нравится! Трупы поднимать, тормошить покойников? Бе-е-е... Но на кафедре сказали — надо! Дали направление,

подписанное самим великим амиром, — чтоб курс был пройден, и никаких!

— Странная идея. Очень странная...

— Маэстра Альмира сказала... — Я нахмурилась, вспоминая: — «Чтобы выйти на высшую ступень искусства врачевания и обрести дар воскрешения, надо знать и его обратную сторону».

— Пустые слова! Что за ними?

— Ладно, не занудствуй. Лишних знаний не бывает... Ох, я так рада, что именно тебя пригласили дознавателем! С любым другим я бы волновалась, а с тобой совершенно спокойна!

Альва кисло улыбнулся.

— Все равно мне это не нравится.

Он подошел к алиму Верде и о чем-то тихо заговорил. Видимо, пытался уговорить его отменить практикум. Или поставить мне зачет автоматом. Но алим ответил резко и сухо.

— Вас не спрашивают, аспирант! — услышала я его лающий голос. — Когда великий амир приказывает, ответ возможен только один — «да, господин! Слушаю и повинуюсь!» Поняли?

Я возмутилась. Да как он смеет в таком тоне разговаривать с почти магами?!

— При чем тут великий амир? — высокомерно спросил Альва. — С каких это пор Незримая Академия подчиняется двору?

— Спецкурс практической и судебной некромантии находится под его прямым контролем, — отрезал алим. — Все, обсуждение закончено.

Альва пожал плечами и вернулся ко мне.

— Поднимаем мертвеца, — начал распоряжаться Верде. — Процедура стандартная. Один из вас — медиум. Второй — дознаватель.

Я вздохнула, морально готовясь к неприятным ощущениям. Допрос мертвеца — занятие полезное для общества, но мерзостное. На первый взгляд, все просто — призвать дух, вселить его в тело медиума и задавать вопросы. Вопрос только один — в чье тело? Труп поврежден тлением и говорить обычно не в состоянии. В принципе, можно вселить дух в любого произвольно взятого человека — вот только после сеанса он умрет. С точки зрения военных оно, может, и удобно — не остается свидетелей допроса. Зато остается еще один труп. Этак людишек не напасешься!

Поэтому обычно допрос проводит пара чародеев. В одного вселяется мертвец, второй ведет весь процесс, от призыва до изгнания. В отличие от простых смертных, у магов есть навык контроля духа над телом. Они обучены входить в транс, они могут ненадолго покидать тело и возвращаться по своей воле. Но

когда тело покинуто, медиум совершенно беспомощен. Все, что он может, — витать поблизости и ждать, пока мертвец попользуется его телом и уйдет. Продвинутые чародеи иногда осознают, что происходит, ощущая сразу две личности в своем сознании. Брр... Надеюсь, мне это не грозит.

Спрашивается — зачем вообще нужен медиум? Почему не догнать дух на незримых путях и не допросить самому? Это проще и не так вредно для здоровья...

А вот почему. Где гарантия, что маг не соврет? В трансе же врать невозможно. Свидетельства призраков — важная часть процедуры расследования. Они считаются абсолютными и окончательными.

— Начинаем, — раздался холодный голос Верде. — Альва — медиум. Имахена — дознаватель.

Мы обменялись изумленными взглядами. Как? Почему?! Я думала, все будет наоборот...

Впрочем, раз начальство приказало...

— Клянусь, все пройдет хорошо! — пылко воскликнула я. — Я отлично знаю теорию вызова, все сделаю точно как полагается, максимально щадяще...

У Альвы стало очень странное лицо.

— Я в тебя верю, девочка.

Он потрепал меня по плечу и сел на заранее расстеленный в траве коврик, удобно скрестив ноги и положив руки на колени. Вскоре его лицо стало совершенно неподвижным, дыхание почти остановилось, глаза остекленели. На первом курсе мы, бывало, часами учились входить в транс, опытному магу же достаточно пары вдохов и выдохов.

Я встала у друга за спиной, накрыла ладонью лоб. Второй рукой украдкой провела по коротким темным волосам (гранды все сплошь стригутся как под шлем, даже если войны нет и не предвидится). Угрюмо посмотрела на алима Верде, который убрал свой свиток и теперь вертел в руках деревянную палочку со следами зубов — на случай, если у медиума начнется припадок эпилепсии. А это бывает вовсе не редко. Хорошо, если отделаешься только судорогами и несколькими ночами кошмарных снов...

Я закрыла глаза, стараясь смотреть через внутреннее зрение Альвы и почувствовать его состояние перед сеансом. Да, мой друг сейчас в очень хорошей форме. Сила и уверенность, стабильность и покой сознания. Я уже давно поняла, что Альва куда более сильный и опытный маг, чем кажется на первый взгляд, — из скромности прикидывается. Для него разок побыть медиумом — не проблема.

Я успокоилась и даже повеселела. Осталось выяснить одну важную деталь.

— Кого призываем для допроса?

Алим указал на свежий могильный холмик, украшенный недорогим венком «За многолетнюю службу», и назвал имя.

Я не сразу вспомнила, кто это был такой. Ах да, милый старичок-библиотекарь. Надо же!

— Я и не знала, что он умер. Жалко.

— Увы, — хладнокровно отозвался Верде. — Скончался. Скоропостижно.

— Заболел?

— Свернул себе шею.

— О боги! Как?

— Острый приступ остеохондроза, — с каменным лицом ответил Верде.

Я сокрушенно покачала головой, вспоминая старика. Подумать только! Он в библиотеке сидел, наверно, со времен ее основания. Мне он вообще вечным казался... Бедняга — завещал тело на опыты! Наверно, скудное жалованье там, в библиотеке!

— Начинайте! — нетерпеливо приказал Верде.

Альва сидел спокойно, с пустыми глазами. Он уже вошел в транс, отпустил душу, опустошил сознание и отдал тело в качестве вместилища для призрака. Теперь моя задача — этот призрак поймать. Я снова зажмурилась и тихо запела заклинание. Сейчас мы с Альвой — одно. Он — скалы, а я сирена, которая заманивает на них корабль.

И вот нутром чувствую — могила открывается. Ловишь душу, словно рыбу в темной воде. Закинул, тянешь, тянешь песку... Рывок, подсечка — и в ведро! В роли ведра — Альва. Медиум дергается раз, другой. Несколько конвульсивных движений, и вот в пустые глаза возвращается разум.

Только это разум — чужой.

— Чистая работа, — соизволил похвалить Верде.

— Я думала, это гораздо сложнее!

— Дело в том, что мертвец не сопротивлялся, — объяснил алим. — Его дух сам стремится к живым, чтобы пожаловаться на свою участь. Совсем не удивительно для тех, кто погиб насильственной смертью.

— Как вы сказали?

— Библиотекаря нашли в зале редкой книги. Лежал ничком, но смотрел прямо на нас. Кто-то свернул ему шею.

— Его убили? — повторила я в шоке. — Так это не практика?!

— Нет, это настоящий допрос.

Верде продемонстрировал мне позолоченную бляху с львиной

головой и буковками вокруг. Офицер-дознаватель!

— Что ж вы сразу не предупредили? Так не делается!

— Выполняйте, практикантка. Приказ великого амира.

— Слушаю и повинуюсь, — буркнула я.

На душе стало паршиво. Нет, если бы мне приказали напрямую — я бы выполнила без раздумий, это же мой долг. Но ненавижу, когда меня используют втемную!

А с Альвой совсем нехорошо получилось! Он даже не имеет возможности повозмущаться. Какой позор — использовать высококлассного специалиста как тупую куклу, да еще и без его согласия!

Верде уселся на ближайшее надгробие, снял с пояса чернильницу и развернул чистый свиток для протокола.

— Спрашивайте, Имахена. Пусть покойный расскажет, что случилось с ним в день смерти.

Я мрачно повторила вопрос. Губы медиума зашевелились. Странно было видеть, как Альва шамкает, мямлит и делает паузы, как столетний дед.

— Доброго вечера вам, господа маги. Спасибо, что пригласили побеседовать. Память у меня уже не та... Особенно на лица... Столько их за все годы промелькнуло... Я ведь работал в библиотеке Академии восемьдесят шесть лет! Зато книги помню все до единой! Ни единого свиточка, ни единой книжечки разрезной не пропущу...

— Ближе к делу!

— Так ведь я как раз о нем! Позавчера вечером приходит ко мне один парнишка. И заказывает книгу.

— Какую книгу?

— Мурабитский трактат о демонах. Видите ли, у мурабитов были свои, очень своеобразные взгляды на природу демонов и их связь с миром людей...

— Книга нас не интересует! — рявкнул Верде.

— И совершенно напрасно! Редчайшая, уникальная книга...

Верде заскрежетал зубами.

— ...Но ее очень редко берут. Да это и понятно. Специалистов по демонам весьма немного, а книга ни разу не переводилась. Так что позавчера я, признаться, удивился. Крайне редко встретишь студента, в совершенстве владеющего языком мурабитов.

Верде застыл с пером в руке и посадил на протокол кляксу.

— И тут я вспоминаю, что много лет назад уже сталкивался с одним студентом, который тоже знал этот язык... И более того — брал у меня ту же самую книгу!

— Когда это было?

— Да уж лет полста прошло!

— И что вы сделали потом?

— Ох, наверно, глупость. Рассказал про того студента парнишке. Бывают же, дескать, совпадения! Вы, говорю, ему не внук будете? Уж больно похожи, одно лицо! Он улыбнулся и попросил достать с полки сборник изречений. Я повернулся к шкафу... И больше ничего не помню.

Лицо у Верде стало как у охотничьей собаки, взявшей след.

— Как он выглядел, этот парнишка? При встрече вы бы его узнали?

— Думаю, да.

Алим достал из-за пояса складное зеркало и протянул медиуму.

— Этот?

Я буквально примерзла к месту. Хотела что-то сказать, но язык не послушался.

При чем тут Альва?

Они что, хотят в чем-то обвинить его?! Да еще с моей помощью?!

Но как я могла этому помешать? Все, что надо, — точнее, не надо, я уже сделала. Процесс запущен, и его не остановить...

Тем временем Альва пристально смотрел на свое отражение. Вдруг его скорчило, губы неестественно искривились. Несколько раз он разинул рот, словно что-то душило его... и наконец четко выговорил:

— Нет, не он.

— Вы уверены?

— Абсолютно.

Верде забрал зеркало и спрятал с откровенно разочарованным видом.

— Жаль. Значит, мы где-то ошиблись, — пробормотал он, сразу потеряв всякий интерес к допросу. — Имахена, начинайте изгнание.

В сырой темноте парка мы с Альвой шли по аллее в сторону дворцовых ворот. Мой друг, как всегда, высоко нес голову, но и его слегка пошатывало — похоже, сеанс дался ему нелегко. Во мне же до сих пор все бушевало от волнения, негодования и страха. Мысли скакали вразнобой, как стая белок.

— Устал? Посидим?

— Не надо.

— Хочешь водички? Вот, у меня есть... Как же я за тебя испугалась — до сих пор колотит! Альва, что за бред? Как они посмели тебя заподозрить?! А-а... может, они проверяют всех, кто

ходил в библиотеку в тот день? Ты случайно там не был?

— Был.

— Вот в чем дело! И все равно бред. Зачем тебя заставили быть медиумом? Чтобы ты свидетельствовал сам против себя?

— Угу.

— Но почему бы тогда просто не вызвать тебя в суд и не допросить по-человечески? У них же есть штатный чтец мыслей! Или просканировать память — это вообще элементарно...

— Я же гранд, — устало сообщил Альва. — Гранды подсудны только другим грандам. Дознаватели из амирской тайной канцелярии к таковым, естественно, не относятся. Гранды также не могут подвергаться ни допросам, ни чтению мыслей. Единственное исключение — официальное обвинение в государственной измене, но его нельзя предъявить без серьезных оснований. Дух гранда нельзя призывать как свидетеля...

— Но если допрашивать не тебя, а через тебя — библиотекаря, то закон не нарушен! — сообразила я. — Ух, хитрецы!

— Да, моя ошибка. Я стал слишком беспечен, — кивнул Альва. — Все из-за тебя.

— Как из-за меня?!

— Волновался за тебя, забыл о себе. На это они и рассчитывали. Пора с этим заканчивать.

Последнюю фразу я пропустила мимо ушей — в них слишком громко прозвучала первая.

— Ты волновался за меня!

— Конечно, — резко ответил он. — Тебя это удивляет? Да, я беспокоюсь о тебе, хоть и не должен.

Я недоверчиво поглядела на него. О чем это он? А через миг увидела его глаза — и поняла, о чем. Несколько мгновений мы смотрели друг на друга как зачарованные. Потом Альва медленно поднял руку и коснулся моего лица. Я, не раздумывая, бросилась ему на шею.

— Никому из нас не будет от этого добра, — раздался мрачный голос у меня над головой.

Я только крепче прижалась к нему, думая, что мне совершенно все равно, что будет потом, — когда есть сейчас. А потом вообще перестала думать.

О чем думал Альва, знал только он сам.

ГЛАВА 18. Мост над пропастью

Ночь выдалась лунная, так что препятствие на пути предстало перед нами во всей красе. Оно возникло в темноте около полуночи — сначала деталями, формами застывшего света, а потом, за очередным поворотом, вдруг открылось целиком. Грандиозная белая аркада, словно парусник, выплыла нам навстречу из глубокой тени горы. Я посчитала пять уровней арок из светлого камня, поставленных одна на другую. Каменное кружево, растянутое между двумя стенками ущелья... Этой постройке не меньше тысячи лет, но она казалась созданной только что. Невольно думаешь — колдовством или мастерством она сотворена?

Я, впрочем, уже видала такие старинные мосты и прежде, но ребята были совершенно потрясены.

— Неужели это построили люди?! — выдохнула Эриза.

— Конечно, нет! Демоны с ледников, — уверенно заявил Хассим. — Их работа! Разве не видите, что этот мост — изо льда и утром растает? А скорее всего, вообще это морок, и никакого моста там нет.

— Это правда, Имахена? Нам мерещится?

— М-да, — промычала я, изучая постройку. — С башни он выглядел не совсем так... Немного... э... пониже. И покороче...

— Ты ведь не хочешь сказать, что нам придется по нему идти на ту сторону? — насторожился догадливый Хассим.

Я промолчала. Хассим что-то пробормотал на языке мурабитов — судя по тону, смачно выругался.

Тропа пошла по краю пропасти. Ущелье, резко ныряющее вниз, уходило из-под ног. Кусты, пучки жесткой колючей травы цеплялись за сухую землю из последних сил. Снизу доносится глухой грохот потока. Очень отдаленный...

— Отойдите от края! — предупредила я, и вовремя — Хассим уже заглядывал вниз, держась за кустик, который не выдержал бы и откормленного голубя. Эриза молча схватила его за руку и потащила от обрыва. Край тропинки осыпался; мелкие камешки с жутким шорохом веселой стайкой побежали в пропасть. Хассим, глядя на оползень, попятился, побледнел и даже не стал отбиваться.

Место, где начинался мост, потерялось в колючих зарослях. Раньше там была какая-то каменная постройка, может, башня или домик смотрителя, а теперь — просто куча камней, из-под которой вытягивалась каменная лента шириной шагов в пять. Никаких ограждений мы не заметили. Взобравшись на

поваленные каменные блоки, молча уставились на прямую, как стрела, белую дорогу... на тот свет.

Вблизи стало заметно, что аркадный мост в самом деле очень древний. Каменная лента вся растрескалась, поросла травой и даже молодыми деревцами. Я, прищурившись, посмотрела вдаль. Неприятно будет, если где-нибудь на середине обвалилась арка-другая...

— Нет-нет! — воскликнул Хассим. — И не уговаривайте! Кому нужны такие мосты — канатным плясунам? Тут даже телега не проедет!

— Он не был рассчитан на телеги, — сказала я. — Это акведук, по нему проходил водопровод. Ну, рискнем?

— В темноте?!

— Хм, по мне, так довольно светло!

— А если меня сдует? Ни за что!

— Тогда ступай домой. Насильно никого не держим.

Хассим с ненавистью взглянул на архитектурный театр древности.

— А если этот шесток рухнет? Смотрите, какие трещины! Она же тут стоит тысячу лет, не меньше!

— Больше. — Я взглянула Хассиму в глаза. — Уходишь?

Парень отвел их и промолчал. Я мрачно усмехнулась.

Кто бы сомневался...

— Значит, так. Вперед запустим Чучо. За ним идет псина, за ней Эриза, потом Хассим. А я буду прикрывать тыл.

— Почему это я — после мелкой?! — тут же возмутился Хассим.

— Да потому, что так мне будет легче за вами присматривать. Вдруг кто-то вздумает сорваться вниз!

«И чтобы Хассим, на всякий случай, был в моей досягаемости... А еще потому, что такой мост — очень удобное место для засады...»

Но мертвый рыцарь уже вступил на мост, и Хассим немедленно устремился вслед за ним.

Полная луна сияла так ярко, что я даже светляка создавать не стала. Мост белел в темноте, словно светился сам, идти было не так сложно, как я опасалась. Такая же тропа, как и в начале пути, относительно ровная — только под ноги поглядывай, чтобы не споткнуться о выщербленный край плиты. Если не думать о том, что по обе ее стороны - не горный лес, а только горный воздух. Идешь, как по лунному лучу в ночном небе.

Сперва все шло гладко. Ребята, вначале молчаливые и напряженные, слегка расслабились. Голова вроде ни у кого не кружилась. Я видела, как Эриза оглядывается и даже украдкой

косится вниз. Может, и хорошо, что идем ночью, а не днем, когда пропасть просматривалась бы до самого дна...

Хассим первое время шел молча, потом насвистывал, а вскоре я услышала тихие разговоры. Ребята вполголоса спорили, откуда взялся акведук. Хассим упорно стоял за демонов. Эриза возражала в том духе, что одинаковый морок трем человекам явиться не может, особенно когда одна из них чародейка.

— Это постройка времен расцвета Илиберры, — вмешалась я. — И спорить не о чем. Лучше изучайте историю.

— Ты про нашу бывшую столицу? Тот волшебный город в горах, где все из золота? — уточнила Эриза.

— Нет, я про древнее царство, которое погибло больше тысячи лет назад. О нем почти ничего не известно. Но остались дороги, мосты, развалины городов... Вот, например, твой городок, Хассим. Очевидно, он построен на руинах большой крепости. Кто-то в древние времена сровнял её с землей, но радиальная планировка осталась...

Я вздохнула, мысленно перебирая десятки книг, прочитанных мной по истории края Мураби. Где-то на севере, в горной долине, должна находиться бывшая столица, унаследовавшая название древнего царства. В мемуарах Ан-Ясина она описывается как огромный, богатый и красивейший город. Интересно, что от него осталось сейчас?

— Куда делось это древнее царство? — спросила Эриза. - Его захватили мурабиты?

— Нет, они пришли на пустое место, — задумчиво сказала я. — Тут уже не было ни городов, ни деревень... ни людей. Только развалины и демоны.

— Как сейчас, — заметил Хассим.

«На самом деле, интересная закономерность! — подумалось мне. — Второй раз одно и то же. Государство зарождается, развивается, и вдруг с ним что-то происходит. И оно стремительно исчезает...»

От размышлений меня отвлек голос Хассима.

— Имахена, у нас тут скелеты чудят!

— Что такое?

— Собака не хочет идти дальше!

Мы тоже, как по команде, застыли на полушаге. Я заглянула вперед через плечо Эризы. Мертвая псина стояла, вытянувшись в струнку, и пристально смотрела вперед — в спину удаляющегося мерным шагом Чучо.

Ой, как это мне не понравилось!

— Стоять на месте! — прошипела я, поспешно выпутывая меч

из-за спины.

Хассим героически выхватил вилку, держа ее обратным хватом. Я быстро огляделась по сторонам. Вокруг царила непроглядная темнота, но где-то там, внизу, нарастал монотонный шелест. Ребята ничего не могли увидеть, но я ночным зрением различала тысячи теней, похожих на разорванные лоскутья, подхваченные вихрем. Справа и слева, по обе стороны моста, нарастали шорох и писк... И наконец первая тень метнулась прямо на нас.

Эриза вскрикнула, дернулась. Я быстро обхватила ее за плечи и заставила лечь на камни.

— Хассим, ложись!

Парень замешкался и едва не поплатился жизнью, неожиданно оказавшись посреди стаи летучих мышей.

— Эриза, закрой глаза! — крикнула я, щурясь и пытаясь разглядеть Хассима в стремительном мелькании тысяч черных крыльев. Слава богам, он удержался и лег ничком, закрывая руками голову. Что за напасть?! Я вслепую подняла руку, собираясь разогнать мышей пульсаром, и вдруг поняла, что они нас вовсе не атакуют. Черные стаи поднимались со дна ущелья все выше, постепенно разлетаясь в стороны, будто распускался кончик нитки.

Что-то потревожило мышей, они удирают во все стороны.

От чего они бегут?

В ладонях возник неприятный зуд, быстро усиливаясь.

Магия! Магия!

Поток летучих тварей поредел. Последние мыши исчезли в темноте, но радоваться было рано. В воздухе повеяло жгучим холодом, словно налетел ветер с ледников. Я ощутила на щеке укол... На лбу — второй... Третий... С изумлением уставилась на узорную снежинку, которая опустилась мне на рукав.

Пошел редкий снег.

Снежинки падали вокруг нас, кружась и вспыхивая, словно звездочки, в свете луны. Я увидела, как съеживаются и никнут выросшие в трещинах между камнями травинки. По камню поползла изморозь. Кости собаки окутало странное холодное сияние...

Опасность пришла с той стороны, откуда ее никто не ждал.

Паладин обернулся. В лунном свете из-под маски белым пламенем вспыхнули глаза. Он взмахнул булавой и нанес удар. Одно точное движение смело собаку в пропасть. Только лапы мелькнули в воздухе и пропали в темноте. Пронзительно вскрикнула Эриза. Я сжала ее плечо левой рукой, правой поднимая меч.

— Имахена, твой мертвец опять взбесился! — раздался впереди крик Хассима.

— Хассим, уползай оттуда! — взвыла я.

Парень приподнял голову:

— Куда?

А действительно — куда? Лежим рядком над пропастью, ми вправо, ни влево — как куропатки на вертеле!

Я отпустила плечо Эризы и вскинула руку, посылая во врага пульсар. Паладин отбил его играючи — точно таким же силовым щитом, как я, как будто нас учил один человек. Я шарахнулась в сторону, едва не свалившись в пропасть. Мертвец меня почему-то не добил, хотя ничто ему не мешало. Я вскочила на ноги, выставила перед собой меч. На меня глядела улыбающаяся серебряная маска.

— Мы зашли слишком далеко, — произнесла она. — Отдай Альфинур!

— Чего?!

— Отдай меч, и я попытаюсь спасти вас!

— Ах, меч! — Я расхохоталась. — Ишь, размечтался! Конечно, ты его не получишь — если ты в самом деле не святой Чучо. Убирайся с дороги, амир демонов!

— Впереди тебя ждет жестокая смерть, — ответила маска. — И девочку тоже. Вы идете в ловушку...

— Уже поверила! До твоей башни всего день пути. Завтра я войду туда! И ты это знаешь, иначе не явился бы с очередным враньем!

Уголки рта у серебряного лица опустились вниз.

— Я должен все исправить. Прости, принцесса.

— Я не принцесса, — прорычала я и бросилась в атаку.

Добрый Путь этого не поощряет, поэтому будем считать, что противник на меня уже напал.

Я перескочила через лежащую ничком Эризу, наступила на спину Хассиму и ударила мечом сверху вниз, наискось, не думая о технике, да и вообще ни о чем не думая, а только задыхаясь от злости.

Не надо было мне этого делать. В итоге я сделала именно то, чего хотел от меня мой враг. Паладин уклонился, пропустил меч мимо себя, шагнул навстречу, перехватил мне запястье и выкрутил его. Пальцы железной перчатки, способные переломить руку, как сухой сучок, чуть повернули кисть в правильном направлении, и у меня глаза полезла на лоб от боли.

Задуматься, когда и как мертвец успел вступить на Добрый Путь, я не успела. Поняла только, что он поймал меня моим же любимым приемом, и либо я отдаю меч, либо теряю сознание с

тем же самым результатом.

В этот миг в поединок вмешалось провидение в лице Хассима. Парень, все это время пролежавший безмолвно и неподвижно, как оказалось, просто выжидал удобный момент для атаки. И дождался. Когда я рухнула на колени — паладин понемногу выворачивал кисть, аккуратно разжимая мне пальцы, — Хассим выбросил руку и с размаху ткнул врага вилкой в ступню.

Паладин отпрянул, покачнулся, захват на миг ослабел — и конечно, я этим воспользовалась. Но вместо того чтобы попытаться отнять правую руку, перехватила левой рукоять, резко повернула клинок и ударила! Лезвие вонзилось паладину в бедро, пониже кольчуги. Неглубоко — но как я и надеялась, ему хватило. Пальцы разжались, серебряное лицо застыло, и рыцарь грудой железа с лязгом грохнулся на камень. Я вскочила на ноги и пнула его в бок. Паладин перекатился через край и сгинул в бездне. Долгая пауза... Далеко-далеко внизу гулкий удар... По ущелью прокатилось эхо, и стало тихо.

«Все-таки он был демоном», — подумала я, глубоко дыша. Радость победы мешалась с горьким разочарованием.

— Где Хассим?! — раздался за спиной крик Эризы.

Я быстро оглянулась — парень пропал! В последний момент я его видела, когда он втыкал вилку в ногу мертвеца. Неужели тот успел его сбросить? Проклятие, как я могла выпустить его из виду?! Я ведь могла подхватить его — это один из базовых навыков работы с силовым полем, не очень сложных...

Эриза разрыдалась. Я неловко потрепала ее по спине. Не слишком часто мне приходилось кого-то утешать. И себя-то обычно не слишком получаюсь.

— Ну что тут поделаешь? Надо быть готовой к таким вещим. В бою жертвы неизбежны. Смирись. Зато, зато... Добрая память о нем останется с тобой навсегда!

За этим «утешением» последовал новый взрыв рыданий. Я развела руками.

— Это жизнь. Хорошие парни побеждают плохих только в балладах...

— Так я не понял, — донесся голос откуда-то снизу. — Если я победил — хороший я парень или нет?

Я подскочила на месте.

— Хассим?!

— Нет, его призрак, — ворчливо отозвался голос. — Может, уже достанете меня отсюда?

Я наклонилась над краем, высматривая парня. Оказалось, он упал на нижнюю аркаду, более широкую, чем верхняя. Я подняла

его оттуда без особых хлопот. Хассим пыл весь в пыли и в помете летучих мышей, но в целом не пострадал. Я, как могла, помогла ему отряхнуться, а потом крепко обняла.

— Спасибо, — шепнула я ему на ухо. — Ты спас меня... Точнее, нас всех.

Хассим пробурчал что-то совершенно неразборчивое и смущенно вырвался из моих объятий. За спиной снова раздались приглушенные рыдания.

— Ты чего? — спросила я, оборачиваясь.

— Мне его жа-алко!

— Кого?!

— Он был такой хороший! Так тебе предан! А ты!

— Кто?

— Чучо!

Я скорчила рожу. Хассим, не церемонясь, выразительно постучал себе по голове.

— Пора идти, — сказала я. — Не ночевать же тут!

Под ногами валялись растоптанные лепестки из моего венка. Хассим пошел первым. Эриза за ним, тихонько всхлипывая.

— Ну, не плачь, — тихо сказала я ей в спину. — Ты ведь не думаешь, что это святой Чучо воскрес из мертвых?

— Нет. Но все равно — ты его убила!

— Вообще-то он сам на меня напал. Кроме того, он же не умер на самом деле. Демонов нельзя убить. Их можно только изгнать.

Я посмотрела в темноту.

— А еще — иногда они возвращаются...

Остаток ночного перехода прошел без приключений. Мы благополучно перешли мост и углубились в распадок, поросший редким сосновым леском. Насколько я помнила, за ним начинались пустоши, и тропа шла вверх — до самой башни. Шли молча. Эриза переживала вторую гибель Чучо. Сдавленно всхлипывала и смотрела на меня волчонком, из-за чего я чувствовала себя виноватой, непонятно почему.

На самом деле я тоже переживала, вот только показывать этого не собиралась. Потому что и так чувствовала себя очень глупо. Мне бы радоваться! А вместо этого такая мрачность накатила, хоть волком вой...

Хассим тоже переживал.

— Такой шлем пропал! — доносилось сзади бормотание (теперь я шла первой). — Такая кольчуга! Такой нагрудник, с княжеской тугрой!

— Чего ты там бормочешь? Какая еще тугра?

— Надпись, вытравленная на нагрудной пластине, —

сварливо ответил Хассим. — Не видела, что ли?

Конечно, я видела. Странный узор на позолоченной пластине. То ли спутанный клубок ниток, то ли отпечаток ладони с безумным переплетением линий...

— И что она означает?

— Это не ко мне. Я не князь, чтобы разбирать этакие закорючки. Но обычно пишут имя и девиз. «Да прославлюсь я, великий... Да сдохнут мои враги...» Ну, и дальше в таком луке.

— А ты откуда знаешь?

Хассим задумался.

— Где-то слышал, — неуверенно ответил он. — Или прочитал...

— Ты что, умеешь читать на языке мурабитов?!

— Ну да, я умею читать. Думаешь, я крестьянин, так можно считать меня за быдло?

Я остановилась и пристально посмотрела на парня. Вот уж точно — не знаешь, где найдешь, где потеряешь! Кто бы мог подумать, что Хассим грамотный!

— Значит, умеешь читать? Сейчас проверим.

Я достала меч, щелчком пальцев подозвала поближе светляка и сунула рукоять под нос Хассиму.

— Что написано вот здесь, на клейме?

— С этой стороны? «Тысячекратный свет».

— И что это значит?

Хассим пожал плечами.

— Гм... А как это звучит на языке мурабитов?

— Альфинур!

Ну хоть что-то прояснилось! Именно так назвал меч наш фальшивый «святой Чучо». Что ж, хорошее название. Хотя Хассим мог просто услышать это слово на мосту... Я перевернула меч другой стороной:

— А тут?

Хассим долго вглядывался в затейливо переплетенные буквицы.

— Бес его знает, — сказал он наконец. — Это... э-э-э... Что-то вроде посвящения.

— Ну?

— «Тебе, Гаухар».

Я задумчиво покусала ноготь.

Вам это имя что-то говорит?

Оба «младенца» переглянулись и пожали плечами. Как и я, они ничего не слыхивали ни о каком Гаухаре.

Тогда я достала из сумки обрывок пергамента из башни Ан-Джезир.

— Ну-ка, прочитай это.

— Тут слишком много! — заартачился Хассим.

— Ну хорошо, только верхнюю строчку!

— «Серый опять вернулся, горе мне», — сварливым тоном прочитал блондин. — Довольна?

— Пожалуй... — Я покосилась на Хассима и рассмеялась. — Горе мне!

Дальше решили не идти, устроили привал на полянке рядом с тропой. Только завернувшись в одеяло и наконец расслабившись, я осознала, насколько устала. Представляю, как у меня завтра будет болеть все тело! Хассим уснул, не донеся голову до служившего ему подушкой мешка, Справа от меня снова послышались всхлипывания Эризы.

— Ну а теперь-то что?!

— Собачку жалко!

Слева сквозь сон заржал Хассим.

Я заскрипела зубами, с головой накрылась одеялом и мгновенно уснула.

Спалось очень беспокойно. Я снова шагала по арочному мосту, протянутому, как белая костяная рука в темноте, а внизу бурлили кровавые волны...

Проснулась, посмотрела на звезды, мигающие среди сосновых ветвей, послушала волнообразно накатывающий шелест ветра в кронах. Незаметно уснула снова.

Новый сон оказался ничуть не легче предыдущего.

Иду по ночному лесу, одна. Вижу — по земле когтистыми стрелками ползет белый иней. Окружает меня со всех сторон морозной паутиной, забирается на деревья, превращая сосновые стволы в серебряные столбы... Все вокруг становится белым и жгуче-холодным, только по лбу почему-то ползет капля пота. Вокруг тишина ледника, слышно только мое собственное неровное дыхание. Да тончайший хруст — это ломаются под ногами заиндевевшие травинки.

— Что, не вышло сегодня с паладином? — громко спрашиваю я, оглядываясь и доставая из-за спины меч. — Решил явиться в своем истинном облике?

А вот и он — медленно возникает из морозного мрака. Белый силуэт среди белых стволов. Волной накатывает жуть. На демонов даже смотреть опасно, но я не отвожу глаз, выхватывая из темноты все новые подробности. Длинное одеяние переливается, словно отлитое из синего льда. Лысый череп, острые уши, крючковатый нос, жесткие складки возле рта... Внезапно узнаю его: демон с оголовья меча святого Чучо! И такие же разные глаза

— один синий, другой красный.

Покрепче стискиваю рукоятку меча влажными ладонями. Но они все равно дрожат. Одно радует — не дрожит голос.

— Сейчас мне некогда рисовать экзорцизм. Да подозреваю, он против тебя слабоват. Зато теперь я знаю, чего ты боишься! Вот этого меча!

Демон молча смотрит на меня. Ничего человеческого в нем, ничего живого. Как может неживое обладать властью над живым?!

— Попробуй только подойти, я тебя убью! Хочешь знать правду? За этим я сюда и пришла!

Демон усмехается, протягивает руку и шевелит длинными пальцами с острыми синими ногтями. Меч покрывается слоем льда и примерзает к моей руке.

— Ты ничего мне не сделаешь! — говорю я с ненавистью, чувствуя, как превращается в лед и отмирает плоть, как холод ползет все выше... — Человек по определению сильнее любого демона! Сгинь в пекло! Н-на тебе!

Замах, удар, звон расколовшегося льда...

Просыпаюсь. Лежу на мокрой земле одна, в рубашке и босая, ноги уже замерзли. Вокруг сосны, в руке меч. Мох блестит от росы. Или это растаял иней? Был тут все-таки демон или нет?

Эриза и Хассим!

Вскакиваю, оглядываюсь, перевожу дыхание. Вот они, мирно спят в паре десятков шагов, у кострища...

Возвращаюсь, заворачиваюсь в одеяло с твердой решимостью — немедленно спать! Завтра — решающий день, и никакие кошмары, никакие демоны не помешают мне выспаться!

Но все-таки, зачем он приходил? Чего хотел от меня?

Что-то я так и не поняла. Что-то до сих пор не закончено.

ГЛАВА 19. Незримая Академия, урок дальновидения

В небе гремел и сверкал праздничный фейерверк, разноцветными вспышками отражаясь в окнах Академии. Главную аллею освещал ряд факелов, у деревьев во дворе зеленым магическим пламенем светилась листва, в воздухе носились пронзительно-голубые светляки... Ворота были распахнуты настежь — редкий случай! — и над ними, переливаясь всеми цветами радуги, висел плакат-растяжка с лозунгом «Поздравляем выпускников!».

Во дворе была приготовлена торжественная встреча. Плотная толпа студентов, от первокурсников до практикантов, с нетерпением ожидала новоявленных магов. Те вот-вот должны были вернуться из дворца, где великий амир лично вручал им дипломы и благословлял на деятельность во благо магии, науки и государства.

И вот раздались приветственные крики — в ворота вошла первая группа свеженьких специалистов. Маги-теоретики, интеллектуальная элита, будущие ученые и исследователи. Именно от них зависит будущее науки и магии. Все в традиционных плоских шапочках, в длинных синих мантиях — этакие маленькие мэтры. У каждого на указательном пальце кольцо, на котором серебрится герб факультета — голый, без всяких украшений, череп. Знак, что их главный и единственный рабочий инструмент — собственный мозг.

Вид у теоретических магов предельно надменный. Ну да, здесь, в Академии, они на первом месте. И при дворе амира их уважают. Но за пределами дворцового парка они никому не интересны. Впрочем, это взаимно. Глубокое убеждение ученых — за белокаменными стенами столицы жизни нет.

Пройдя по двору под аплодисменты, выпускники факультета теоретической магии уходят в свой корпус, где для них уже накрыт богатый стол. В толпе шепотом перечисляют имена тех ученых и придворных магов, которые почтят своим присутствием пир, чтобы присмотреть себе помощников и будущую смену, а заодно, конечно, вкусно покушать в достойном обществе.

Вдруг приветственные вопли становятся гораздо громче и оживленнее. Во двор вваливается развеселая толпа выпускников факультета боевой магии.

Воспитанники мэтра Тиего — подтянутые, тренированные бойцы в удобной одежде, с короткими псевдовоенными

стрижками, даже девушки (впрочем, их немного). Вооружены до зубов зачарованным оружием, увешаны амулетами, кожа пестрит татуировками, чтобы не тратить драгоценные секунды боя на рисование символов и выкрикивание заклинаний.

Впереди шествует сам мэтр Тиего, как никогда похожий на главаря самой продвинутой в столице банды. После приключения с универсальным экзорцизмом мэтр стал очень немногословным, менее самонадеянным и куда более осторожным. Наверняка будущим боевым магам это пошло только на пользу. Многие из них уедут по своим назначениям прямо сегодня ночью. Некоторые пойдут в охрану великого амира и прочей высшей знати. Но большинство отправится на дальние окраины империи, где всегда кто-то буянит — не демоны, так местные варвары. Которые, по мнению мэтра Тиего, от демонов ничем и не отличаются.

Студенты приветствуют юных боевых магов восторженными криками. Выпускники отвечают такими же воплями, только вдвое громче, и дружной толпой удаляются в сторону корпуса, украшенного изображением черепа в остроконечном шлеме, по пути вытаскивая из широких рукавов бутылки и закусь.

А вот еще группа входит в ворота. Плавно и бесшумно - но во дворе сразу становится светлее, словно в ворота заглянула луна. На головных обручах светятся маленькие черепа, украшенные венками из омелы. Это целители. Точнее, целительницы, девушки. Одетые в строгие светлые платья, они похожи на жриц. Почти у всех на шеях серебрятся лики того или другого бога или богини. В целительстве весьма поощряется практика прибегать к помощи светлых богов (в отличие от тех же магов-теоретиков, для которых быть верующим — просто дурной тон). Кто-то из этих хрупких с виду девушек поедет с боевыми магами, но большинство останется в лечебницах столицы и ее окрестностей. Кто-то поедет в другие города, кто-то — в деревни... Работы хватит всем.

Но что за одинокая фигура в черном, идущая позади всех?

Радостный шум стихает.

В мертвой тишине во двор заходит последняя выпускница. Сгорбившись, ни на кого не глядя, проходит мимо отпрянувших студентов. Тихо шелестит заношенная темная мантия без знаков отличия; никаких черепов на украшениях, да и украшений тоже никаких. Длинные темные волосы нечесаными прядями свисают вдоль бледного и мрачного лица с красными глазами. Выражение лица такое, что лучше даже не заглядывать, — непреднамеренный сглаз обеспечен.

На нее все равно таращатся: учителя неодобрительно,

старшекурсники — с неприязненным любопытством, младшекурсники — с откровенным страхом.

Над толпой витает шепоток:

— Некромант! Смотрите, некромант!

— Кто вам тут некромант? — хрипло спрашиваю я, окидывая двор зловещим взглядом. — Я целительница, не заметно, что ли?! А что я так выгляжу, так это я просто не выспалась и не накрасилась!

Но толпа почему-то начинает редеть прямо на глазах.

Жалко все-таки, что у кафедры некромантии нет своей эмблемы. Ухмыляющийся череп подошел бы.

Выдача дипломов и банкет во дворце прошли как во сне. Торжественная церемония, большой прием у великого амира, все эти важные лица, официальные речи, разговоры о распределении, карьерные планы... Все это было отдельно, а я — отдельно. За весь вечер ни с кем даже не заговорила — сидела с угрюмым лицом, крошила хлеб в бокал с вином и молчала. Впрочем, никто и не ждал от некроманта веселья и шуток.

И почему вся Академия уверена, что я некромант? Не понимаю! На лбу у меня написано, что ли?! В дипломе написано черным по белому: «основная специализация — целительство». Посещение спецкурса некромантии нигде не светилось, практика проходила в уединенных местах. Его немногочисленные выпускники сразу же исчезли в недрах ведомства внутренних дел. И сейчас уже получают свои назначения — к которым и готовились изначально. В армии, разведке, в суде, в тайных лабораториях, где проходят официально не существующие опыты с неживыми.

Празднование окончательно переместилось под крышу Академии. В окнах огни, смех. Я осталась во дворе одна. В темноте и одиночестве. И меня это полностью устраивало. Вот только эти рожи, прилипшие к окнам! Первокурсники, которым все неймется, подглядывают, что я делаю у колодца. Небось уверены, что приношу жертву. Я подумала, не пугнуть ли их фантомом, но только устало вздохнула, откидывая волосы с лица. Вид у меня, прямо скажем... Я, например, к такой целительнице пойти лечиться не рискнула бы.

Может, в самом деле виновата некромантия. За последние месяцы я вообще от всех отдалилась. Мои прежние друзья — боевые маги, с которыми мы кутили на младших курсах, как-то перестали зазывать меня на свои пирушки. С целительницами я изначально не сошлась характерами… Остальные тоже на всякий случай старались держаться подальше.

Хочешь не хочешь, некромантия сильно меняет личность, и не в лучшую сторону. Недаром говорят, что некромант смотрит на собеседника сначала как на комплект покрытых плотью костей, а потом уже с удивлением замечает, что оно еще и разговаривает! Жестокость или равнодушие? Уход от понятий добра и зла. Уход от всего земного вообще. «Быть некромантом — удел избранных, — говаривал нам завкафедрой мэтр Ан-Амин, строгий, печальный старик с пепельными волосами и медленным тихим голосом. — Это путь одиночества, серьезности, холодности, неспешных размышлений и спокойной, вдумчивой работы с материалом... И еще раз повторю для тебя, Имахена, — одиночества...»

Да, мэтр Амин с самого начала был убежден, что никакого некроманта из меня не выйдет. Само мое присутствие на спецкурсе нарушало два главных его правила. Некромант по определению не может быть женщиной, разве что та от природы бесплодна. И главное, у некроманта не должно быть никаких страстей, имеющих над ним власть.

А я была цветущей девушкой. И, как ни смешно, — по уши влюбленной...

В рукаве у меня все еще лежал вызов на завтра в амирский дворец. Кто-то там желал со мной побеседовать. Я догадывалась, о чем. С моим образованием я могу работать только на спецслужбы великого амира. Это без вариантов. Но я этого не хочу. С некоторых пор я не хочу вообще ничего.

С тех пор как пропал Альва.

Просто взял и исчез. Без предупреждения, без объяснений. Перед самым зачетом на спецкурсе демонологии. И даже записки прощальной не оставил. Черкнул бы что-нибудь в духе: «Не ищи меня, это бесполезно!». Или что-нибудь такое: «Ты — лучшая! Я тебя недостоин...». Или хотя бы такое: «Спасибо за приятно проведенное время. Счастливо оставаться!».

Я самоуверенно полагала, что никто в Академии не знает Альву так хорошо, как я, но оказалось, что я не знала его совсем. Что у него было на уме? Мне даже не хотелось разбираться. Желание было поначалу одно — умереть. Лучше бы он, перед тем как уйти, сперва убил меня! Лучше бы он столкнул меня в колодец тогда, при первой встрече. Или отдал демону, овладевшему Тиего. Зачем было спасать мне жизнь — чтобы поступить с ней вот так?

Веселье в корпусах понемногу шло на убыль. Одно за другим темнели окна.

Только отдельные, самые стойкие компании все еще сидели за дружеской беседой. Откуда-то доносилось нестройное пение,

на дальнем крыльце целовались... Я резко отвернулась в противоположную сторону, где стоял корпус алхимии. Безмолвный, с темными окнами, с отсутствующей крышей и развороченным верхним этажом, где раньше находилась кафедра демонологии. Самое подходящее зрелище в моем настроении!

По случаю праздника корпус алхимиков был тщательно укрыт иллюзией, но даже во дворе от него веяло нехорошим: то пронизывающим холодом, то жаром, как из печки. Что там случилось той ночью, несколько месяцев назад? Никто не знал. Шептались о всяком. Кто-то клялся, что с коими глазами видел, как из развалин вытаскивали обгорелые трупы... Кто-то разглядел «оком разума», как из пламени рвались в небо легионы демонов... Некоторые «знатоки» утверждали, что характерные вспышки на кафедре демонологии означали, что там шел магический бой...

Откровенное враньё, потому что применение военных заклинаний на территории Академии категорически запрещено. А от экзорцизма жертв и разрушений среди людей не бывает. Приятели с кафедры боевой магии, которые, конечно, не удержались и потихоньку туда слазили, говорили: верхний этаж развален, остальные веют морозом и светятся крайне скверно. В другой раз я бы непременно слазила бы с ними. Но сейчас смотрела на развалины совершенно равнодушно. Какая разница? Альва пропал. Бросил меня. Жить незачем...

Надо мной сияло небо, полное звезд. Ноги намокли от росы. Щеки тоже были мокрыми.

Передо мной во мраке четко чернел край колодца.

Я подошла к нему, перегнулась через скользкий и холодный парапет и заглянула внутрь, где глубоко-глубоко плескала вода и дробилось отражение моего лица.

Те же холодные камни, шелест листьев над головой, Только Альва сейчас не смотрит мне в затылок своим тяжелым взглядом.

Он никогда меня не любил. Просто использовал в своих целях.

А что, было бы лучше по-другому? Если бы он не сбежал, а сказал, например: «Какая любовь, ты что? Ты помогла мне попасть на курс демонологии, за что я тебе безмерно благодарен. Собственно, больше мне от тебя ничего не нужно!»

Вот Альва наконец снимает свою бесстрастную маску, Я-то втайне надеялась, что за ней скрыта нежная ранимая душа... Но на самом деле там ничего и нет. Только холодный, жестокий, все просчитывающий разум.

«Мы приятно провели время. Можешь не благодарить! Искать меня бесполезно. Будь счастлива!»

Я клонилась все ниже над краем колодца. Вода притягивала к

себе, как магнит...

За спиной кто-то деликатно кашлянул. Я отскочила от колодца как ужаленная.

— Добрый вечер, барышня, — приветствовал меня ректор Пласид, улыбаясь отеческой улыбкой.

За прошедшие годы он совершенно не изменился.

— Поздравляю выпускницу! Кстати, утопиться в этом колодце у вас все равно не получится.

— Почему это? — с вызовом спросила я. — И вообще, с чего вы решили...

— А это не колодец, а фонтан.

— Как?!

От изумления я даже на миг забыла о своих страданиях.

— Фонтан, — доброжелательно повторил ректор. — Отменная, сложная иллюзия, действует на все пять чувств. Проверьте.

Я бросила на него подозрительный взгляд, направила ни колодец ладонь, открыла глаз и изумленно выругалась. Точно, фонтан!

— Можно даже зачерпнуть из колодца воды и напиться, только жажду она не утолит, — продолжал ректор. — Уж не знаю, кто, когда и зачем навел эту иллюзию, но мы ей издавна пользуемся как тестом во время вступительного собеседования. Те, кто распознает морок, принимаются автоматом...

— Зачем вы все это мне сейчас рассказываете?

Пласид снова кашлянул, скрестил руки на груди.

— Не хотите ли обсудить дальнейшие жизненные планы? Чем собираетесь заняться после выпуска?

— Ничем, — буркнула я, отступая от фальшивого колодца. — Сейчас пойду к себе в мансарду, соберу вещи — и в город, в ближайшую таверну...

«Где, бывало, сидели мы с Альвой», — продолжила я мысленно.

— ...Сперва напьюсь... — Я замолчала, задумавшись.

«А потом повешусь!»

— Милая барышня, — вздохнул Пласид. — Вам бы все шуточки! Или вам в самом деле кажется, что мир вращается вокруг вас? Так это заблуждение молодости... И не надо пожимать плечами и закатывать глаза! Вы получили прекрасную подготовку, выпустились с отличным дипломом... Успокойтесь и подумайте очень серьезно о дальнейшей профессиональной деятельности. Вы, верно, забыли, но в Незримой Академии существует такая вещь, как распределение. Ни один маг не имеет права выпуститься и отправиться куда ему заблагорассудится!

Деятельность тех выпускников, кто оплачивал свое образование сам, должна быть согласована с деканатом. Что касается бесплатных адептов — то есть тех, кто получал образование за счет великого амира, как вы, — так их даже не спрашивают! Они отправляются служить туда, куда их направит государство. Это справедливо, разве вы не находите?

Я поняла, куда он гнет, и сразу ощетинилась.

— Я не желаю работать в амирской разведке!

— О боги! Никто не потащит вас туда силой. Вы штучный товар, Имахена. Если вы заметили, мы вели вас с первого до последнего курса по индивидуальной программе, чтобы добиться максимально удачного сочетания знаний и умений, нужных для исполнения ваших замечательных замыслов...

От напоминания о моих наивных героических «замыслах» на душе стало совсем тошно. Все это было придумано Альвой специально для того, чтобы использовать меня в своих целях. Не было никаких «наших планов» — только ложь и обман.

— Какие замыслы? Очистить землю от демонов? Восстановить справедливость? Смешно!

— ...Которые вполне совпадали с нашими, — хладнокровно закончил Пласид. — Это вовсе не смешно, Имахена. Изгнать из нашего мира опасного демона иной раз важнее, чем разбить целую вражескую армию.

Я вытаращила на ректора глаза.

— О каком демоне вы говорите?

— А вы не догадываетесь?

Я покачала головой.

— Жаль... Мне казалось, вы хотите отыскать его не меньше, чем мы...

Я все так же молчала, только пальцы впились в край колодца.

— Вы поняли ваше задание, Имахена? — негромко произнес Пласид, стараясь заглянуть мне в лицо.

— Н-не совсем... Вы хотите сказать, Альва...

— Нет никакого Альвы. И не было.

— А... что было?

Пласид погладил бритый подбородок и, кажется, впервые за все годы обучения посмотрел на меня без улыбки.

— Это вам и предстоит узнать. Найти, разобраться с истинной сущностью... Ну а потом — исполнить свой долг целителя, демонолога, преданной дочери и подданной великого амира...

— Нет! — вырвалось у меня. — Я не смогу!

— Не сможете что? Изгнать демона? Это ваша специальность!

— Но Альва...

— Вы хоть представляете, сколько вреда он уже принес и способен принести в дальнейшем? Он враг, Имахена, вы это понимаете?

О да, это я как раз понимала! Но все равно упрямо молчала. Хватит того, что он меня предал. Не обязательно отвечать тем же.

— Итак, вы отказываетесь? Что ж, мы пошлем другого мага...

— Нет, — прошептала я, отводя глаза. — Не надо.

— Зря вы считаете, что предаете его, Имахена, — мягко сказал ректор. — Напротив, вы можете дать ему шанс на спасение... Если там, конечно, есть что спасать. Ну а если нет, тогда...

— Я знаю свой долг, — ответила я резко, поднимая взгляд. — И свою специальность тоже.

— Я в вас не сомневался! Итак, вы его найдете?

— Да, если смогу. Только не знаю, как...

— О, это уже другой вопрос! На что, по-вашему, существует дальновидение?

— Увы, дальновидение — не мое. У нас уже был базовый курс, я едва сдала зачет...

— Вы смотрели в мутный, примитивный учебный кристалл общего пользования. Сейчас перед вами нечто иное. Куда более мощное и чистое.

— Вы имеете в виду — опять заглянуть в колодец?

— После того первого, проваленного, теста мы с вами уделяли преступно мало внимания дальновидению. Самое время наверстать упущенное. Давайте попрактикуемся! Вы ничего не теряете...

— Прямо сейчас? — оторопела я.

— Именно.

— Но это же мираж!

— Какая разница? Найти истину с помощью иллюзии — это даже изящно... В сущности, какая разница — реальна вода или нет? Отражающая поверхность нужна для правильной настройки. Смотрите же вы в любом случае — в зеркало. В себя, через себя — и дальше.

Голос Пласида наполнился силой и приобрел повелительные интонации, каких я от него никогда не слышала. По спине побежали мурашки. Но в то же время казалось, что эта сила передается мне, обостряя зрение, превращая все мои глаза в орудие поиска. Даже нет — в оружие!

— Сформулируйте задачу, настройтесь на объект поиска. На самом деле вы уже знаете, что ищете. Вы связаны с объектом поиска, нравится вам это или нет. Знание уже заложено в вас, Имахена, ваша задача — извлечь это на поверхность и поразить

цель! Приступайте!

Я, как зачарованная, покорно повернулась к колодцу и склонилась над краем. Вода плескалась далеко внизу, чуть отсвечивая красным. Я стиснула зубы и постаралась сосредоточиться.

Найти и исцелить окончательно...

«Не будет от этого добра — ни тебе, ни мне». Как в воду глядел!

Уничтожить опасного демона важнее, чем победить армию!

Долг демонолога... Долг целителя...

Во что я ввязалась?!

Суженый-ряженый, какая же ты сволочь!

Теплые слезы потекли по щекам. Плеск падающих капель эхом отразился от стенок. Снизу вдруг ударил холодный ветер — прямо в мозг! Как ураган распахнул сразу все ставни в доме — так открылись одновременно все внутренние глаза. Я сама превратилась в одно огромное, невидимое око. Мир стал прозрачен и открыт во всех направлениях, до края Земли и дальше. То идеальное состояние абсолютного всеведения, к которому стремятся все практикующие и которого мне еще ни разу не удавалось достигнуть. В багровой глубине колодца вспыхнула звездная россыпь, понеслась навстречу...

— Прекрасно, Имахена, прекрасно! Вы нашли его убежище! Отец будет очень вами доволен!

Состояние всевидения длилось всего один миг. Потом на меня невыносимой тяжестью навалилась вернувшаяся материальность мира, а все глаза разом ослепли.

Но за этот миг я увидела черные горы, сияние ледников, каменистую пустошь и белую башню с четырьмя окнами.

ГЛАВА 20. Беличья гора

Мы проспали почти до обеда. Я бы дрыхла и дальше, но ребята разбудили болтовней. Протирая опухшие глаза, выглянула из-под одеяла. День был пасмурный, по небу катились низкие серые облака. В горле саднило, правая рука онемела и плохо слушалась. Рядом в траве тускло блестел Альфинур — должно быть, я так и спала, сжимая его рукоять.

«Последний день, — подумала я, чувствуя, как от одной этой мысли улетучиваются остатки сна и кровь начинает быстрее бежать по жилам. — Сегодня я увижу башню!»

Эриза караулила котелок с просяной кашей, видимо, пытаясь уберечь мою часть завтрака от Хассима. Мальчишка похаживал вокруг и что-то ей втолковывал, делая резкие выпады своей боевой вилкой. Мне вдруг захотелось вскочить на ноги и последовать его примеру — размяться, помахать клинком (вот когда «святой Чучо» пригодился бы!). Где-то в глубине души нарастало ощущение азарта — того самого, который приходит только перед хорошей дракой. Интуиция подсказывала — сегодня без нее не обойдется! Амир демонов едва ли согласится уступить нам свое владение без боя.

— Откуда ты знаешь? — услышала я голосок Эризы. — Ты там бывал?

— Конечно, нет!

— Ну тогда помалкивай!

— Сама помалкивай, женщина!

— Сын луны! Сын луны!

«Может, оставить тут этих охламонов? — подумала я. — Пойти одной? Хоть под руку лезть никто не будет, да и мне за них спокойнее...»

Но попробуй их оставь! Знаю я их — крик поднимут и все равно увяжутся. И будут мешать по мере сил!

— Но если ты ни разу не бывал на этой вашей Беличьей горе, — укоризненно спросила Эриза, — откуда ты знаешь туда дорогу? Врал бы поменьше, тебя бы больше слушали!

Я насторожилась. Беличья гора?

— А у меня такое чувство, что я все дороги знаю, — беспечно отозвался Хассим. — Бес их знает, откуда. Ни разу в жизни не заблудился. Может, я тоже маг, и у меня дар? Бывает так, Имахена?

— Бывает, — кивнула я, подходя к костру и всласть потягиваясь. — Что ты тут говорил про Беличью гору?

— Так у нас зовут гору, на которой стоит белая колдовская

башня. — Хассим махнул рукой: — Мы-то, собственно, уже у ее подножия. Вот туда, распадком через лес, а дальше вверх и на перевал...

— Видишь, говорит, что знает дорогу, — заметила Эриза, помешивая ложкой в котелке. — Болтун!

— А почему гора — Беличья? — спросила я Хассима.

— Кто ж знает? Наверно, белок много. Мы сюда не ходим — далеко слишком, за день не обернуться. Ну, а кто в горах заночует, тот обратно уже не возвращается. Или воз- вращается... ты понимаешь, в каком виде.

— Беличья гора, — повторила я хмуро. — М-да. С одной «белочкой» мы тут давеча уже познакомились...

— Может, у них там гнездо? — предположил Хассим.

— Типун тебе на язык!

Вокруг шумел сосняк, редкий и чахлый, но в этот миг в его монотонном шуме мне послышалось нечто зловещее. Беличья гора! Хочется думать, что уничтоженный нами Брух-белколак был единственным, но... Мне еще у разрушенной башни стало ясно, что сперва старик долго тренировался на жертвах, прежде чем заняться собой. А вдруг наиболее удачные образцы он выпускал побегать в лес?

Остаток дня до заката мы провели в пути. Местность понемногу повышалась, ветер усиливался, а сосны становились все более редкими и корявыми, прижимаясь к земле наподобие кустарника. С севера неспешно выплывала высокая темно-серая туча. Пониже нее, скручиваясь и спиральные вихри, быстро неслись дымные завитки. Их кружение завораживало — чуть подольше посмотришь, и земля начинает плыть под ногами...

— Что стряслось? — спросила Эриза, поворачиваясь.

— Я-то? Ах, да... — Я даже не заметила, что остановились и смотрю наверх. — Посмотрите на вон те сизые тучки. Что с ними не так?

— Они летят по кругу! — сказал Хассим.

— По спирали, — поправила я.

И впрямь — дымные облака вращались, свивались в вихрь, словно закручивались вокруг невидимой оси где- то на северо-востоке...

— Так не бывает, — неуверенно произнесла Эриза.

— Будет гроза, — авторитетно сказал Хассим.

— Не хотелось бы, — проворчала я. — К сожалению, нам именно в ту сторону...

Уж не знаю, кто прозвал эту гору Беличьей. Что белкам делать на скалистых лысых пустошах, где только острые камни, ползучие кустарники и дрожащий на ветру вереск?

Когда последние сосны остались позади, появились первые скелеты. Хассим, шагавший впереди, резко остановился, чуть не наступив на череп в ржавом круглом шлеме. Неподалеку от черепа виднелось туловище в кирасе.

— Ого, какая вмятина! — восхитился Хассим. — Уважаю местных белок! Это же какую надо бросить шишку, чтобы пробить железо!

— Не шишку, — сказала я. — Его самого бросили. Скорее всего, об вон ту скалу. Видите, под которой руки валяются?

— Хм, похоже, кто-то порвал его на части! — с интересом заметил Хассим.

Эриза издала странный звук и отвернулась.

— Это было давно, — нетерпеливо сказала я. — Пошли дальше.

Стена леса осталась позади. Мы шагали по каменистому склону, мелкие камешки шуршали, осыпаясь из-под ног. Полы плащей цеплялись за колючие кустарники. Холодный ветер налетал порывами, забираясь в рукава. Дымные тучи сгустились, заволокли небо. В воздухе ощущалось некое странное напряжение, вибрация эфира — то ли чужая магия, то ли грядущая гроза. Я то и дело поглядывала наверх, надеясь увидеть там что-нибудь обнадеживающее.

Хуже нет — ворожить во время грозы, если, конечно, не сам её вызвал. Но темнеющее небо надежд не внушало.

Вот и еще скелеты... Если приглядеться, тут, среди камней и колючек, их было как грибов в бору. Лошадь... Человеческие ребра... Череп, словно в насмешку положенный на высокий валун...

— Слышите? — воскликнула Эриза, останавливаясь. — Голоса!

Я прикрыла глаза и прислушалась. Кровь застучала в висках, начало звенеть в ушах. В звоне мерещились возгласы, крики, далекий плач...

— Их много, идут за нами, — шепотом сообщила девочка — Аукаются, словно ищут друг друга в темноте...

— Да хоть бы и шли. — Я ободряюще улыбнулась Эризе. — Этим костям лет сто, не меньше. Неужели мы с ними не сладим?

— А вот этот свежий! — раздался впереди крик Хассима.

Вскоре мы столпились возле частично мумифицированного скелета, застывшего у высокого валуна в весьма странной позе — с запрокинутой головой и раскинутыми руками.

— Какой же свежий, — проворчала я, разглядывая мертвеца, мягко говоря, со смешанными чувствами. Очень интересный, небанальный покойник... Точнее, покойница...

- Вы гляньте, что творится! — притворно возмутился Хассим. — Бабы уже дома не сидят, в одиночку по горам и мужской одежде шастают!

- Мне кажется, она была чародейкой, — сказала Эриза, всматриваясь в растопыренные пальцы скелета. — Смотрите, какие-то буковки в воздухе светятся!

— Какие еще буковки? — спросил Хассим, озираясь. — Нет тут ничего!

— Есть, есть, — хмуро сказала я. — Да не про всех...

Женский скелет — это было ясно хотя бы по уцелевшим остаткам костюма — был распят на скале десятками сверкающих дротиков. Приглядевшись, поняла, что это не дротики, а длинные иглы — светло-серые, блестящие, похожие на стекло. Обрывки кожаного кафтана и штанов, высокие дорогие сапоги, пустые ножны на поясе... Эриза права: это чародейка, точнее, боевой маг. Наколки с заклинаниями на ладонях и предплечьях светятся до сих пор. Кожа давно истлела, но аура осталась. Чары долговечнее плоти.

— Из наших, из Незримой Академии, вижу по татуировкам. — Я окинула кости взглядом некроманта. — Но вовсе не «свежий». Этому скелету лет сорок, не меньше. Просто хорошо сохранился...

Я пристально посмотрела на свою предшественницу. Далеко забралась! И чего это ее сюда понесло? Поднять ее, призвать дух? Можно попытаться... но гарантий никаких. Кроме того, что я гарантированно останусь без сил — приходите, зубастые прыгуны, кушайте на здоровье!

Хассим наклонился и потянул за одну из игл. Та не поддалась, но с хрустом отломилась у него в руках.

— Ай! Холодная-то какая! Жжется, зараза!

— Хассим, немедленно брось дрянь! Хочешь без руки остаться?!

— Что же с ней случилось? — спросила Эриза, благоразумно оставаясь в сторонке. — Как она позволила себя убить?

К скелету она приближаться не осмеливалась, и правильно делала. Из таких непростых покойничков получаются прекрасные магические ловушки...

— Что, что! — отозвался Хассим. — А то сама не видишь? Старина Брух подкараулил тетку и шарах ее хвостом!

— И приколол иглами к скале? Посмотри, они даже расплавились! Что это за иглы такие?

— Значит, еще и магией добавил! С одной стороны — хвостом лупит, с другой — чары наводит...

— Нет, — сказала вдруг Эриза. — Это был не он.

— Как не он?!

— У Бруха хвост был черный. А эти иглы — светло-серые.

Мы переглянулись. И точно...

Как бы шуточки Хассима о гнезде белколаков не оказались правдой! Но откуда им тут взяться? Гора лысая, как те черепа, которыми она усеяна...

— Может, Брух перелинял? — со смешком предположил Хассим.

Я осторожно провела ладонью над иглами. Даже на расстоянии от них веяло морозом. Стихийная магия. Считай, полвека прошло, а она все работает.

— Думаю, было так. Нападали двое, одновременно, с разных сторон. Сильный маг... гм, назовем его, для примера, амиром демонов, и белколак, который ему служил. Маг, скорее всего, стоял выше по склону за теми валунами. Монстр же нападал снизу — видно по тому, как воткнулись иглы. Как он сумел подобраться незаметно и застать ее врасплох, вот в чем вопрос... Тут совершенно негде спрятаться...

— Почему ты думаешь, что врасплох? — спросила Эриза.

— Иначе бы она не подпустила его на расстояние удара. А так чародейка, полностью сосредоточившись на монстре, в упор не заметила мага, который спокойно, ничем не рискуя, напал сзади. После этого чародейка на какое-то время осталась без щита, и белколак ударил хвостом. И одновременно маг — огнем. Сперва огнем. Расплавил иглы, вплавил ее в камень. Потом зафиксировал холодом, чтобы не освободилась...

Я бросила взгляд на распятую чародейку. Человек бы умер мгновенно. Но не она. Надеюсь, они добили ее, а не оставили умирать тут, как наколотого на иголку жука.

Иглы, пронзившие скелет, сияли чистым и невинным блеском, как кристаллы льда. По коже у меня пробежал Мороз. На миг показалось, что я вижу собственную смерть.

— Что, страшно? — ухмыльнулся Хассим, небрежно пнув скелет.

Я едва подавила желание шарахнуться за ближайший камень, выставив вокруг нас силовой щит. К счастью, пинок остался без последствий.

— А тебе нет?! — в сердцах воскликнула Эриза. — Что ты за человек такой! И на человека-то не похож!

Хассим явно решил, что это комплимент, и приосанился.

— Имахена, а я вот что подумал, — сказал он, отворачиваясь от мертвой магички. — Что-то против Бруха твой меч не очень-то помог! Так, поцарапал маленько...

— Потому что он был человеком, а не демоном.

— А если опять не сработает? С мечом ты управляешься хуже, чем с кочергой... Отдай его лучше мне!

Я не удостоила его ответом. Хоть в его словах и была доля правды — меч в моих руках почти бесполезен...

Скелет чародейки поверг меня в мрачность и горечь. Ее убили — жестоко, хладнокровно заманив в ловушку. Кто мой враг — человек или демон? Непостижимые мотивы существа из иного мира либо обычная человеческая злоба? Да какая разница?

— Я убью его, кем бы он ни был, — сказала я в конце концов. — Сама.

Хассим разочарованно отвел взгляд от рукояти Альфинура.

— Ну тогда давай хотя бы отравим клинок.

— Чем? — устало спросила я.

— Э-э... например, пометом.

— Чьим? Твоим?

— Необязательно, можно и твоим...

— Отойди со своим пометом от моего меча! — вспылила я. — Вот что, друзья мои. Если, не приведи боги, все-таки появится белколак, поступаем так: с криком бросаемся наутек в разные стороны. Убегаем зигзагами, орем во все горло. Если слышим за спиной сотрясение земли от прыжков — падаем ничком на землю...

— Хочешь сделать из нас приманку? — хмыкнул Хассим.

— Хочу вас спасти, балда!

Парень пожал плечами и пробурчал под нос:

— Я-то что, я увернусь, а вот малявка... О, еще идея! А давайте ее отравим! Белколак ее сожрет...

Я молча двинула его кулаком под дых — не сильно, но в правильное место. Хассим согнулся пополам и молча упал на колени.

— А тобой белколак и так отравится, столько в тебе яда! — укоризненно сказала Эриза.

Впрочем, она даже не обиделась на него. Наверняка посчитала, что он так по-дурацки шутит. Я была в этом вовсе не уверена.

ГЛАВА 21. Башня Полной Луны

Смеркалось. Небо из уныло-серого стало угрожающе-чёрным. Тяжелые тучи громоздились одна поверх другой, как угольные отвалы. Заходящее солнце выглянуло на миг в разрыве туч, окрасив их понизу багровым. То ли последнее «прости», то ли, наоборот — привет из преисподней. Потом тучи сомкнулись, и перевал погрузился во тьму. Зацокал дождь. Вдалеке пророкотал гром.

«Начинается», — мрачно подумала я. Что-то кольнуло ногу. Я скривилась, остановилась и вытряхнула острый камешек из сапога. Почему-то эта незначительная боль привела меня в бешенство. Я стиснула зубы. Прекрати, Имахена! Где твоя выдержка?! Подумай о пронзенной иглами мёртвой чародейке — вот кому было больно! Она далеко забралась...

Ну а я зайду еще дальше! И больно станет кое-кому другому!

Дождь усиливался, превращаясь в ливень. Гром грохотал в тучах, напоминая уже не далекий рокот обвала, а пушечные залпы. Навстречу среди камней бежали быстрые мутные ручейки. Я оглянулась и увидела, как Хассим подхватил за локоть Эризу, которая поскользнулась в таком ручейке и упала на колено...

— Знаете что? Идите-ка вы обратно!

— Вот еще! — отозвались «младенцы» возмущенным хором.

— Я же не сказала — уходите совсем! Просто переждите ливень, пока вас не смыло, а потом поднимайтесь. Когда распогодится...

— Не распогодится, — возразил Хассим. — Это всё штучки амира демонов, он тебя наверх не пускает. Гроза — еще пустяки. Как насчет оползня — сумеешь остановить?

Я промолчала, однако мысленно ответила — да. Несмотря на угнетенное настроение, стекающие по спине холодные капли, камешки в сапогах, явно наведенную против нас грозу и ощущение притаившейся поблизости смутной угрозы, я чувствовала сейчас в себе достаточно силы, чтобы остановить лавину или камнепад.

— Нам не вернуться, — тихо сказала Эриза.

Она дрожала как лист на ветру — что и неудивительно, бедняжка только промокла насквозь. Но, взглянув в ее бледное лицо, я поняла, что дрожит она вовсе не от холода,

— Они не пустят нас, — сказала она, показывая за спину.

Шумящая сырая темнота смотрела на нас множеством горящих глаз. Огоньки плавно перемещались в воздухе, медленно приближаясь. Хассим выругался.

— Это что еще за светляки?

— Сожженные души из долины Луц, — мертвенным голосом ответила Эриза.

Я снова разозлилась. Кажется, все на этой горе сговорились бесить меня!

- Из долины Луц? Да пошли они куда подальше! — Я демонстративно повернулась к проклятым душам спиной. — Мы уже знаем, что они-то меча боятся. Эриза, приглядывай за ними. Идем дальше.

- Но... Их наверняка призвал амир демонов...

— Пусть отправляются в преисподнюю вместе с ним! Где башня?!

В тучах полыхнула молния, на миг высветив рваную линию гор — и то, что я искала.

Башня Полной Луны оказалась как-то сразу очень близко. Гораздо ближе, чем я ожидала. Строгое белоснежное здание словно возникло из воздуха и дождя. Возникло и пропало. Почему-то вспомнился акведук, где мы распрощались со «святым Чучо», и промелькнула странная мысль — откуда в черных горах Мураби нашлось столько белого камня?

После ослепительного проблеска молнии тьма показалась еще чернее. Башня Полной Луны бесследно спряталась в темноте, как луна — в ночном облаке. Но я уже знала, где её искать, и спешила наверх, одновременно рассматривая цель моего похода. Ночным зрением я четко видела приземистые жилые пристройки возле основания башни; узкую дверь, напоминающую вход в капилью; щелевидные окна-бойницы на уровне второго и третьего ярусов; и под самой крышей — то самое Окно, одно из четырех. В нашу сторону было обращено южное, напоминающее черный слепой глаз на мраморно-белом лице. Но вот что жутко — мне было совершенно ясно, что этот слепой глаз смотрит и видит...

— Нет, не могу больше!

Эриза застыла на месте, скорчившись и зажимая ладонями уши. Долгожданную башню она, кажется, даже не заметила.

— Эри, что с тобой?!

— Они зовут меня!

— Кто?

— Мертвецы!

— Да не слушай ты их!

Я посмотрела на преследующие нас огоньки, выразительно потянулась к рукояти меча — сожженные души так и шарахнулись назад.

— Я же сказала, этих можешь не бояться, а больше никого... Эри, стой!

Девочка неожиданно развернулась и устремилась мимо меня вниз по склону. Я схватила ее за руку. Она вырвалась с неожиданной силой.

— Что ты делаешь?!

— Не хочу больше прятаться! Ни за дверью, ни за твоей спиной! Сейчас я прикажу им уйти, и пусть попробуют ослушаться!

— Эти души подчиняются только тому, кто их сжег...

— Но они мертвы — значит, послушаются и меня!

— Они-то мертвы, но ведь ты не некромант!

— Что?!

От удивления Эриза даже остановилась. Того-то мне было и надо.

— Ты не некромант! Ты просто стихийный маг! Маг земли! Разве ты виновата, что в вашей почве посеяно больше костей, чем семян?

— Но я же слышу голоса!

— Это все амир демонов. Он призвал эти души, чтобы напугать нас... или отвлечь от чего-то... На самом деле они не способны нам повредить. Главный принцип демонологии: пока ты не впустишь зло в свою душу сама, ты неуязвима. Не слушай тварь из преисподней. Сожженные души нам не повредят, а больше тут никого нет...

— Я, конечно, извиняюсь, — раздался рядом голос Хассима, о котором я как-то подзабыла. — Но мы тут не одни.

Я резко повернулась к парню.

— Ты что-то видел?

— Краем глаза. Кто-то прошел. Только что — вот там, выше по склону...

Новая вспышка молнии озарила Беличью гору, высветив все мельчайшие детали, до самого крохотного камешка. Но никакого следа врагов в той стороне, куда указывал Хассим. Я вглядывалась до боли в каждый валун, пока мне не начало казаться, что один из них сейчас откроет глаза и встанет. Зрение говорило, что ни снизу, ни сверху никого, кроме нас, нет...

Но почему же склон вдруг показался мне таким неприятным? Интуиция предупреждала о близкой опасности, и хуже того — с каждым мигом нарастало ощущение, будто я что-то пропускаю...

— Ну и что ты на меня так уставилась, глупая?

Одновременно раздался звук мягкого удара о землю.

Я быстро развернулась и обнаружила Эризу без чувств на земле.

— Взяла и упала, — пожаловался Хассим, его речь звучала как-то невнятно.

Плохие предчувствия усилились многократно, превратившись в отвратительное ощущение — все, поздно!

Я повернулась к парню, уже догадываясь, что сейчас увижу. Кровь застывала в жилах, но следовало мгновенно собраться. Небольшое волевое усилие — и боевая концентрация запустилась сама собой. Ладони потяжелели и налились жаром...

Сам Хассим еще не понял, что происходит. Он повертел головой, не обнаружил за своей спиной ничего ужасного и удивленно уставился на меня.

— Что?

Это прозвучало совсем невнятно — говорить ему мешала трансформация рта в пасть.

С тихим шорохом и хрустом менялось тело, покрываясь шерстью. На меня пахнуло жаром. Хассим опустил взгляд, тупо глядя на свои пальцы, на которых быстро вырастали длинные когти... Потом поднял морду, полыхнул глазами и улыбнулся широкой — от уха до уха — клыкастой улыбкой.

Передо мной стоял серый белколак.

Холодный разум подсказывал, что я прокололась везде, где только можно, и фактически уже мертва. Ни в каком самом бредовом плане я не предполагала подпускать врага на такое близкое расстояние. Но умирать без сопротивления — нет уж! В тот же миг, как оборотень распахнул пасть, я вскинула правую руку и ударила пульсаром прямо ему в глотку.

Никто не бьет пульсаром в упор, это чистое самоубийство. Слепящий огненный удар — и мы, обожженные и оглушенные, отлетели в противоположные стороны шагов на двадцать. В момент приземления я подхватила себя левитацией, мягко перекатилась через плечо и вскочила на ноги, пытаясь проморгаться и увидеть хоть что-то. Лицо пылало, особенно досталось векам — могу поспорить, сожгла себе брови и ресницы... Я провела по лицу ладонью, наспех восстанавливая зрение, открыла глаза — и увидела, как на меня с неба летит, распушив хвост и распахнув опаленную пасть, серая смерть. С левой руки я ударила оборотня Окончательной Панацеей и тут же откатилась в сторону. По ушам ударил резкий вопль, — да, именно его я слышала тогда в горах, когда «святой Чучо» отправил стрелу в ночное небо. Подбитый белколак пролетел мимо меня, кучей меха и гремящих игл врезался в землю, но через миг уже стоял на лапах, пусть и малость кособоко. Глаза зверя горели безумной яростью.

«Попала», — отметила я. И даже могла сказать, куда, В то неопределяемое человеческими понятиями место, где когда-то некий чародей срастил вместе личность Хассима и тело оборотня.

Пришил живую душу к искаженному магией телу зверя, и та нитка, которой шили, — добровольное согласие!

К сожалению, белколака моя Панацея не остановила, только раззадорила. Все же это не боевое заклинание, а лечебное. Экзорцизм — скальпель, а не меч, для боя он не пригоден. Теперь только одно стало ясно: оборотень приложит все силы, чтобы меня растерзать. Даже полумертвый.

Удар, вздрогнула земля, порыв ветра — белколак снова взвился в воздух.

Вместе с куском плаща и клочком косы я выдрала из-за спины Альфинур. И дальше действовала по тому самому плану, который предлагала ребятам. То есть бросилась наутек, петляя между камней. Сзади удар и резкий крик — промахнулся! Я метнулась в другую сторону. Снова порыв ветра и нарастающее гудение. Вот оно! Я резко остановилась, развернулась и ударила наотмашь, с разворота. Хоть бы задеть его, хоть бы только царапнуть! С Брухом ведь почти получилось...

Но увы, везение когда-то заканчивается. Живое мохнатое ядро пронеслось прямо над головой, вышибло меч из моей руки и швырнуло меня на землю. Я пропахала каменистую почву, ободрала бок и ударилась локтем так, что перестала чувствовать руку. Хотела вскочить — под ребрами кольнуло, дыхание пресеклось. Голова шла кругом, перед глазами все плыло. Темнота казалась сборищем пляшущих теней, и какая из этих теней была моим врагом, оставалось только гадать.

Я с трудом села, опираясь на здоровую руку, вытянула перед собой левую, которая едва слушалась. Пошарила по земле, но ясно — меч отлетел далеко, и никто не позволит мне до него добраться. Скрючила пальцы, собирая силу... Как бы не так! После двух таких выбросов еще раз полноценно ударить пульсаром мог бы только профессиональный боевой маг. Поэтому нас и учили попадать с первого раза. Каждый промах, каждое лишнее мгновение приближает поражение...

Зато мне наконец удалось вычленить среди теней белколака. Тварь нависала прямо надо мной с удовлетворенным шипением. Я увидела как сквозь туман, что ко мне тянутся две кривоватые когтистые лапы, и из последних сил заехала оборотню кулаком в челюсть.

Где-то поблизости раздался смех, который я приняла за свою предсмертную бредовую галлюцинацию.

— Побереги силы, — раздался мужской голос. — Они тебе еще понадобятся.

Мы оба — я и белколак — удивленно оглянулись. В нескольких шагах выше по склону стоял высокий худощавый

мужчина в одежде мурабита. Соседство оборотня его ничуть не смущало. В руке маг держал мой меч. По клинку Альфинура пробегали зарницы. По крайней мере, подумала я, моим последним впечатлением будет волшебное сияние меча, а не смрадная пасть оборотня. Впрочем, все еще впереди.

— Не волнуйся, твоя зверушка не перетрудилась, - прохрипела я. — Добивай, а то я недолго буду тут валяться…

— Вообще-то я к тебе сейчас обращался, — сказал амир демонов.

Дальше все произошло стремительно, точно и красиво. Как должна была в идеале действовать я.

Маг шагнул вперед, поднимая клинок. Белколак чуть запоздало — не ожидал — распознал его намерение, оскалился и взмахнул хвостом. Гудение, свист, залп сияющих дротиков... Альфинур взлетел вверх, расплескивая мерцающий свет. Быстрое круговое движение мечом — иглы осыпались на землю. Долей мгновения позднее — длинный выпад, удар по горлу. Резкий, захлебнувшийся крик твари… Что-то обожгло меня, как кипятком... Потом уж я поняла, это были брызги крови.

Амир демонов опустил меч и повернулся ко мне. Левый глаз, рассеченный длинным шрамом, полыхал красным. От него на пол-лица расползались огненные прожилки, словно- но под кожей мага текла не кровь, а огонь. Он подошел ко мне, наклонился и протянул руку.

— Зачем ты его убил? — спросила я, не торопясь принимать помощь. — Почему его, а не меня?

— Убил? — повторил маг с такой знакомой спокойной интонацией. — Вовсе нет. Тысячекратный Свет рассек связь человека и демона, но не отменил договор. Договор нерасторжим, и уход смертного из этого мира ничего не меняет. Кстати, парень скоро истечет кровью, если ты им не займешься...

— Я вижу. Избавь меня от своих советов, Альва.

ГЛАВА 22. Человек или демон?

Забавно: весь нижний этаж одной из трех главных волшебных башен царства Мураби занимала кухня. Лавки и посудные лари вдоль стен, деревянный стол, облепленный огарками свечей в потеках воска, закопченные котлы и сковородки, каменный очаг во всю стену, бочка с водой, поленница… Здесь было темно и тепло, вкусно пахло древесным дымом, в очаге рдели угли, и казалось, что мы находились в обычном деревенском доме.

Впрочем, поначалу мне было не до изучения обстановки — у меня на руках умирал Хассим. Лежал на лавке в пристроенном к кухне помещении, с кожей белее штукатурки, в черной от крови домотканой рубашке и никак не хотел возвращаться в мир живых. Кровь ему я остановила еще там, на склоне горы. Горло ему Альва все ж не перерезал, меч прошелся по шее сбоку. От таких ран тоже умирают за считанные мгновения. Тем не менее Хассим еще дышал, и я собиралась приложить все усилия, чтобы он делал это и дальше. Хоть и не отдавала себе отчет, зачем мне это надо.

Может быть, ради Эризы, которая помогала мне изо всех сил. Очнувшись, она помогла мне перенести Хассима сюда и сразу принялась хлопотать: раздула угли в очаге, принесла воды, повесила котелок на крюк в очаге… Я тем временем возилась с раной, трясущимися от усталости руками пытаясь изгнать грязь и стянуть края. Но рана поддавалась с большим трудом. И дело даже не в том, что сил у меня оставалось ровно настолько, чтобы не провалиться в сон. Нечто во мне категорически не желало исцелять нечисть.

Хозяин башни, кем бы он ни был, помочь мне даже не пытался. Молча стоял в дверях кухни, глядя на мои старания с таким видом, словно раздумывал, а не проще ли добить оборотня. Меня так и подмывало крикнуть ему: «Твой оборотень, вот и лечи его сам!»

Наконец рана закрылась. Я сомкнула веки и опустила руки. Точнее, они упали сами, как неживые. Зато Хассим в безопасности. Крови, конечно, потерял очень много… Но сейчас я больше ничего не могу для него сделать. Разве что…

Не шевелясь, я открыла глаз на лбу и еще раз поглядела на рану от Альфинура — другую, невидимую. Вот это Окончательная Панацея, не чета моей! Раз — и пополам! Смертные — направо, демоны — налево! Интересно, утратил ли Хассим способность к оборотничеству после такого удара?

Парень лежал совершенно белый, даже голубоватый. Одного цвета со своими волосами. М-да. Сын луны. «Луна — мать

оборотней». Как я могла забыть эту поговорку?

Мимо пробежала Эриза с охапкой дров.

— Отдохнула бы, — посоветовала я, не открывая глаз.

— Я не устала.

— Ага, заметно. Иди-ка спать!

Эриза со стуком ссыпала поленья на пол у очага, подошла и села рядом со мной.

— Я должна была тебе помочь, — тихо сказала она. — А вместо этого... Сомлела, как последняя трусиха!

— И замечательно, — я принялась аккуратно массировать веки, заодно выращивая новые ресницы взамен сожженных. — Во-первых, твое падение меня хоть как-то предупредило. Во-вторых, ты не мешалась под ногами потом, во время битвы... Если ее можно так назвать. Ох, ты бы видела, что тут творилось! Настоящее избиение...

Эриза беспокойно покосилась на Хассима.

Да не его — меня! Если бы не он, — я кивнула в сторону двери, где, впрочем, уже давно никто не стоял, — ошмётки еще одной чародейки уже валялись бы, раскиданные по всей горе...

Эриза подняла голову и тоже посмотрела в пустой дверной проем. Оттуда веяло холодом. Видно было, что наружная дверь открыта нараспашку. Сбоку виднелись ступеньки крутой лестницы, ведущей наверх. В башню.

Кто он? — шепотом спросила девочка. — Амир демонов?

Я покачала головой.

— Я была уверена, что так и есть, пока он не взял в руки Альфинур.

— Он превратил Хассима из чудовища обратно в человека... И не добил его. И не тронул нас с тобой... Этот колдун, он нам друг или враг?

— Не знаю, — честно ответила я. — Постараюсь выяснить. У нас еще осталось вино?

— Немного...

— Принеси, пожалуйста!

Пока Эриза копалась в нашей поклаже, я закончила выращивать ресницы и выложила перед собой на стол два ножа, что носила за поясом. Один — острый как бритва, зато второй прочнее и в ладони лежит удобно... Какой предпочесть?

— Вот, нашла!

Я забрала у Эризы мех и допила залпом все, что там осталось.

— Что ты делаешь? — поразилась она.

— Ну да... Это я, конечно, напрасно. Разум должен быть ясным, а сердце холодным... Но я так не могу, понимаешь?

— Нет.

— Ну и не надо. Помоги встать...

Я положила ей руку на плечо и оперлась, вставая.

— И все же ты устала. Спи!

Лицо девочки сразу стало сонным, веки опустились, голова склонилась вперед... Я обняла ее за плечи, довела до ближайшего ларя с посудой и уложила на него, укрыв овечьей шкурой. После этого на миг прислонилась к стенке, борясь с головокружением. Кто в этой компании действительно устал, так это я. Но расслабляться рано — самое сложное впереди.

Я сгребла со стола оба ножа, сунула за пояс. Какой из них пригодится, разберусь на месте.

Как же снаружи было холодно! Куда ни глянь, раскинулось пустое пространство, такое же мертвое и безжизненное, как луна, которая его освещала. Гроза давно пролетела, тучи развеялись, небо было глубоким и черным. Колючие звезды ранили обожженные глаза. Во время битвы само собой запустилось обезболивающее заклятие, и я не спешила его снимать — представляла, что со мной тогда начнется, а лечить себя было уже нечем. Так что последним болезненным ощущением остался острый камешек в сапоге.

Жгучий воздух, злые камни и ветер, острый, как нож. Темный край Мураби. Безжалостные горы, мрачные равнины. Реки скудные, как слезы жалости к себе. Ледники — равнодушный покой безнадежности. Но бывает там и острая радость — редкий солнечный луч, в свете которого тучи кажутся еще чернее. Это царство боли, и путь в него открыл мне ты, Альва...

Я поплотнее завернулась в обрывки заскорузлого от крови плаща и шагнула к двери, ведущей в башню. Наверху скрипнула ступенька. Я остановилась, всматриваясь в темноту. Дверь открылась сама. Альва — или тот, кого я когда-то знала под этим именем, или некто очень на него похожий — спустился по лестнице и встал поперек прохода.

Несколько мгновений мы смотрели друг на друга. Если не считать рдеющего глаза, рассеченного шрамом, мой старый приятель почти не изменился. Та же бесстрастная маска. Маска — в буквальном смысле слова...

Интересно, сколько лет, точнее, десятилетий, он так выглядит?

— Старик-тов лесу не обманул, — сказала я. — Насчет прекрасного мужчины.

— Спасибо, — равнодушно ответил он.

— И насчет остального тоже? Того, что кроется под видимостью?

— О чем ты, Имахена?

— Любимая ловушка демонов. Показать человеку именно то, что он хочет увидеть. Демоны извлекают из головы образы, а из сердца желания и мастерят из них подходящую обманку. Тебе ли не знать?

— На что ты намекаешь?

— Пласид сказал, что того Альвы, которого я когда-то знала по Академии, вообще не существовало.

— Ты считаешь, что я морок, созданный демонами специально для тебя?

— Как вариант. А возможно, ты и есть демон.

— Проверь, — предложил он спокойно.

Я поднялась на одну ступеньку. Альва не шелохнулся. На поясе у него блестела рукоять Альфинура — по идее, от прикосновения к ней он должен был сгинуть в ад. А он им ещё и оборотня зарубил... Внезапно я поняла, что ужасно устала и ничего не понимаю.

— Ты следил за мной с самого порта, — заговорила я, прислонившись к стене. — Точнее, с книжной лавки. Натравил на меня каких-то малопочтенных горожан. Подсылал призраков, покойников, чудовищ, сбивал с пути, поливал дождем, пытался припугнуть... Я, в общем-то, не возражала. Это было занятно. Ты изучал меня, я изучала тебя...

— И что ты обо мне скажешь?

— Та стопка книг, которая лежала в лавке... никому в этом городишке даже заголовков не прочитать. Их наверняка прислали на заказ. Я на нее сразу обратила внимание и поняла, что у меня будет серьезный конкурент. Ну, то нападение — примитивно, прямо скажем. Хотел оценить уровень моей боевой магии? Как тебе Добрый Путь?

— Я предпочитаю это, — Альва положил руку на рукоять саифа.

— Может, ты прав, а может, и нет. Хоть ты много лет и притворялся учителем истории и безобидным теоретиком, но за время пути через край Мураби дал мне возможность посмотреть, на что ты годен. Признаю, ты весьма силен в иллюзиях, но я тоже кое-что могу. И заклинатель демонов ты умелый, причем был таким задолго до Незримой Академии. Дальновидение... Управление волей... Боевое искусство... Во всем этом ты меня превосходишь. Но есть одна область, в которой ты слабее меня, — целительство.

Я поднялась еще на ступеньку. Его глаза оказались со всем близко. Один светлый, как лед, другой — темно-красный, как уголек.

— Иначе не ходил бы с такой печатью на лице.

Я открыла глаз на ладони и протянула руку к его лицу. Альва не возражал. Даже не отстранился.

След от заклинания был впечатляющий. Удар, судя по всему, пришелся точно в левый глаз. На его месте теперь плескалось багровое сияние. Через глазницу проходил глубокий вертикальный шрам, как от удара клинком. От него под кожей ручейками расползались светящиеся отростки. Вообще зрелище было жутковатое. Я видела, как течет кровь по сосудам, видела кости черепа, просвечивающие сквозь ткани… Потом закрыла глаз на ладони и открыла «око разума».

— Боевое заклинание высокого уровня, — произнесла я, глядя через межбровье. — Давно?

— Не помню.

— Как не помнишь?

— Я не знаю, откуда оно взялось.

Я недоверчиво хмыкнула. Чисто теоретически это возможно. Но верить хоть одному его слову…

— Само не проходит? И не лечится? И даже не маскируется иллюзией, иначе бы ты не сверкал тут красным глазом. Заодно действует как клеймо… И болит?

Можно было не спрашивать — при попытке забраться поглубже у Альвы вся кровь отхлынула от лица, а пылающий глаз замигал, как свечка на сквозняке.

Против воли я заинтересовалась. Раньше с профессиональными боевыми заклинаниями я не сталкивалась — да и откуда бы в мирное время? Кто же знал, что эта информация мне понадобится тут, в Мураби? Сперва огненный шторм в долине Луц, а теперь еще вот это… Тоже из созданных в прошлую войну или, наоборот, новая разработка? |Ну-ка глянем, что в основе… Что-то знакомое…

Да это же моя Окончательная Панацея!

Я резко отстранилась, шокированная и польщенная одновременно. Вот это да! Когда авторское заклинание начинают развивать и дорабатывать — это уже не просто признание, это слава! Но какой палач додумался применить в качестве общего носителя не воду и не воздух, а огонь?

— Что-то проясняется, — пробормотала я. — Ты определённо не морок. И… не демон. По крайней мере, в данный момент ты не одержим…

Но что они сотворили с моей Панацеей! Сделали из лечебного заклинания боевое! Я бы даже сказала — пыточное…

Теоретически смоделировать, что получится с моим экзорцизмом на основе огня, легко. Другое дело, что

нормальному человеку такое и на ум бы не пришло. Создать, да ещё применить на практике... Стихийный огонь распространяется по тонкому телу мгновенно, причиняя максимальные мучения. Экзорцизм словно мечом рассекает защиту, въедается, как будто запускает когти. Болевой шок отключает сознание. Каменной плитой-то по голове будет гуманнее! Но заклинание, видимо, задело Альву на излете. Если бы оно сработало, Альвы бы здесь не было. Либо он сумел как-то зафиксировать его, остановить действие, не допустить вглубь... Тогда он еще сильнее, чем я считала. И неудивительно. Человек, который сумел соврать но время транса, в момент, когда его сознание занято другой личностью, должен быть совершенно выдающимся чародеем.

Чья же это работа? В Академии никто бы на такое не пошел! Может, я и плохо знаю наших преподов, но пыточными заклинаниями не стал бы заниматься даже некромант Ан-Амин — просто потому, что не любил всякую шумную и грязную возню с живыми существами. Мы ученые, а не убийцы...

И тут я вспомнила Верде, военного мага. А вот этот смог бы. Запросто.

И все встало на свои места.

Ну конечно! То, что я подозревала уже во время обучения, хоть и игнорировала изо всех сил. Потому что не хотела видеть очевидное. Что Альва — не тот, за кого себя выдавал, не молодой гранд, любитель исторических изысканий. Он чародей-мурабит, скорее всего, заключивший договор с темными силами, и только демоны знают, сколько ему лет и каковы его истинные цели.

Я вспомнила раскуроченный корпус алхимиков, который выглядел так, будто там шел магический бой... Не там ли Альва получил по лицу моей Панацеей?

В памяти всплыли слова Пласида: «Ты в самом деле считаешь, что мир вертится вокруг тебя?»

Я отступила на шаг. Альва провел по лицу ладонью. От руки повеяло холодом. Пылающий экзорцизм побледнел и приугас, словно угли подернулись золой. Левый глаз стал сплошь темно-красным, как остывающая лава. Правый смотрел на меня.

— Так, значит, не помнишь, где тебя ранили? — повторила я.

Альва кивнул.

— Однако автора заклинания опознать несложно.

Я усмехнулась.

— Так вот почему ты меня не убил! Решил, что я тебе пригожусь, чтобы снять Панацею? Кстати, совершенно не факт, что я сумею убрать заклинание, даже если захочу. Может, при попытке снять экзорцизм у пациента взорвется голова!

— Не только поэтому, — ответил он мягко.

Я стиснула зубы, подавляя внезапно нахлынувшую ярость. Положила ладони на рукояти обоих ножей. Острый или прочный? Уж как получится!

— А почему еще? Ради сентиментальных воспоминаний о прошлом? Другую чародейку они тебе убить не помешали!

— Я ее не убивал!

— Правда? И кто же это сделал?

— Амир демонов.

Несколько мгновений я молча смотрела на него. Потом резко развернулась и ушла в кухню, захлопнув за собой дверь.

ГЛАВА 23. Что делать с оборотнем?

Я провела беспокойную ночь, ворочаясь на жесткой лавке под вонючим овечьим тулупом. Снова и снова снился бой с белколаком, где по очереди одолевали то он, то я, так что, проснувшись, даже не сразу поняла, где я. На миг показалось, что опять в деревне Луц. В распахнутую дверь лился солнечный свет, приправленный студеным горным воздухом. Пахло жареным луком и просяной кашей. В котелке над очагом что-то вкусно булькало. Рядом, напевая, шаркала метлой Эриза.

Доброе утро! — жизнерадостно поздоровалась она. — Точнее, уже день. Просыпайся, скоро будем завтракать!

Я со стоном сползла с лавки, разминая деревянную спину. Покосилась на соседнюю лежанку, где распростерся Хассим — в той же позе, в какой мы оставили его вчера. Я заметила, что он уже не синеватый, а просто бледный, как обычно. Ну и пусть себе спит дальше. Сон лечит, а краткий перерыв в хвастливой болтовне значительно поправит здоровье нам с Эризой.

— Я там постирала нашу одежду, не подсушишь ее какими-нибудь чарами? А то она совсем не сохнет на таком холоде, только льдом покрывается...

— Угу. Потом накипяти еще воды — надо бы и самим помыться. На голове не волосы, а пакля... Где Альва? В смысле, хозяин башни?

— Ой, не знаю. Его тут нет. Рано утром куда-то отправился.

— Тем лучше, — пробормотала я. — Не будем терять времени.

Каменный пол под босыми ногами казался ледяным. И это летом! Что же тут творится зимой? Но сапоги я надевать не стала. Подошвами тоже можно смотреть, а сейчас чем больше глаз, тем лучше...

Я принялась энергично растирать ладони. Эриза наблюдала за мной с любопытством.

— Что тебе вчера сказал чародей?

— Да толком — ничего. Но, кажется, он не собирается причинять нам зло. По крайней мере, он на эту тему ничего не говорил.

— Нам можно уйти?

— Как? Думаю, поживем пока здесь, в пристройке. Пока Хассим не придет в себя настолько, чтобы убраться отсюда своими ногами.

— А ты сейчас куда собираешься?

— На разведку.

Я умылась из бочки с дождевой водой, разбив на ней ледок, и направилась в сени, к ведущей на верхние этажи винтовой лестнице.

— Гм, уютненько, — отметила я, с удивлением оглядывая просторное восьмиугольное помещение.

Наверно, в пасмурные дни тут было темновато. Но сейчас лучи солнца били прямо в окна-бойницы, высвечивая пёстрый узор ковров, сияя на бронзовых ножках столиков и светильников, вспыхивая на золоченых книжных корешках. Кабинет? Библиотека? Комната казалась значительно просторнее, чем можно было предположить, глядя на башню снаружи. Знакомое явление, памятное еще по Незримой Академии! В пространственной магии я, к сожалению, не продвинулась дальше краткого ознакомительного курса. К сожалению — потому что наверняка это не единственное помещение. Где-то непременно должна быть лаборатория, жилые комнаты... и самое главное — Четыре Окна. Наверняка тут множество тайных дверей и выходов в самых неожиданных местах. Например, в Мадинье, или в горах близ долины Луц, или где-нибудь возле акведука...

Каменный пол комнаты был устлан коврами, приятно щекотавшими ноги. Из мебели имелась пара низких столиков, многочисленные разбросанные по полу пуфы с кистями и потертые подушки, бронзовые светильники на высоких ножках и, конечно, стоящие вдоль стен книжные шкафы. К ним меня сразу же потянуло, как всегда. Я медленно прошлась вдоль стен, читая названия на корешках и заглядывая в привешенные к свиткам бирки. Книги большей частью были очень старые, многие — на языке мурабитов. Но не все, не все... Я наугад раскрыла потрепанный том и хихикнула, увидев знакомую печать библиотеки Незримой Академии... А вот и совсем свежие издания. Новейшая редакция «Дальновидения», справочник по демонам, «Красный замок», «Восстановленная справедливость»... Кто бы сомневался!

А вот и то, что мне нужно, — узкая деревянная дверь в нише между двух шкафов. Я остановилась напротив, чувствуя, как кровь быстрее побежала в жилах и ладони начали наливаться жаром. Конечно, после вчерашнего я не в лучшей форме. Но я пока и не собиралась ни во что вмешиваться. Для начала — осторожно разведать ситуацию. Я немало читала о магических башнях, выстроенных на перекрестках между мирами, и примерно представляла их возможности, По сути, любая магическая башня — та же капилья. Только поставленная на службу конкретному чародею. Окна — не более чем продвинутая система дальновидения. Возможно, также система перемещений в

пространстве. Но первое что следует сделать — изучить источник силы, на котором воздвигнута башня. От этого будет зависеть, что мне дальше делать с Альвой.

Я потянулась к дверной ручке...

— С добрым утречком! — раздался за спиной голос, от которого я надеялась отдохнуть хотя бы один день.

Хассим стоял в дверях, с любопытством озираясь.

— Малявка сказала, что мы проиграли битву. И нас всех захватил в плен амир демонов. Не врет?

— Нет, — мрачно сказала я.

— А почему мы не в колодках?

— Амир демонов как раз полетел за ними в Мадинью. А пока считай, что мы тут в гостях. И веди себя соответственно.

— Ну тогда, раз амира демонов здесь нет, не будем терять времени!

Хассим окинул взглядом книжные полки хозяйственным взглядом.

— М-да, сплошная растопка... Ничего ценного! А это что? Ух какая чернокнижная штуковина!

Не успела я глазом моргнуть, как он цапнул с полки магический прибор неизвестного назначения: нечто стеклянное, каплевидное, увенчанное замысловатым навершием и длинной гибкой трубкой.

— Я догадался! Это же колдовская печка, в которой из дерьма золото варят!

— Положи на место!

— Да ты не дергайся, я поделюсь!

Тут в приоткрытую дверь заглянула Эриза: босая, косы убраны под платок, в руке метла.

— Я за вас волнуюсь, — ответила она на мой взгляд. — Я сказала Хассиму, что в башню нельзя, но он меня не послушал... О, как тут красиво!

Девочка шагнула внутрь и выронила метлу. Ее черные глаза широко распахнулись:

— О, сколько тут книг! Можно я посмотрю?!

— Библиотека весьма достойная, — подтвердила я, отбирая у Хассима «перегонный куб». — Такую надо собирать не годами — десятилетиями!

Эриза устремилась к полкам.

— Но амир демонов не выглядел стариком...

— Ну, Эри, он же маг.

Лишившись добычи, Хассим оскорбленно отвернулся. Эриза, наоборот, повернулась ко мне и тихо спросила;

— Это ведь тот чародей из Незримой Академии, о котором ты

мне рассказывала?

— С чего ты вообразила? — насторожилась я.

— Кто же еще? Я давно догадалась, кого ты ищешь...

Я ужаснулась.

— Что за бредни?! Я искала башню!

— Но думала о нем. — И Эриза добавила миролюбиво: — Видишь, как хорошо получилось? Нашла и его, и башню...

— Ох, Эри, если бы я сама знала, кого нашла!

— Вы о ком? — тут же повернулся в мою сторону Хассим. — Об амире демонов?

— Он не амир демонов, — ответила я. — По крайней мере, не всегда.

— Похоже на то, раз он нас не убил, — кивнул Хассим. — Хотя вдруг он приберегает нас для особенно жестокого жертвоприношения?

Ничего подобного! — вмешалась Эриза. — Он просто добрый, правда, Имахена?

Мысленно застонав, я ответила:

— Нет. Но и не злой... был раньше. Мы с ним старые знакомые, — добавила я специально для Хассима. — Альва был одним из моих учителей в Незримой Академии.

Хассим осклабился.

— Так он что, твой друг?

— Нет. Он только свой друг.

Хассим кивнул, на этот раз обойдясь без ехидного комментария. Этот подход был ему вполне понятен.

— Кстати, куда ведет вон та лестница? — сменил он тему.

— Туда нельзя. Я сказала — нельзя! — повысила я голос, видя, что Хассим дергает ручку.

— А если я все-таки зайду?

— Получишь по шее!

Хассим ухмыльнулся мне в лицо.

— Ну-ну! От кого бы? Я оборотень! Эриза говорит — ты не смогла со мной справиться! Почему я должен тебя слушать?

— Ах ты белка-переросток! — меня затрясло от злости. — Ах ты упырь недоделанный! А ну отошел от двери!

Хассим даже не обернулся, только сильнее толкнул дверную ручку. И тут меня прорвало. Вся нерастраченная ярость, что накопилась во мне за последние дни, месяцы и годы, обрушилась на дерзкого сына луны. Пальцы сами сложились в магический знак, губы пробормотали заклинание. По библиотеке пролетел порыв ветра. Забренчали светильники, с полок посыпались книги и свитки. Хассим вдруг замахал руками и взмыл к потолку, где и повис, изумленно глядя вниз. Стоящая у двери метла взвилась в

воздух и хлестко треснула Хассима по заднице. Тот охнул — скорее от неожиданности, чем от боли.

— Ты чего? Я вообще-то раненый!

— Сейчас будешь еще и контуженым!

Сперва Хассим с руганью отмахивался от метлы, пытаясь то дать ей сдачи, то перехватить в полете. Но боевой уровень метлы оказался существенно выше.

Она не давала противнику ни мгновения роздыху. Оборотень ругался, я смеялась и не могла остановиться. Во мне бурлила холодная злоба. Наконец Хассим ухитрился схватить с верхней полки одного из шкафов толстый, окованный медью фолиант и с воплем швырнул в меня. Я метко отбила книгу метлой. Хассим получил книгой по голове и рухнул на пол. Метла плавно подлетела ко мне и ткнулась в ладонь.

— Ну что, хватит с тебя или еще добавить светильником? — спросила я, подходя к наказанному и тычком метлы переворачивая его на спину.

Хассим вдруг сел, выдернул метлу из моих рук и с хрустом перекусил черенок. Прозрачные глаза парня смотрели прямо на меня, но я понимала, что он меня не видит.

Доигралась!

Но предпринять я ничего не успела. В следующий миг Хассим обмяк, томно закрыл глаза, выпустил метлу и свалился на ковер, как тряпичная кукла.

Обернувшись, я увидела, как Альва, стоящий на пороге, опускает руку.

В его левом глазу пульсировало багровое пламя. В кабинете царил полный хаос. Растоптанные, раскиданные по полу книги и свитки, в воздухе все еще летают разрозненные листки... Я вздохнула, поправляя встрепанные волосы, и развела руками.

— Ну что я могу сказать в свое оправдание? Половину этих книг тебе все равно пришлось бы сдать в академическую библиотеку...

Альва промолчал. Распластавшийся на полу Хассим приоткрыл глаза, увидел хозяина башни и тут же снова закрыл их.

— Имахена, вы тут закончили? — раздался робкий голос из-за спины Альвы. — Можно я метлу заберу?

— Метлу? Конечно, забирай!

Я сделала быстрое движение рукой. Валявшаяся на ковре метла взвилась в воздух, по пути скинула со столика загадочную штуковину с длинной трубкой, просвистела над плечом Альвы и стремительно вылетела в дверь. Штуковина со звоном разбилась, на пол вылилась вода и впиталась в ковер. Огненный глаз Альвы

запылал как добела раскаленный металл.

— Хотите, я и тут потом приберусь, — застенчиво предложила Эриза. — Кстати, никто не хочет позавтракать?

Помощь Эризы в уборке библиотеки не понадобилась. Повинуясь жесту хозяина, раскиданные книги и утварь вспорхнули с ковров и мгновенно вернулись на свои места. Осколки разбитого «перегонного куба» взмыли в воздух, слились вместе радужной каплей и опустились на ближайший столик. Альва опустился на низкий диван, провел рукой над навершием загадочной штуки, внутри замигал огонек, в капле забулькала вода. Потом взял трубку и затянулся. По библиотеке поплыл ароматный дым. Я хмыкнула и уселась на ближайшую подушку.

Эриза потихоньку скрылась. Хассим так и валялся на ковре. Я видела, что он очнулся и осторожно подсматривает за нами. Альва тоже видел, но и пальцем не шевельнул, чтобы снять с него чары.

— Хорошо, что ты не позволила оборотню подняться к Окнам, — сказал он. — И хорошо, что не пошла сама. Они могли бы обидеться.

Я удивленно взглянула на мага. Окна? Обидеться?

— Не беспокойся. Хассим все равно ничего бы в них не увидел. У него нет ни малейших магических способностей...

— Это не имеет значения. Когда я впервые поднялся в башню, у меня их тоже не было, — возразил Альва. — Не надо недооценивать Окна. Они любят скромность и почтение.

— Ты говоришь так, будто они живые.

— Может, живые, может, нет. Не знаю. После того как в них заглянешь, точнее, они заглянут в тебя, — ни в чем нельзя быть уверенным.

— Гм... Но как тогда ими пользоваться?

— Ими невозможно пользоваться. Их можно попросить. Но никогда не знаешь, чего получишь.

Альва выпустил к потолку облако синеватого дыма и добавил:

— А в девяти случаях из десяти взошедший на башню человек больше оттуда не выходил, и никто его потом не видел.

— Человек или маг? — пробормотала я, с удвоенным интересом покосившись на узкую деревянную дверь. Ничего себе — система дальновидения! Если, конечно, Альва не напускает туману нарочно...

— Магу будет только хуже. Слабого человека, который попытается заглянуть в Окна, башня проглотит. Сильного — пережует и выплюнет таким, что лучше бы убила сразу.

Он посмотрел на меня в упор и добавил:

— Так что не пытайся туда подняться, Имахена. Башня моя.

— Или ты — ее?

— Нет. Мы с ней договорились.

«Очень интересно было бы узнать условия договора», — подумала я.

Но дальше выспрашивать не стала. Альва и так сказал мне достаточно для размышлений и выводов.

— Может, все-таки освободишь Хассима? — сменила я тему. — Он давно пришел в себя...

— Сперва посмотрим, в себя ли он пришел, — ответил тот, даже не шевельнувшись. — Где ты его подобрала?

— В Альсиене.

— Странно, как там оказался уроженец Ронги...

— Кто-кто?

— Ты хоть что-то о нем знаешь? — насмешливо спросил Альва. — Ты не знала, что он оборотень?

— Нет. Но догадывалась, что с ним нечисто.

— Тогда зачем взяла его с собой?

— А что мне оставалось? В Альсиен ему возвращаться было нельзя. После смерти Бруха горожане хотели его убить...

— Разумные люди!

— Иногда правильнее не быть разумным, — возразила я.

— Как можно быть такой доверчивой в краю Мураби?

— Я никому не доверяю, — вспылила я. — Предают не враги, а свои. Точнее, те, кого считаешь своими!

Альва даже бровью не повел. Хотя мог бы. Я вздохнула и сказала:

— Дело не в доверии. Конечно, я знала, что Хассим мне врет. На другой день после того, как мы развалили башню Ан-Джезир, я поговорила о нем со старейшинами. Хотела понять, почему в Альсиене его так ненавидят. Узнала много интересного. Не знаю, зачем Хассим наврал про мать. Видимо, чтобы втереться нам в доверие. Родители у него давно умерли. Его всегда считали выродком. В детстве его принесли в жертву Бруху. Но через несколько месяцев Хассим вернулся. Это был первый и единственный подобный случай за всю историю «сотрудничества» Бруха и города мурабитов. С тех пор он уходил, возвращался, иногда пропадая где-то чуть ли не месяцами. Видно, не просто так он хвастался, что не способен заблудиться! Сам он ничего не рассказывал. Его считали наполовину демоном и ненавидели всей душой, но трогать боялись, опасаясь мести Бруха. И как только тот погиб — тут же решили отделаться. Но о том, что он еще и оборотень, — к счастью для себя, не догадывались...

— Тогда почему ты не убила его сразу?

— Слово «милосердие» тебе знакомо?

Альва выдохнул к потолку синеватый дым.

— Милосердие — к оборотню?

— Мальчишка не помнит превращений! Скорее всего, раньше он и сам не знал о своей одержимости. О том, что он творит в облике зверя, он и не подозревает...

— Разве это имеет значение для тех, кого он убивает?

Я не нашлась, что ответить. Перед глазами возник белколак, который едва не растерзал меня на Беличьей горе. В отличие от старого Бруха, который кропотливо создавал себе новое тело магией и то ли не успел добраться до головы, то ли не захотел лишаться лица, в Хассиме-белколаке от человека не оставалось ничего. Он превращался в чудовище мгновенно и целиком.

Но, в отличие от Бруха, не подозревая о превращении и помимо своей воли.

Об этом я и сказала Альве, но ни в чем его не убедила.

— Брух был трус, — отмахнулся он. — Я давно его знаю. Он никогда не был воином и чувствовал себя слабым. Хотя его самого считали демоном, он всю жизнь от демонов прятался. В этом смысле он ничем не отличался от тех смертных, которых ему приносили в жертву. Возможно, он и парня-то убить побоялся — а вдруг за него придут мстить те, кто его таким создал?

— Кто — боги? Ты утверждаешь, что Хассим был оборотнем с детства... Но разве демон не входит в душу только по приглашению?

— Кто тебе сказал, что приглашения не было? Память можно стереть и потом.

«Ты, похоже, в этом хорошо разбираешься!» — раздраженно подумала я. А вслух сказала:

— Бывает насильственная одержимость.

— Бывает, — согласился Альва. — Все равно что захватить крепость, воспользовавшись проломом в стене. Но после нее от личности ничего не остается. Быстрый и верный путь к безумию. А парень не похож на безумца. Значит, остаётся только договор. Добровольная сдача и переход на сторону врага.

От слов Альвы почему-то повеяло жутью. То ли от слов, то ли от взгляда, который их сопровождал.

— Город остается целым и почти прежним, — продолжал он, мрачно глядя мимо меня. — Только хозяин в нем уже другой...

Я резко встала, прошлась по библиотеке. Посмотрела в окно на горы. Откуда страх? Почему мне не хотелось обсуждать с ним эту тему? Не говорил ли он о себе? Но что-то он не походил на разрушенную крепость...

— Договор или захват — это частности, — сказала я. — Есть

более важные вопросы. Ты сказал — Брух боялся, что придут другие. Тебе об этом что-то известно?

Альва медленно покачал головой.

— Ничего.

— А как насчет мертвой чародейки, чьи кости ты не удосужился прибрать за сорок лет? Ее убил белколак. Хассиму не больше двадцати. Так откуда оборотни приходили раньше? Не говори, что не знаешь!

Альва пожал плечами. Упоминание о чародейке было ему явно неприятно. Но я вовсе не собиралась щадить его чувства.

— Откуда приходят оборотни? И все эти демоны, заполонившие Мураби? У тебя было время узнать!

Я ткнула пальцем в шкаф, сверху донизу набитый томами, посвященными демонологии.

— Это же азы, Альва. Если в той или иной местности начинают массово появляться демоны, значит, там имеется трещина между мирами, постоянно открытый вход в преисподнюю. Оттуда они и прут. Нашествие демонов в Мураби продолжается уже сто лет. Похоже, кого-то оно вполне устраивает. Либо ситуация вышла из-под контроля. Какой вариант тебе ближе? Кто открыл демонам дверь?

— Почему ты меня об этом спрашиваешь? Думаешь, я имею к этому отношение?

Я посмотрела чародею в глаза.

— Этого я не утверждаю. Но уверена — ты знаешь, где трещина.

И не удержавшись, добавила язвительно:

— Разве ты не собирался когда-то «устранить несправедливость» и «отдать долг предкам»?

— Именно этим я и занимаюсь последние полвека, — серьезно сказал Альва.

На этот раз мне удалось смолчать с очень большим трупом. Надо же, какое искреннее лицо! Прямо как тогда, когда он выманивал у меня направление на спецкурс демонологии...

— Но я один, а демонов много. Люди запуганы, слабы и разобщены, — продолжал он. — Местные колдуны... Ты видела Бруха. Он был еще из лучших. Я делаю, что могу, но в одиночку...

— Хватит! — оборвала я его. — Это невыносимо! Не продолжай, не то я за себя не отвечаю!

— Ты мне не веришь?

— Естественно.

На лице Альвы впервые промелькнуло нечто, напоминающее страдание.

— Что я могу сделать, чтобы ты поверила?

Я застыла. Он серьезно? Или продолжает морочить мне голову? Кто сейчас говорит со мной? Демон, который хочет захватить мою душу, или Альва, который когда-то меня... любил?

— Я хочу, — сказала я, взвешивая каждое слово, — чтобы ты сказал мне, где находится разрыв между мирами... Показал место, откуда пошло зло. Чтобы ты сам отвел меня туда. И вместе со мной вступил с ними в бой!

Альва помолчал и сказал, протягивая руку:

— Согласен.

Мы молча скрепили договор рукопожатием. Мне было жутковато, словно я вслепую прыгаю с обрыва. Что из этого выйдет? Одни боги знают... Я понимала, что легко могу погибнуть. Но зато станет окончательно ясно, на чьей он стороне.

Потом я глубоко вздохнула и спросила:

— Что будем делать с Хассимом? Как излечить его?

— Никак. Его надо убить.

Хассим, сразу перестав притворяться спящим, задергался и устремил на меня отчаянный взгляд. Видимо, сообразил наконец, что нарвался на настоящие неприятности.

— Для вашей компании он чрезвычайно опасен, — продолжал Альва. — Может превратиться и напасть в любой момент. Не говоря уже о том, что он наверняка шпионит. Для опытного мага нет ничего проще и удобнее, чем смотреть глазами своего зверя...

— Может, просто выгнать его?

— Не обольщайся. Оборотень вернется ближайшей ночью. Думаешь, он просто так к вам пристал? — Альва посмотрел на Хассима, как на падаль. — Убить его, однозначно. Причем даже это не освободит его. Связь с хозяином слишком сильна. Договор не отменит и смерть.

— Ты так уверен, что он кому-то служит?

— Да. Более того, я считаю, что он превращается по приказу извне. Так что, сама понимаешь...

Он отложил мундштук и поднялся с диванчика.

— Сама им займешься или прикончим тварь вместе?

— Но разве нельзя хотя бы попробовать? — возвысила я голос, глядя на несчастного Хассима, у которого на лбу выступили капли пота. — В конце концов, я экзорцист, ты демонолог — неужели два опытных специалиста не справятся с каким-то жалким демоном?

Альва пожал плечами.

— Попытаться можно. Но что станет с парнем? Умрет? Превратится в чокнутое чудовище? Утратит способность к превращению?

— Ну и пусть — зато он освободится!

— А он этого захочет? Я видел, как он с тобой говорил. Деревенский мальчишка, изгой, он хочет быть сильным, хочет власти. Теперь он — оборотень, достойный противник даже для боевого мага, и его это безмерно радует. И ты хочешь его этого лишить?

— Если бы он мог остаться оборотнем, но обрести свою волю... Гм... Что, если дать ему Альфинур? Пусть он всегда носит его на поясе, и тогда никакой демон не посмеет к нему приблизиться! И от спонтанных превращений он будет защищен...

— Нет, — отрезал Альва. — Не дам.

И добавил мягче:

— Он будет у меня. Так лучше для всех нас. Извини.

Я пожала плечами.

— Объясняйся с Эризой. Это ее меч. Точнее, он принадлежит деревне Луц.

— Ты ошибаешься... — начал Альва.

Но тут меня озарило.

— Идея! Не нужно отдавать Хассиму меч. Я знаю, что можно сделать. Ты когда-нибудь проводил обряд огораживания? Что, если попробовать сделать экзорцизм на его основе?

Альва на миг задумался, понимающе кивнул и вытащил клинок из ножен.

Хассим забился как рыба, брошенная на берег. Чародей направил острие ему в горло — как раз туда, где проходила незримая связка человека и зверя, — и начал нараспев читать заклинание на языке мурабитов. Я напряженно вслушивалась, вылавливая знакомые слова и формулы. Никаких сомнений, местные вариации на тему экзорцизма. Все экзорцизмы отличаются многословной дотошностью законодательных актов. В сущности, это те же договоры с демонами, только вывернутые наизнанку. Закончив чтение то ли договора, то ли приговора, Альва коротко взмахнул мечом. Хассим забился, захрипел и затих. Я бросилась к нему, перевернула на спину. Парень был невредим, но без сознания, из прокушенной губы сочилась кровь. Я провела ладонью по его горлу — внутреннее зрение показало, что ничего не изменилось. Связь между Хассимом-оборотнем и его хозяином никуда не делась...

— Что ты с ним сделал?!

Альва спокойно убрал меч в ножны, вернулся на место и снова взялся за мундштук.

— Хассим как был, так и остался оборотнем!

— Верно. Он по-прежнему будет превращаться по приказу хозяина. По-прежнему не будет себя помнить, когда очнется...

— Но в чем разница?

— Хозяин другой.

— Ты?!

Альва самодовольно усмехнулся.

— Согласись, другого выхода тут нет. Я подумал об этом сразу, но не представлял, как это сделать. Спасибо, что подсказала способ...

— Пожалуйста, — с досадой сказала я.

Ловко же он меня провел! Вот он какой теперь!

Гм... да собственно, таким и был. Просто я видеть этого не хотела...

Хассим так и лежал навзничь. Я краем рукава отерла кровь с его лица. Ну вот, теперь я могу оставить сомнения — оборотень точно подчинен Альве, и, что самое обидное, я сама подсказала, как это сделать. Обидно было главным образом за Хассима — у него ведь был шанс освободиться...

Неожиданно я обратила внимания на амулет на шее Хассима. Красивый голубой камень на витой золотой цепи, Разве его не отобрали в деревне? Ах да, я же сама отняла его и отдала Эризе! Теперь понятно, почему я не видела его раньше — Хассим прятал его от меня под рубашкой. Я злобно усмехнулась. Все-таки выманил обратно, мерзавец! Надо бы его наказать — чтобы не приучался хладнокровно пользоваться чужими чувствами в своих интересах...

Я посмотрела на голубой камень, и вдруг перед глазами возник странный образ. Камень мутнеет, начинает крошиться... и рассыпается в песок.

Какая сила разрушила его?

И тут я придумала, как переиграть Альву. Сняла цепь с шеи Хассима. А на вопросительный взгляд колдуна сказала ехидно:

— Посмотрим, кто будет смеяться последним.

И спрятала амулет в рукав. Альва проводил его любопытным взглядом. Видно было, что в уме он уже пытается решить эту задачку. На миг он стал так похож на того аспиранта, которого я когда-то знала по Академии, что у меня сжалось горло. Решительно прогнав ненужные воспоминании, я сказала ему укоризненно:

— Что ж, поздравляю, ты завел собственного оборотня. Зато теперь мы уже не узнаем, кто был его прежний хозяин.

— Это верно. Но если тебя это утешит, могу подсказать, где его искать. Если есть в Мураби место, где даже ребенок может продать душу демонам.

— Ронга?

Альва кивнул.

Я уже не первый раз слышала это название. От Эризы: «Три волшебные башни есть в краю Мураби...» И кажется, Хассим что-то говорил о мертвом городе...

— Заброшенный город в горах к западу отсюда? — уточнила я, вспомнив его слова.

— Заброшенный? Не уверен, — Альва поколебался, прежде чем продолжить. — Я побывал там однажды, очень много лет назад. Честно скажу — больше не тянет. Не понимаю, как я оттуда ушел живым.

— Мертвецы? — понимающе спросила я.

— Хуже. Живые, — Альва поддел концом лезвия светлую прядь волос Хассима. — Вот такие белые твари, как он. Сто лет назад это была их вотчина...

И тут до меня запоздало дошло.

— Там и есть трещина!

— Естественно.

ГЛАВА 24. Застава в горах

В самый глухой ночной час я тихонько вылезаю из-под овчины. Прокрадываюсь мимо спящих, бесшумно открываю дверь, ведущую в башню. Каменный пол обжигает морозом; кажется, он покрыт пленкой льда. Открыть дверь, в темноте подняться по крутым ступенькам в библиотеку. Тут теплее, все еще пахнет душистым сладковатым дымом. Иллюзорным, конечно, это было ясно еще вчера. Никогда бы Альва не стал курить рядом с книгами, тем более своими собственными... Лунный свет поблескивает на ножках бронзовых светильников. Пересекаю мягкий ковер и направляюсь прямо к двери, ведущей на третий этаж.

Завтра мы уходим в Ронгу. Не думает же Альва в самом деле, что я упущу такой шанс?

Дверь не заперта. Замков тут нет, это я заметила сразу. Альва мог бы запереть дверь магией... Но не стал. И я догадываюсь, почему. Что бы он там ни говорил о договоре, а похоже, башня Полной Луны не очень-то ему подчиняется. Признает — да, пожалуй, но не более того. Что ж, значит, он не имеет права мне тут приказывать. Наши шансы равны.

Еще одна лестница в темноте, по ощущениям — гораздо длиннее первой. Искажение пространства? Поднимаюсь на ощупь, в кромешной тьме. Воображение назойливо подкидывает образ каменной ленты, повисшей над беззвездной бездной. Иду, вытянув вперед руку, пока она не натыкается на гладкую поверхность последней двери. Сердце замирает от волнения. Глубоко вздохнув, толкаю дверь и вхожу на верхний этаж башни Полной Луны.

Здесь темно, как в колодце. Жду, пока глаза привыкнут к темноте. Внутренним зрением пока не пользуюсь. Никогда не следует открывать глаза души и разума, если не знаешь, что именно ими увидишь. К сожалению, они — не окна, а двери, открытые в обе стороны.

Наконец в сумраке проступают очертания квадратного зала. Прямо напротив меня чернеет стрельчатая арка. Две такие же по сторонам. Оглядываюсь, и по коже продирает мороз — прямо за моей спиной такая же арка. Шаг назад, и я выпаду наружу. Поспешно перехожу на середину зала. Двери больше нет — беззвучно закрылась за моей спиной и исчезла. Четыре Окна по четырем сторонам света, и я в середине. И как отсюда теперь выйти?

Полная, могильная тишина. Ни луны, ни звезд, ни дуновения

ветра. Кажется, реален только каменный пол под ногами, такой же жгуче-холодный, как и везде в этой башне. И, гм, кажется, он покатый. Как-то странно ускользает из-под ног... Голова начинает кружиться, в животе возникает противный ком. Ловлю себя на том, что нервно ищу глазами дверь. Нет-нет! Никакой паники! Я еще ничего не узнала.

В зале понемногу становится светлее — почти как обычной ночью. Я четко вижу четыре окна. Стрельчатые арки, выложенные из белого камня, так велики, что из любой можно с легкостью выйти, только перешагнув через невысокий поребрик. Озираюсь с любопытством. М-да... Не так я представляла себе систему дальновидения! И как же она запускается?

Словно в ответ на мой незаданный вопрос западное Окно медленно наливается светом. На полу возникает контур стрельчатой арки и моя тень. В Окне появляется луна. Должно быть, снаружи просто разошлись облака. Но кажется, что луна неспешно вплывает прямо в башню. Каменный пол сияет, как белое стекло. Гм, в самом деле лед... А я-то думаю, почему не чувствую ног...

В восточном Окне появляется вторая луна, обливая башню холодным светом. На пол накрест падают две мои тени.

Спохватившись, тихо, но выразительно ругаюсь, еще крепче закрываю все глаза, кроме обычных. Тщательно блокирую всё сверхчувственное восприятие. «Я не хочу! —комариком пищит во мне кто-то слабый и беспомощный, упрятанный очень, очень глубоко. — Не смотрите на меня! Не трогайте меня! Не надо ничего со мной делать!»

Но лучи двух лун добрались и до него.

В северное Окно, прямо напротив меня, вплывает третья луна. Я стою в пересекающихся потоках отраженного света, словно в белом пламени.

Сердце колотится так громко и гулко, словно тело стало полым и металлическим. Я колокол, а сердце — язычок. Оно раскачивается внутри меня и колотится о ребра, и будит эхо, и грохочет в ушах...

Нет, уже не в ушах!

Во всех Окнах темнота приходит в движение. Воздух наполняется грохотом и воем ветра. Или не ветра? Что это — обвал? поток? лавина?

Башня содрогается. Я падаю на колено. Стараюсь держать себя в руках и дышать размеренно. Подгибаю под себя ноги, сажусь на пятки, выпрямляю спину, складываю ладони. Несколькими глубокими вдохами выравниваю дыхание и начинаю — не напевать — сбивчиво шептать мою песенку.

— Пойдем же, мой милый...

Шепот теряется в нарастающем грохоте. Мне кажется, он пронизывает меня насквозь. Грохот неожиданно заканчивается сильнейшим ударом. Словно что-то очень тяжелое врезалось в башню самым что ни на есть реальным образом. Меня швыряет вперед. Выбросив вперед руки, растягиваюсь на животе, ладони обжигает как огнем.

Что-то я не пойму — песня сработала или нет?

— К невидимой башне...

И вдруг вижу — прямо передо мной за подоконник цепляется рука в латной перчатке. В пятнах ржавчины, в комьях земли... Зубы начинают стучать сами по себе. Пытаюсь петь дальше, но губы не слушаются. За поребрик с лязгом цепляется вторая рука. Камень хрустит и крошится под тяжестью того, кто снаружи... В окне появляется остроконечный шлем... Серебряная маска... Воин подтягивается, опирается на локоть, перелезает через поребрик. Выпрямляется и нависает надо мной. В сиянии лун на нагрудной пластине четко виден знак — тугра, похожая на ладонь, где все линии перепутались и сошли с ума.

Три линии было на ладони мертвеца в лесу: линии сердца, разума и судьбы, — а в точке, где они встречались, я увидела себя...

— Там души уходят в волшебные сны...

Не в силах встать, таращусь на него застывшим взглядом, как пойманная за шкодной выходкой первокурсница. В глазницах маски — та же темнота, что снаружи. Железной хваткой паладин берет меня за руку, рывком поднимает на ноги. Я не могу сопротивляться, хоть и знаю, что будет дальше. Я не могу даже стоять — подгибаются колени.

«Святой Чучо» выходит обратно в Окно. И падает в бездну, увлекая меня за собой.

Внутренний голос подсказывает мне, что левитация тут не

сработает.

Что-то теплое осторожно погладило щеку.

Я приоткрыла глаза. Надо мной бежали облака.

Несколько мгновений я бездумно смотрела в небо сквозь ресницы. Потом осторожно вдохнула, возвращаясь к жизни.

Запахи — терпкие, сложные, вкусные. Полынь, лаванда, чабрец... Ароматы высокогорья приятно щекотали нос. Я чихнула и проснулась.

Спину кололо что-то колючее. Пригревало солнце, но тело застыло под шерстяным плащом. Ни руки, ни ноги не слушались, было больно шевелить даже шеей. Я чувствовали себя такой разбитой, будто в самом деле только что свалилась с высоты.

Довольно долго я лежала, завернувшись в плащ, и смотрела в уютное голубое небо, упиваясь мгновениями такого редкого ощущения безмятежного счастья — просто от того, что живу. Где-то поблизости раздавался голосок напевающей Эризы, плеск воды и металлический лязг. Утреннее нежаркое солнце подмигивало в ветвях. Шевелились зеленые листья, покачивались алые лепестки. Русло пересохшей горной реки, где мы вчера остановились на ночлег, заросло кустами цветущего олеандра. Даже не верилось, что мы всё в тех же пустынных и мрачных горах.

Какая рань! Еще и полудня нет!

Я приподнялась на локте. Ну конечно. Компания давно уже проснулась. Вот они, неудобства совместного путешествия. Между прочим, я никого не приглашала идти со мной — и уже вынуждена подстраиваться...

К завтраку меня дожидаться явно не стали. Эриза домывала утварь в чахлом ручейке, в который в это время года превращалась горная речка. Хассим и Альва, расположившись по обе стороны костра и не глядя друг на друга, занимались каждый своим делом. Альва рассеянно полировал меч. Хассим красовался в новом плаще.

При виде плаща я скривилась с досады, чувствуя желание зажмуриться. Перед выходом из башни я попросили Альву выдать Хассиму какую-нибудь одежду, поскольку из Альсиена парень сбежал в одной рубашке. Альва и выдал. Точнее, он предложил Хассиму выбирать самому, и выбор был вполне закономерным. Бархатный плащ, складками падающий до земли, ослепительно-багрового цвета. В этом чудовищном плаще Хассим бросался в глаза, словно лесной пожар. Вдобавок ему не шел цвет: в ярко-красном он казался бледным как смерть. Почему бы ему не взять нормальный бурый мурабитский плащ с прорезями для рук, как у меня или Альвы? Я посмотрела на нынешнего хозяина башни

Полной Луны, сидевшего у костра с мечом на коленях. Хорошо все-таки, что шрам от заклинания и пылающий глаз не видны обычным зрением. Была бы такая дивная парочка с Хассимом...

Одна только Эриза в своем кожушке, шароварах и мягких сапогах на шнуровке выглядела нормальным человеком.

Я остановила взгляд на лице Альвы. Лицо? Или маска, украшенная моим экзорцизмом? Такая маска, которую не смогло пробить даже сильнейшее заклинание...

Меня внезапно снова одолели сомнения.

Интересно, кто наслал на меня тот сон про Окна? Сама Башня? Или Альва?

И зачем на самом деле он ведет меня в Ронгу?

— Эй, Хассим! — Я подошла к парню, на ходу доедая завёрнутое в лепешку холодное мясо. — Я, конечно, понимаю твое простонародное стремление ко всему яркому и кричащему. Но ты сам не понимаешь, во что превратится вся эта роскошь после десятка ночевок в горах? Или после первого же дождя? Альва, зачем ты выдал ему бархатный плащ? Не мог предложить что-то попроще?

— Бархат очень практичен, — лениво возразил Альва. — Поглощает свет. Ночью ходить скрытно — то, что надо.

— Но не багровый же!

— Какая в темноте разница?

Я повернулась к Хассиму.

— А под ним что? Покажи.

Хассим картинно откинул за плечи полы плаща. Там обнаружилась вполне приличная черная стеганая куртка.

— М-да. Как-то слишком скромно, не так ли?

Я покосилась на Альву — тот как раз отвернулся в другую сторону.

— Мне кажется, к такому дивному плащу чего-то не хватает. Например, украшения...

— О, моя цепь! — обрадовался Хассим, хватая амулет. — А я думал, что потерял ее!

Альва вскинулся, резко развернулся...

— Все, прошу прощения! — Я картинно раскланялась не скрывая торжествующей улыбки. — Снимать уже поздно. Маяк запущен.

— Какой еще маяк?! — воскликнули Альва и Хассим в один голос.

— Возвращающий оборотню человеческий облик. Теперь, Альва, мы управляем превращением Хассима вместе. Ты превращаешь его в белколака, я — обратно в человека. Мне так

будет спокойнее. Справедливо, как считаешь?

Лицо Альвы застыло. В глазах на миг полыхнула ярость. Но только на миг. Потом он ухмыльнулся.

— Переиграла меня! Но как?

— Подумай.

— Сейчас...

Альва встал и прошелся туда-сюда вдоль ручья. Я на всякий случай следила за ним.

Если что — мне его не одолеть, тем более сейчас, когда он с Альфинуром...

— Я уже обдумывал способы обратного превращения и видел только один вариант, — сказал он, останавливаясь. — Амулет, который по приказу глушит любую магию. В том числе и магию превращения, тем самым разрывая связь оборотня с хозяином. Но где источник? Своего резерва тебе не хватит, а в Мураби у тебя такого источника не может быть в принципе...

Я загадочно склонила голову набок.

— Что же такое упомянутый тобой маяк? — продолжил Альва. — Чтобы вернуться из состояния зверя, нужен очень сильный призыв. Традиционно им служит обычная физическая боль. Если твой амулет, например, по приказу раскаляется...

— Этот способ годится для обычных, стихийных оборотней. В нашем случае боли будет мало, — сказала я. — Но за идею спасибо, добавить можно. Несложно и для страховки не помешает.

— Добавить к чему? Что ты придумала? Какой механизм управления?

— Э, я не расслышал, что ты там сказала про боль? — встрепенулся Хассим.

Я улыбнулась.

— А мне зачем выкладывать карты? Подумай по дороге. Эриза, Хассим! Собираем вещи и пошли!

Вдоль русла ручья мы шли еще два дня. Пересекли обширную необитаемую долину, удивительно мирную с виду. Наверно, потому что тут не было ни людей, ни демонов. Только цветущие луга и порхающие над ними бабочки. Миновали заброшенную пасеку, заночевали в пустом домике без крыши. Его стены не хранили никакой памяти о прошлом — не больше, чем звериная нора или птичье гнездо. Потом Хассим вывел нас на отлично сохранившуюся дорогу. Это было удачно, потому что идти нам предстояло снова вверх, через перевал. К вечеру третьего дня зеленые луга остались далеко позади. По обе стороны дороги нависали чёрные утесы, угрожая обвалом. На утесах рос сосновый

лес. Серые разветвленные корни, облепленные комьями земли, нависали над головами, как щупальца осьминогов. Я заметила, что Эриза перестала напевать и старается держаться ко мне поближе. Да мне и самой становилось не по себе. Не люблю такие места, уж очень они удобны для ловушек. Если кто-нибудь нападет, с дороги никуда не деться.

Впереди раздались голоса. Альва и Хассим остановились и о чем-то заспорили.

— Что такое? — спросила я, подходя.

— Да ничего, — раздраженно отозвался Хассим. — Наш амир демонов, видите ли, решил, что я не гожусь в проводники! Раньше годился, а тут вдруг перестал!

Я удивилась. Хассим уверенно вел нас всю дорогу. Альва, который, по его словам, бывал в Ронге раньше, ни разу его даже не поправил.

— Спроси его, что там, на перевале, — сказал Альва.

— Что там, Хассим?

— Понятия не имею! Просто знаю, что эта дорога правильная!

Я, прищурившись, вгляделась в вечерний сумрак. Теперь, после слов Альвы, мне показалось, что на горе лес что-то слишком непроглядный. Перед глазами на миг возникли прозрачно-черные перепончатые крылья. Я мигнула — видение исчезло.

— Там застава, — сказал Альва. — Сторожевая башня на границе княжества Ронга. Очень близко отсюда.

Мы все замолчали, вслушиваясь в лесную тишину. Но вокруг только ветер шелестел в сосновых кронах.

— Думаешь, там кто есть? — с сомнением спросила я. - Тут целые деревни стоят пустые, а уж сторожевой пост... Наверняка там просто кучка развалин. Ну, пара призраков...

— А если нет?

— Тогда заплатим пошлину и войдем как законопослушные путники. Неужели найдутся такие глупые стражники, которые откажутся пропустить компанию чародеев?

Но Эризе моя идея не понравилась.

— Может, стоит уйти с дороги и обойти заставу? Мне почему-то кажется, так будет лучше...

— Куда ты сойдешь? — хмыкнул Хассим. — Ты что, белка — по скалам скакать?

— Белка у нас ты, — не удержалась я. — Что думаешь, Альва?

— Разделимся, — предложил он. — Мы с белобрысым пойдем вперед. Причем он — первый. Вы за нами...

— Почему это я первый?!

— Почему это за вами? — недовольно спросила я.

— Когда я был тут в последний раз, во всех, кто приближался к заставе, стреляли без предупреждения, — объяснил Альва. — Поэтому я и беру Хассима. Если там есть кто-то живой, в него они стрелять не будут.

— Почему?

— Примут за своего. Особенно в таком плаще.

— А ты? — спросила я, не поняв, при чем тут плащ.

— А в меня не попадут. Шучу. Я хочу проверить, есть ли там кто-то неживой. На этот случай оборотень тоже пригодится...

Сторожевая башня в самом деле оказалась совсем близко, Так близко, что я даже вздрогнула, когда она вынырнула над лесом из-за поворота. Небольшая, грамотно расположенная крепость с невысокой зубчатой башней полностью перекрывала дорогу через перевал. Обойти ее было невозможно. Ворота были открыты. Перед ними торчал Хассим.

— Все в порядке! — крикнул он нам с Эризой. — Тут все мертвые, заходите!

Я скорчила рожу и подошла к воротам. Деревянные створки сгнили от старости, но никаких повреждений, кроме как от времени, я на них не заметила. Во дворе напротив ворот громоздилась живописная куча скелетов в ржавых черных латах.

Мертвецы были раскиданы по всему двору, там и сям. Я медленно прошлась между ними, разглядывая материал и собирая сведения.

— Похоже, тут была веселая драчка, — сказал Хассим.

— Резня, — уточнила я. — Интересно, что же они тут не поделили...

Из глубокой арки, ведущей в башню, вышел Альва.

— Может, ты объяснишь, что тут стряслось? — спросила я. — Этим мертвецам лет полсотни, не больше. Разве после захвата края Ясином еще шли какие-то боевые действия?

— Они шли и до него. Ронга — вотчина князей Ахмар.

— Кто это такие?

— Смутьяны, истинный бич государства. Они всегда стремились к власти, но никак не могли получить ее законным образом. После падения Илиберры они объявили Ронгу независимым княжеством и закрыли границы. Какое-то время никто не знал, что тут творилось. Знали только, что идет война за власть. Я думаю, передрались между собой, как пауки в банке. А потом к ним пришли демоны.

— У меня такое ощущение, — сказала я, понизив голос, — что без демонов и тут не обошлось.

Альва кивнул, глядя на раскиданные по двору трупы.

— Атака демонов считается удачной, если союзники перебили друг друга, — сказал он с кривой усмешкой. Похоже, именно это здесь и произошло. И заметь, ворота открыты. Они сами его впустили.

— Кого?

— Того, кто сидит в капилье.

Я не испугалась. Но двор крепости словно накрыло черной тенью.

— Все еще сидит? — спросила я дрогнувшим голосом. Но костям во дворе полвека...

— А злой дух еще здесь, — Альва развел руками. — Что ему время? Пойдем!

— Со двора никуда, — быстро сказала я Хассиму. — Охраняй Эризу.

— Но... — начал Хассим.

Эриза взяла его за руку, и, к моему удивлению, он умолк,

Небольшая капилья с отдельным входом была пристроена к башне сбоку. Неказистая снаружи, внутри она оказалась неожиданно строгой и торжественной. Высокие стрельчатые арки смыкались под потолком, теряясь в темноте. Тут не было убитых — только пауки побежали от нас по каменным плитам да над головой послышался шелест, как от множества крыльев. В узкие окна сочился вечерний свет, падая на алтарную стену и окрашивая ее в цвет крови,

На ступеньках перед алтарем сидел бледный немолодой воин в вороненых доспехах, в багровом плаще и открытом шлеме со странным крылатым плюмажем. Должно быть, пятьдесят лет назад так выглядели те, чьи кости валялись во дворе. То, что я приняла за отсвет заката на стене за его спиной, оказалось красным знаменем с витиеватой черной тугрой.

— Кто такие? — сурово спросил воин. — Что вас привело в земли Ахмар?

Судя по его бородатому лицу с горбатым носом, он был явно из мурабитов, но говорил почему-то на столичном кастельо. Смотрел он прямо на нас. Точнее, сквозь нас.

— Путники, — ответила я, поскольку Альва был занят разглядыванием диковинного шлема и явно не собирался вступать в беседу. — Идем в Ронгу по личной надобности.

— Предъявите подорожную, — велел воин, по-прежнему глядя строго перед собой.

Губы у него шевелились, но голос звучал прямо у меня в ушах.

Ах вот в чем дело...

Я пристальнее вгляделась в так заинтересовавший Альву

шлем. Плюмаж пошевелил крыльями.

На голове воина сидела огромная летучая мышь.

— Что ты здесь сидишь? — спросила я демона. — Почему не улетел?

— У меня приказ, — ответила летучая мышь губами воина. — Охранять заставу.

— А гарнизон зачем поубивал? Это же все ваши слуги!

Губы мертвеца скривились в усмешке.

— Тут было так скучно...

— Угу. А потом они друг друга перерезали, и тебе стало гораздо веселее.

Воин засмеялся, глядя перед собой неподвижным грустным взглядом.

— Какая разница? Кто вас, смертных, считает? Чего вам надо, колдуны?

— Мы идем в Ронгу.

— Пополнить число рабов Господина Бед?

— Нет, сократить, — ответил Альва, выступая вперед. Воин в черных доспехах повернул голову на звук его голоса.

— Ты кто? Я тебя не вижу. Что-то мешает мне смотреть.

— Не это ли? — Альва извлек меч.

Летучая мышь распахнула крылья, сразу увеличившись втрое. Из распахнутой пасти раздался беззвучный крик, от которого зубы свело и завибрировали кости.

Но прежде чем она успела упорхнуть, Альва одним выпадом рассек ее пополам.

Тень перепончатых крыльев растаяла в воздухе. Ни пол упало нечто вроде гнилой тряпки. На макушке шлема осталась половина конского хвоста, причем облезлого. Бледный воин, не изменившись в лице, уронил голову, завалился на бок, упал на пол и рассыпался на куски вместе с доспехом. Запахло плесенью. Я огляделась с отвращением. Пол капильи был усеян остатками деревянной мебели и храмовой утвари, сгнившей и переломанной в щепки. От нашего собеседника остались только разрозненные куски скелета в ржавых доспехах.

— Если бы и с остальными было так просто, — сказал Альва, убирая меч в ножны.

Я подняла взгляд на алтарную стену. Вместо алого знамени ее прикрывала выцветшая грязно-розоватая тряпка. Изысканная тугра превратилась в нечто вроде раздавленного паука.

— Случайно не заметил, что было написано на знамени до того, как ты убил демона? — спросила я Альву без особой надежды.

— Я и так знаю: «Илиберра будет красной». Этот девиз взяли

себе князья Ахмар после падения царства Мураби.

— Почему красной?

— Старая история. Может, как-нибудь потом расскажу.

— Расскажи сегодня, — попросила я, когда мы выходи ли на воздух. — Понятия не имею, что творилось в Мураби после того, как Ан-Ясин покинул край.I

Альва неопределенно пожал плечами. Я сделала зарубку на память. Лишней информации не бывает. Скорее всего, грызня за власть между знатными кланами мурабитов не имеет отношения к тому, что здесь творится.

Но вдруг в них найдется подсказка?

ГЛАВА 25. Правда и ложь

Пока мы разбирались с демоном, солнце скрылось за лесом. Темнеющее небо усыпали звезды. Альва предложил заночевать в крепости, уверив нас, что теперь тут стало совершенно безопасно. Я предпочла бы, как обычно, шагать до утра, в тишине и одиночестве предаваясь размышлениям о жизни, но, увы... Мы выбрали место под стеной, очистили его от костей. В стенах заставы нашелся и родник с ледяной водой, сочащейся из скалы в каменную чашу. Хоть поселяйся тут насовсем!

— Но спать я все равно не смогу, — предупредила я Альву, — так что придется кому-то развлекать меня историями.

— Вот и хорошо, — сказал Хассим. — Заодно покараулите нас. Надо же кому-то стоять на часах? Когда вокруг такое количество неупокоенных мертвяков...

— Ну, это как раз несложно исправить! Эри?

Эриза кивнула, отошла к воротам и протянула перед собой руки, словно нашаривая нечто перед собой в воздухе.

Через несколько мгновений раздался шорох и скрип. Мертвые воины поднимались как марионетки, привязанные к ее пальцам невидимыми нитками. Выстроившись в колонну по двое, воины Ахмар, стуча костями и брякая железом, маршем направились по дороге в сторону долины, из которой мы пришли. Пусть им мирно спится в цветущих лугах...

Начальника гарнизона скелеты унесли на руках, по частям. Хассим с тоской проводил глазами его роскошные воронёные доспехи и отправился за дровами.

Над пылающими головнями плясали языки пламени. Трещали и корчились, истекая смолой, сосновые веточки. Искры летели в темно-синее небо. Мы сидели у костра и ждали, пока прогорят поленья, чтобы обжарить на углях лепешки с мясом. А пока передавали по кругу бурдюк с вином. Альва достал из сумки апельсин и кинул Эризе. Она уставилась на незнакомый фрукт с глубоким изумлением.

Я засмеялась. Альва снова себя выдал. Когда во время нашего последнего ужина в башне я увидела на столе жареную камбалу, то поняла, что угадала насчет множества выходов из башни. Один из этих выходов определенно вел в какую-нибудь таверну Мадиньи.

— Может, все-таки расскажешь, что за тип сидел под красным знаменем с летучей мышью на голове? — спросила я. — И почему эти Ахмар заявляли права на Илиберру?

Альва поморщился.

— Было два великих рода в Мураби: Шатт и Ахмар. Великий амир Кабра много лет лавировал между ними, то стравливая их, то миря. Все это привело к грязной междоусобице, которая закончилась перед самой войной убийством всей верхушки рода Шатт по приказу великого амира. После этого Илиберру захватил Ан-Ясин.

— А что стало с родом Ахмар?

— Они убрались в Ронгу.

— Коротко и ясно, — кивнула я слегка разочарованно. — Я-то думала, это будет долгая, захватывающая история...

— Если тебе хочется душераздирающих подробностей, спроси их, — Альва кивнул на Эризу с Хассимом. — О падении рода Шатт сложено множество баллад, а мне это вспоминать неприятно.

Я покосилась на Альву. Вспоминать?!

— Я знаю эту историю, — подтвердил Хассим. — Кто же из мурабитов ее не знает?

— И я знаю, — сказала Эриза.

— Ты разве не кастельо? — удивилась я.

— Моя бабушка была из мурабитов.

Я кивнула. Теперь понятно, почему Эриза знает их язык и в кого она такая черноглазая.

— Какую историю спеть? — спросила Эриза. — Ту, что поют мурабиты? Или историю, принятую кастельо? Ту, где Шатт — невинные жертвы? Или где они продали страну Ан-Ясину?

— Чепуха! Предательство было только предлогом для убийства, — резко сказал Альва. — Князей Шатт пригласили во дворец, и там, в покоях амира, подло перерезали. Кабра боялся этого слишком сильного рода. Это преступление ничего ему не дало — вскоре ему пришлось сдаться Ан-Ясину.

— В балладе пелось, что резня случилась в прекрасном зале с белым потолком необычайной красоты и восьмиугольным колодцем в центре, — задумчиво сказала Эриза. — Кровь заговорщиков текла по полу и копилась в этом колодце, не находя выхода...

Я нахмурилась. В памяти всплыло видение — заброшенный павильон в горах, бассейн, полный сухих листьев, призрак Сорайи...

Сухих листьев или крови?

— Мне они однажды приснились, — продолжала Эриза, — Рыцари рода Шатт. Они шли с развернутыми знамении и пели...

— Куда шли? — спросила я.

— Не знаю... В закат? К морю?

— Я знаю, куда они шли, — вмешался Хассим. — Они шли

переходить на сторону Ан-Ясина. Только с песнями, знамёнами и строем — это вряд ли. Скорее крались по кустам, как воры! А род Ахмар считают проклятым, потому-что они попытались отстоять свою землю!

— Ахмар хотели только власти, — возразил Альва. — Скорее всего, это они с самого начала были в сговоре с Ясином и его демонами!

— Сейчас уже никто не узнает правду, — примиряюще сказала я.

— Кому, как не мне, ее знать, если я там был!

Мы дружно уставились на него в изумлении.

— Где?!

— В Илиберре, во дворце амира! — резко сказал Альва. — Когда там зарезали всех моих родственников, отца, дядей и братьев... Я был такой же мальчишка, как ты, Хассим, но и меня бы убили вместе с прочими, если бы меня не взял под защиту придворный чародей...

Хассим даже не обиделся, что был назван мальчишкой, до того он был поражен.

— Так ты — Ан-Шатт? Ты был там?! Сколько же тебе лет?

Альва отвернулся от костра и от нас. Я думала, ни слова больше не скажет, но, к моему удивлению, он заговорил вполне спокойным голосом.

И говорил долго...

— Я был тогда совсем юн и плохо понимал, что происходит. Все менялось слишком быстро. Одних убивали, другие бежали кто куда. Потом город заняли войска Ан-Ясина, и начался хаос. Все побежали из города, как крысы, — одни к Ясину, другие в горы, третьи, в том числе и амир Кабра, к морю... А мы с чародеем ушли своей дорогой. Он сказал, что знает безопасное место, где ни один демон меня не достанет. Я пошел с ним... потому что не знал, куда еще идти!

Вокруг царил настоящий ад. Знаете, что Илиберра полностью опустела? Ее покинули все — и кто ее сдавал, и кто захватил. Да что столица — вся долина Рауда теперь заброшена. Когда мы с магом проходили мимо полей, садов и деревень, то видели пятна изморози на земле и стенах… Увядшие за ночь рощи... Странные знаки на полях... Людей, которые сгорали изнутри или на глазах превращались в вымороженные трупы...

Это было как чума. Магия не помогала. Мы шли с моим спутником как обычные беженцы — старик и мальчишка в толпе. Никогда с тех пор не знал такого страха и такого унижения. Амир Кабра... Боги послали его, чтобы покарать мурабитов. Он не был плохим человеком, но постоянно совершал роковые ошибки.

Считают, что его главная ошибка — что он сдал Илиберру без боя. Но это было следствием. Всё начало рушиться после убийства рода Шатт.

Войска амира Кабра проскакали мимо нас, когда мы плелись по большаку к горам. Очень быстро, спасая свои шкуры. Впрочем, воинов Кабра можно было понять — у них на хвосте висели войска Ясина. Простому народу предоставлялся выбор — сидеть по домам и ждать, когда их настигнет эта страшная магическая напасть огня и холода, либо все бросать и скрываться в горах.

Мы с магом, выбравшись из ужасной, погибающей долины Рауда, направились на юг. Я сперва думал, что мы просто бежим, но у мага была своя цель — башня Полной Луны. Одна из трех самых знаменитых магических башен царства Мураби, место, скрытое магией и защищенное от демонов. Там мы оказались в безопасности, пока однажды я не решил...

— А Сорайя? — вспомнила вдруг я.

Альва повернул голову. Лицо у него было такое, словно он только что проснулся.

— Сорайя?

— Да! Призрак девушки, которая выбросилась из южного Окна? Или призрак такой же фальшивый, как и его трогательные истории?

— Призрак настоящий, — сказал Альва. — Думаю, что история тоже.

— То есть призрак служит тебе, — хмыкнула я. — Так я и знала. Послушай, Альва. Не кажется ли, что это слишком уж цинично, чтоб не сказать жестоко, — пользоваться услугами духа, держа его в заблуждении?

— Это ты о чем?

Или тебе не известно, что ее возлюбленный вовсе не бросал её, не обрек на голодную смерть, а поехал догонять войско своего амира и погиб вместе с ним в долине Луц? Ведь наверняка известно? Не пора ли ей об этом сообщить?

— А она знает, — огорошил меня Альва.

— Но...

— Она все равно на него страшно обижена. Настоящий мужчина должен был преодолеть все ради любимой.

— Но это же глупо, — вырвалось у меня.

— Вполне по-женски. Она будет там бродить, пока не простит.

У меня все не укладывалось в голове. Так она знает!

— Слушай, но чего ты добивался, подсылая ее ко мне?

— Ты думаешь, что все женщины такие, как она, — злопамятные дуры, думающие только о себе?

— А разве нет?

Я не слушала.

— Нет, никакая это была не любовь! Она ведь ни мгновения о нем не думала! Разве ее волновало, почему он ушел и не вернулся? Она думала только об одном — он бросил меня! Он меня забыл! Что теперь будет со мной? «Я, я»! Почему она не задала себе вопрос — что с ним? Раз так — пусть бродит вечно в одиночестве! Она сама себя наказала!

— Ты чего так раскричалась? — удивленно спросил Хассим. — Какая еще любовь? Мы же о войне говорили.

Я опомнилась. Альва смотрел на меня печальным взглядом. Эриза, заслушавшись, так и сидела с апельсином в руке.

— Эх...

Махнув рукой, я вскочила и ушла от костра в темноту.

Впервые за долгое время хотелось плакать.

Я совсем запуталась. Где правда? Где ложь?

Сорайя умерла, проклиная и ненавидя. Какой из этот вывод? Не надо спешить с выводами. Вообще не надо судить. Никто не знает правду.

И эта история, которую рассказал Альва. Еще одна трогательная история. Даже если Альва сам в нее верит, сколько правды в ней?

Не состряпана ли эта история специально для меня?

И третья история — о резне в амирском дворце. Кто знает, что там было на самом деле? Кто, кого и кому предавал? Почему Альва считает, что после того убийства все и началось? Неужели в летописях нет ни слова истины, неужели все не так, как кажется?

А что, если зайти с другой стороны? Не имеет никакого значения, кто именно устроил убийство и под каким предлогом. Пострадали-то все. И Шатт, и Ахмар, и простые жители Мураби. Даже Ан-Ясин не сумел воспользоваться плодами победы.

Все люди оказались в проигрыше. Победили демоны.

С ними и надо сражаться!

...Восьмиугольный зал с резным потолком. В оконные решетки, дробясь, льется синеватый лунный свет. Мраморные соты — символ бесконечности — кажутся вылепленными из снега. Каменный пол леденит ноги или он в самом деле ледяной? Наклоняюсь, касаюсь его — на пальцах остаются темные пятна. Это кровь. Весь зал покрыт замерзшей кровью. В центре, словно слепой глаз, блестящее круглое пятно — фонтан. Наклоняюсь, гляжу вниз — сквозь мутную красную дымку, как сквозь рубин, на

меня смотрят мертвые лица князей Шатт.

«Вам не растопить лед моей кровью!»

Тихий стук когтей по камню. Сзади накатывает медленная волна жара и холода. Оборачиваюсь — на пороге зала стоит мертвая собака. Один глаз у нее синий, другой красный...

— Нет, нет! Мой сон совершенно не об этом!

Устало махнув рукой, снова поворачиваюсь к колодцу, вглядываясь в лица. За спиной раздается раскатистое рычание.

— Уйди, морок, уйди!

Из темноты доносятся невнятная ругань и лязг железа. Обеспокоенная такими не вписывающимися в сон звуками, поворачиваюсь к двери. Собака взгромоздилась на кучу скелетов в ржавых доспехах и пристально смотрит на меня.

Откуда тут взялись скелеты, если всех князей Шатт зарезали и утопили в крови?

— Имахена, проснись!

Меня с размаху пнули в бок. Я подскочила с воплем, собираясь ответить тем же...

— Смотри! — крикнул мне в ухо Хассим, дергая за плечо одной рукой и указывая другой в сторону ворот. На четвероногую тень с горящими глазами, что стояла в воротах заставы. Один глаз у нее был синий, другой красный.

Спросонья я сделала единственное, что могла, — выбросила руку и долбанула незваную гостью пульсаром. Раздался грохот, взлетели камни — псину вынесло вместе с остатками ворот и куском стены. Определенно, моя боевая мощь за время путешествия серьезно возросла.

— Все ко мне! — крикнула я, вскакивая на ноги и вглядываясь в облако каменной пыли, окутавшее двор. — Где Альва?

Из тумана раздавался кашель и проклятия Хассима.

— Да вот он, дурной колдун! — из облака возник Хассим. В руке у него был ржавый меч, подобранный тут же во дворе. Другой он тащил за собой ошеломленную Эризу. — Ты только посмотри, что он делает!

Альва не делал ничего особенно ужасного. Собственно, он вообще ничего не делал.

Стоял посреди двора, опустив руки и опираясь на Альфинур, как на посох, и смотрел перед собой.

Облако пыли постепенно оседало. Завал на месте стены зашевелился. Камни покатились в стороны, наружу вылез монстр. Назвать эту тварь собакой у меня уже не поворачивался язык. Глаза полыхали как угли, по голым костям скелета пробегали синие сполохи...

— Это же наша Чуча! — пролепетала Эриза.

— Забудь! Никакая это больше не Чуча. Держитесь за моей спиной и не мешайте.

Мертвая псина распахнула пасть и неторопливо направилась к Альве. В глотке у нее пылало пламя. Там, где она ступала, на земле оставались белые пятна, лучами расползающиеся в разные стороны. Повеяло жгучим холодом, и я с содроганием поняла, что эти пятна — иней...

- Альва, что встал как пень?! — заорал Хассим прямо над ухом. — Руби!

Я ударила собаку экзорцизмом. Она только башкой | тряхнула, словно ее окатили водой, и злобно рявкнула на меня, но с пути не свернула.

Как же так? Почему экзорцизм не действует?!

Я, впрочем, уже начинала догадываться, почему. Достаточно посмотреть на обожженное Панацеей лицо Альвы, чтобы понять — вселившееся в Чучу существо не прошибешь каким-то экзорцизмом. И даже не потому, что экзорцизм плох. Просто это противник не моего уровня...

— Альва, давай! — надрывался Хассим. — Мечом ее!

Но чародей так и стоял с Альфинуром в руке посреди двора, неподвижным взглядом уставившись на тварь. А она на него. На миг мне показалось, что между ними вот-вот ударит молния... Собака подошла к нему вплотную. Мы затаили дыхание. Альва стиснул рукоять меча двумя руками... и рухнул на колени.

Мы с Эризой дружно ахнули. Альва сложился пополам, уткнулся лбом в землю, однако меча не выпустил. Собака постояла рядом с ним, словно размышляя, потом повернулась к нам. Я услышала низкий, рокочущий голос. Казалось, он возникал прямо в воздухе:

— Пусть оборотень подойдет и вынет у него из рук дрянь!

Не ходи! — крикнула я. — Да, демон, я знаю, тебе нужен Альва! Ты бы и меч забрал, только ты его боишься!

— Оборотень хотел дрянь, пусть забирает.

— Не верь демону, Хассим!

Да я и не собираюсь, — гордо сказал Хассим. — Все они врут, мне ль не знать? Пошел ты, демон, куда подальше!

Собака как будто не ожидала такого поворота. Переступила с лапы на лапу и повернула голову ко мне.

— Уходите. Оставьте его мне. Он мой.

— Пока у него Альфинур — нет, — возразила я, лихорадочно соображая, что предпринять дальше.

Вечно болтать невозможно, рано или поздно придется драться, а как?! Справлюсь ли я с существом, против которого

оказались бессильны профессиональные военные маги? Пласид, ты хоть соображал, куда меня посылаешь?!

Внезапно Хассим ткнул меня в спину.

— Еще один явился. Смотри, вон там, на куче камней. Эриза, ты же велела мертвецам уйти в лес, так почему они лезут обратно?!

— Это кто-то другой, — ответила она. — У тех были черные доспехи, а у этого посеребренные... Это же наш «святой Чучо»!

Паладин, ступая в своей манере почти бесшумно, вошел во двор. Протянул руку, подзывая собаку. Демон припал к земле, поджал хвост и оскалился. Паладин наклонился и положил латную перчатку на холку пылающему скелету.

— Посмотрите, что он делает?! — прошептала Эриза.

Переливчатое свечение понемногу угасало. Потухли разномастные глаза. Собака легла на брюхо. А когда рыцарь выпрямился, села возле его левой ноги, как раньше.

Мы стояли на месте, ожидая дальнейшего развития событий. «Святой Чучо» повернулся ко мне и преклонил колено. Я от изумления чуть не свалилась на землю.

Он изгнал демона!

Он что, в самом деле святой?!

— Что тут творится? — раздался голос Альвы.

Чародей с мечом наизготовку стоял за спиной паладина, словно не соображая, куда девался враг, да и был ли он вообще.

— С добрым утром! — насмешливо приветствовала я его. — Проспал все самое интересное! Знакомься — вот это железное пугало зовут «святой Чучо».

— Это они его так обозвали, на самом деле это не святой Чучо, — уточнил Хассим.

— Мертвый воин. Я призвала его в лесу возле долины Луц, — объяснила Эриза. — Он служил нам...

— ...Пока не попытался отобрать у меня Альфинур на акведуке, — подхватила я.

— А сейчас пришел и унял свою чокнутую псину, в которую вселился демон, — добавил Хассим. — Я думал, она тебя сожрет, а она почему-то не стала. Только предложила мне забрать твой меч. Я, между прочим, чуть не согласился.

Альва провел рукой по лицу, подошел поближе и настороженно вгляделся в паладина. Я с удивлением заметила, как он побледнел.

— Так что же, этот ваш «святой Чучо» нас спас от демона?

— Получается, так, — кивнул Хассим. — Только непонятно, зачем.

— Меня больше интересует — как? — пробормотала я.

Все мое магическое образование не давало ответа на этот вопрос. Как ходячий комплект доспехов может одним прикосновением изгнать демона, да еще такого сильного?

— «Святой Чучо» вернулся к нам! — радостно объявила Эриза. — Он снова будет с нами, да, Имахена?

— Если пожелает, — саркастически заявила я.

Да уж, после такого представления прогонять паладина даже как-то неудобно.

Не говоря уже о том, хватит ли у нас всех на это сил...

— Я не возражаю, — сказал Хассим. — Чур, если что, щи доспехи мои!

Альва промолчал и направился куда-то вглубь крепости. Я подумала и пошла за ним.

— Не хочешь объясниться?

Альва в последний раз плеснул себе на лицо воды из каменной чаши родника и повернулся ко мне. У меня перехватило горло — ни разу не видела его прежде таким мрачным.

— Что за демон вселился в собаку? Ты ведь с ним знаком, правда?

— Это наше с ним личное дело. Я сам его улажу.

— А получится?

Альва не ответил. Да я и не ожидала ответа. Для демонолога он уже сказал достаточно. Конечно, со своим демоном человек должен справляться только сам. Иначе это будет не его победа. И ничто не помешает демону вернуться снова.

Тогда я задала второй вопрос, который интересовал меня ничуть не меньше:

— Почему тебя так потрясла встреча с мертвым воином — нашим «святым Чучо»? Ну, признайся. Мы все видели, ты аж побелел весь. И сейчас... Что тебя так гнетет?

— Ладно, — помолчав, решился Альва. — Но тебе это не понравится. Я их узнал.

— В смысле, его?

— Нет, их. Это мои доспехи.

Я онемела.

— И, как ты понимаешь, теперь мне не дает покоя один вопрос. Чей в них скелет?

ГЛАВА 26. Демоны Ронги

На следующий день около полудня мы увидели город. Это была Ронга.

Не заметить ее было невозможно. Плоскогорье рассекала пополам огромная извилистая трещина — словно какой-то великан разрубил всю долину пополам. Шириной она была шагов сто, а о глубине оставалось только догадываться. Прямо над трещиной нависала приземистая, уродливая черная башня без окон, со срезанной верхушкой. Вокруг башни, по обе стороны пропасти, раскинулся город. Он был действительно большим, даже по имперским масштабам, с площадями, каменными капильями и трехэтажными домами — не чета мурабитскому Альсиену.

Только черная башня все портила. Когда я на нее смотрела, по коже начинали бегать мурашки. И даже ладони чесались — так хотелось вырвать ее из земли и выкинуть подальше, как опухоль из головы пациента. Неожиданно меня охватила неуверенность в своих силах. Не зря ли мы чуда лезем? Альве никакого доверия нет, а что я могу одна? Кто и что ждет меня там?

— А не снять ли мне плащ, пока не заметили со стен? — озвучил мои мысли Хассим. — И вообще, зачем нам туда идти?

— Застава была заброшенная, — напомнил маг. — Это внушает надежду...

Мне представилась та же картина, что и на заставе, — скелеты, сцепившиеся в последней драке.

— Надеешься, что местные все друг друга перебили? А я в этом не уверена. Видите дымки над домами? Да и вон та башня... От нее идет такая... как бы вам это описать?... волна тьмы!

— Словно от действующего темного алтаря, — кивнул Альва. — Значит, город еще не вымер. Жаль...

— Жаль?! — возмутилась Эриза.

— С мертвецами справиться проще.

— Идем, — внезапно решилась я. — С живыми я попытаюсь договориться. Не в первый раз!

Через перевал в долину вела прекрасно сохранившаяся, совершенно безлюдная дорога с каменными верстовыми столбами. По обе стороны раскинулись заброшенные, невозделанные поля. Интересно, что едят горожане, если фермы и угодья превратились в пустыри? Дорогу то и дело перебегали серые белки, каждый раз заставляя меня вздрагивать, а Хассима — хвататься за нож. Городские стены становились все ближе.

Ронга была настоящей крепостью. Местной привычке белить любую поверхность ее жители явно не следовали. Стены города были первозданно черными, какими их создали боги.

Дорога свернула налево, огибая город. Под стенами теснились какие-то лачуги, явно нежилые. Альва время от времени поглядывал наверх. Когда впереди замаячили надвратные башни — объяснил, почему.

— Раньше тут через каждый десяток шагов сидел лучник. Любой путник, не носивший красное, получал стрелу в глаз и персональное посмертное проклятие.

— Э... могу поделиться куском плаща, — предложил Хассим. — Только чтоб потом пришили на место!

— Лучше иди первым, — предложила я, — тогда в нас труднее будет попасть!

— Не беспокойтесь, — сказал Альва. — Судя по всему, стрелять уже давно некому.

Дорога привела нас прямо к гостеприимно распахнутым городским воротам. Я первой зашла в тень надвратной башни, огляделась: над головой торчали зубцы решетки, намертво приржавевшие цепи... За воротами виднелась улица — с виду такая же безлюдная, как и посад под стеной, Я обернулась и помахала своим спутникам рукой, чтоб поспешили за мной. Даже не знаю, надеялась я тут кого-нибудь встретить или опасалась.

— Мы пока не видели ни одного мертвяка, — заметил Хассим, проходя под воротами и озираясь. — Может, все местные просто ушли?

— Хотелось бы верить... — пробормотала я, чувствуя, как нагреваются ладони, а по спине ползают ледяные червячки.

Может, людей тут и нет — но магии предостаточно! Причем магии недоброй. Вот и Эриза, судя по ее напряженному лицу, это ощущает. Помню, помню этот этап: уже многое чувствуешь, незримое так и одолевает, а закрываться пока не умеешь. Все глаза раскрыты нараспашку. Хорошо в такое время находиться под защитой стен Академии, а не бродить по землям демонов! Особенно по таким. Видала я заброшенные города, полные призраков, но здешняя безлюдность меня пугала. Алчущая, беспокойная пустота, открытая в одну сторону, пустота дома, где недавно кто-то внезапно умер — вот он, еще недалеко, не может уйти сам и тянет за собой тех, кто его любил...

Когда поблизости внезапно скрипнула дверь, у меня чуть сердце не остановилось. На крыльцо вышла маленькая девочка и уставилась на нас, сунув палец в рот.

С виду она была лет пяти — черноглазая крошка с косичками. В руках у нее был поводок, а на поводке — жаба.

Бурая бородавчатая жаба размером с кошку. Тварь уставилась на нас неподвижным взглядом, от которого у меня почему-то зашумело в ушах. Чем дольше я на нее смотрела, тем крупнее она мне казалась...

— Привет, малышка! — ласково сказала Эриза.

Девочка ответила сумрачным взглядом и что-то быстро спрятала за спину.

— Не дам!

— Не бойся, я не возьму. Что там у тебя?

— Все равно отнимете! — горько сказала девочка, разжимая ладошку.

В ладошке оказалась помятая, слабо трепыхающаяся бабочка.

— Какая красивая!

— Слишком маленькая, — буркнула девочка.

— Ой, смотри, у нее с крылышек стерлась пыльца. Как жалко! Теперь она не сможет летать...

— Зачем ей летать? — сказала девочка, обрывая у бабочки крылышки. Жаба повернула к ней голову и распахнула рот. Крылья полетели туда, а потом сама бабочка — точнее, то, что от нее осталось. Жаба сглотнула и снова уставилась на нас.

— Она опять хочет кушать, — сообщила девочка, оглядывая нас по очереди оценивающим взглядом. — Если ее не кормить, она снова станет маленькой. А я хочу большую! Чтобы моя стала самой большой в городе!

— Эй, ты что это так на меня уставилась? — попятился Хассим.

— Не-е, — покачала головой девочка. — Тебя еще рано! Тебя ей пока не проглотить. Ей надо подрасти. А вот ее...

Эриза выпрямилась с застывшим лицом. Я дернула её за руку:

— Пошли-ка отсюда!

Молча обойдя жуткую девочку, мы пошли дальше. Я обернулась — парочка пристально следила за нами. Мне показалось, что жаба еще немного подросла.

— Интересное явление, — негромко сказала я Альве, когда улица осталась позади. — Мы увидели демона — все четверо!

— Демоны обретают плоть, — хладнокровно ответил Альва. — Граница между мирами здесь практически разрушена. Идет непрерывный процесс превращения материи. Как ты думаешь, откуда берутся оборотни?

— Но ребенок! Как может демон паразитировать на ребенке! Это же антинаучно!

— А кто тут паразитирует? По-моему, имеет место полный симбиоз!

Я покачала головой.

— Должно быть, девочка не понимает, с кем имеет дело. Для нее это просто игра...

— Ничего себе игра! — встрял Хассим. — Чуть не сожрали!

— Она все понимает, — сказала Эриза. — Это-то и страшно! Демон ее друг, мы — просто пища для него!

— Вот-вот, — сказал Альва. — Похоже, тут, в Ронге, сложилась невероятная, уникальная ситуация. Здешние демоны уже не подталкивают исподволь смертных к неверным решениям, а прямо приказывают им...

— Какой материал для диссертации пропадает, — буркнула я.

Извилистая улица привела нас на площадь, какую можно увидеть в любом городке: густая тень под апельсиновыми деревьями, в середине фонтан — мраморная богиня с двумя кувшинами в руках. Источник, из которого жители окрестных домов берут воду. Голова у богини была отколота, на ее месте лежал собачий череп.

— Шутники! — хмыкнул Хассим. — А голову куда дели?

— Ты можешь вылечить ее? — дрогнувшим голосом спросила Эриза. — Как ту богиню в горах?

Я медленно покачала головой. Та богиня была только покалечена и мертва. А здесь из глазниц собачьего черепа за нами следила злобная адская сущность.

— Еще и каких-то гадостей понаписали, — послышался голос Хассима с другой стороны фонтана.

Я посмотрела — действительно. На темно-сером камне виднелись черные и красные символы, знакомые мне еще по Академии. Символы весьма незамысловатые — приманить и удержать мелких демонов. Примитивная деревенская ворожба.

Я бы из такого фонтана пить не стала.

— Здесь все мертвое, — сказала Эриза. — Даже то, что выглядит живым. Какое страшное место, Имахена!

— Ну что я тебе могу посоветовать? Если увидишь что-то особенно страшное — просто зажмурься.

Я волновалась за Эризу. Определенно, мы зря ее сюда привели.

Дома вокруг площади выглядели жилыми, но запущенными: под стенами — кучи вонючего сора; сами стены облупились, и сквозь белую штукатурку там и сям просвечивал черный камень. Пара домов казалась брошенной: в одном на последнем этаже чернели следы пожара, а все двери были распахнуты настежь, во втором наоборот— дверь и все ставни тщательно забиты снаружи досками, а поверху разрисованы все теми же черными знаками. Щербатая мостовая на площади усыпана сухими листьями и

гнилыми апельсинами, которые явно никто и не думает убирать. Деревья разрослись, одичали. Если не считать шелеста листьев и журчания воды в фонтане, тут было совсем тихо. Тише, чем в горах...

— Знаете, на что это похоже? — спросила я, поворачиваясь к спутникам. — Тут как будто недавно мор прошел. Вонь, безлюдье, улицы отродясь не мыты...

— Ха! — сказал Хассим. — А по мне, местным просто плевать с высокой колокольни и на чистоту, и на порядок, и друг на друга!

— Да есть ли местные? — усомнилась я.

Однако местные тут имелись. Кто-то уже следил за нами из окна, прячась за ставнями, кто-то сопел из-за полуоткрытой двери, кто-то выглядывал из-за угла, готовясь в любой момент удрать. В общем-то, привычная мне картина. В краю Мураби бояться пришлых — нормально. Особенно когда двое из них явно колдуны.

— Следят, — вполголоса сказал Альва, который, конечно, тоже их заметил. — Выжидают...

— Чего? — спросил Хассим. — Удобного момента? Ты чего там вякнул, борода?!

Громко стукнул ставень, и «борода» спрятался в дом, как моллюск в раковину.

— Что он сказал? — спросила Эриза.

— «Свежее мясо»!

— Может, он его продает?

— А чего он тогда смотрел на меня и облизывался?

Альва усмехнулся.

— Следи за собой, парень, как бы чего-нибудь ненароком не откусили... О, наконец-то!

К нам приближался пожилой усатый дядька с такими же белесыми, как у Хассима, волосами, забранными в пучок. Нарядный красный кафтан с позументами был распахнут на голом пузе. Из грязных холщовых штанов торчали еще более грязные босые ноги. От дядьки отчетливо несло винным перегаром. Одутловатое лицо выражало знакомую выверенную смесь самоуверенности и подобострастия, характерную для мелкого начальства при встрече с более крупным.

За ним шаг в шаг ковылял точно такой же немолодой белобрысый дядька в красном кафтане. Только изо рта у него торчали небольшие желтые клыки, а в руках он нес свиток и чернильницу с пером.

— Это кто же к нам пожаловал? — поинтересовался первый, внимательно нас рассматривая и старательно пряча страх под

важностью. Второй развернул свиток и приготовился писать. — Колдуны?

— Они самые, — подтвердила я. — А вы кто?

— Алькальд я здешний, — с важностью сообщил дядька. — А колдунов чужих нам тут не надо! Своих хватает!

— Работа нам не нужна, — миролюбиво сказала я. — Мы тут проездом. Нам бы поесть, переночевать...

— Местные диковины осмотреть, — подхватил Хассим. — Всякие там башни...

Альва поднял руку, щелкнул пальцами, и Хассим испуганно схватился за горло. Открыл рот, словно его что-то пушило, попытался издать звук... Потом понял, скорчил злобную рожу и отвернулся.

На алькальда этот незамысловатый фокус произвел должное впечатление. Он уставился на Альву, обшарив его взглядом с головы до ног. Двойник с клыками подергал градоправителя за обшлаг рукава и ткнул пальцем в висящий на поясе мага Альфинур. На лице обоих выразилось одинаковое отвращение.

— Это что еще за мерзость?

— Меч, — ответил Альва. — Разве не видно?

— Меч! Знаем мы такие мечи. Дрянь какая! Зачем вы его сюда тащите? Не надо нам тут таких мечей! Не дозволю, — добавил градоправитель не очень уверенно, покосившись на своего двойника.

— Я разве спрашиваю позволения? — вежливо спросил Альва.

— Можете попытаться его забрать, — предложила я, ухмыльнувшись как можно пакостнее.

Беловолосый дядька скривился, отвернулся и долго шептался с двойником. Мне было интересно, как они выкрутятся. Пытаться реквизировать меч у Альвы — это даже не смешно...

— Тогда пусть завяжет ножны и поклянется не обнажать его в Ронге! — огласил алькальд результаты совещания.

Только я собралась поглумиться над ним еще немного, как...

— Согласен, — неожиданно сказал Альва.

— Отлично!

Дядька потер руки. Двойник с торжествующим видом сделал пометку в свитке.

Хассим толкнул меня локтем, кивнул на Альву и выразительно постучал себя по голове. Я ответила удивленным взглядом. Зачем? Что он затевает?

— А вот вам и веревочка!

Из рукава клыкастого двойника вынырнула черная змейка и скользнула из его руки в руку градоправителя. Я даже дышать

перестала, глядя на человека, который спокойно держал в руке маленького демона. Как, как они это делают? Альва что-то говорил о перерождении материи… Что это — нижний мир понемногу захватывает человеческий город или Ронга опускается в преисподнюю?!

— Не бери это! — сдавленно вскрикнула Эриза. — Не трогай!

Альва, не обратив внимания на ее слова, протянул алькальду меч. Черная змейка прыгнула на ножны, обвилась вокруг гарды, зашипела, дернулась… И в тот же миг превратилась в обычный кожаный шнурок.

— Вы что творите?! Колдовать не позволено!

— Даже не думал колдовать. Все по-честному. Спасибо за веревочку.

Градоправитель переглянулся с двойником и с мрачным видом сплюнул на мостовую. Оба выглядели очень недовольными. Мы с Хассимом злорадно захихикали. Даже Эриза впервые за день улыбнулась.

Остальные гости города парочку в красных кафтанах не особенно заинтересовали. При виде меня алькальд досадливо скривился — «можно подумать, своих ведьм у нас мало!». На Хассима посмотрел чуть дольше и вдруг подмигнул ему. Хассим вытаращился на него так, что было совершенно ясно — парень ничего не понял. Да и я, признаться, тоже. По Эризе дядька только мазнул равнодушным взглядом.

— Уговорили, — буркнул он. — Ну, колдуны, добро пожаловать в Ронгу, столицу царства Мураби! Вы вроде переночевать тут собирались? Это хорошо… Пойдемте, провожу вас до приличной таверны…

— Ишь какой — уговорили его! — шепнула я Альве, когда мы направились вслед за градоправителем вверх по улице — Попытался бы он нас не пустить!

Альва пожал плечами.

— Что ты за комедию тут разыграл с этими ножнами? Зачем ты вообще согласился?

— Чтобы не ставить алькальда в безвыходное положение. Я дал ему возможность оправдаться перед его хозяином и сохранить лицо перед нами.

— Зачем?!

— Всему есть предел. Он же не мог допустить, чтобы на глазах демона в город пронесли такое оружие, как Альфинур! Да местные не должны были пустить нас дальше ворот. А вернее — расстрелять на подходах!

— Кому расстреливать? — хмыкнула я. — Ты же видишь, город почти вымер. На стенах ни единого воина, почти все дома

стоят пустые. Его некому защищать. Ты мог просто послать куда подальше этого старого пьянчугу вместе с его демоном! А если бы он попытался нас выгнать...

— Он не хотел нас выгонять. Больше всего боялся, что-бы мы не ушли. Но договор есть договор.

— О чем это ты? — озадаченно произнесла я. — Зачем мы ему?

— Это мы скоро узнаем.

Я почувствовала прикосновение холодной влажной руки

— Что с тобой?

На лбу Эризы блестели капли пота.

— Я, наверное, заболела, — пробормотала она. — Душно, в глазах темно... Открываю глаза — все равно как ночью... Небо давит...

Я покачала головой.

— Нельзя же держать открытым «око сердца» в таком паршивом месте! Хочешь, попробую закрыть его тебе? Но предупреждаю честно — вообще такие вещи лучше не делать насильственно. Может потом и не открыться. Со своими глазами чародей должен управляться только сам...

На лице Эризы возникло знакомое упрямое выражение

— Нет уж, не надо. Я справлюсь!

— Даже не сомневалась! Повторяю — если будет тяжело, просто не смотри. А главное, ни во что не вмешивайся…

Мы шли довольно долго, успев по пути осмотреть половину города. Когда-то Ронга была действительно столицей княжества, богатой и очень красивой. При виде колоннад с капителями, распускающимися как цветы, мне вспоминался павильон в горах, где я беседовала с призраком Сорайи. Но теперь от всей этой красоты осталось не больше, чем от того павильона. Даже хуже. Там просто древние развалины — а тут не то лень, не то небрежность... разруха, медленное умирание при полном равнодушии жителей. Пересохшие фонтаны на перекрестках, которые никто не чинит; выщербленные мостовые, облупившаяся штукатурка, сломанные ставни, повисшие на одном гвозде карнизы и водосточные трубы. Вдоль стен шмыгают крысы...

— Правда, красота? — самодовольно спрашивал алькальд, замечая наши косые взгляды, но в упор не замечая никакого непорядка. — Небось никогда такого не видали? Одно слово — столица Мураби!

Над всем этим высилась единственная крепкая, могучим постройка — черная башня. Несмотря на приземистый вид — ширина ее вдвое превосходила высоту, — башню было видно из любой точки города. Чем ближе мы к ней подбирались, тем более

давящей она казалась, грузно нависая над крышами и загораживая полнеба. На гладких черных стенах плясали слабые красноватые отсветы, как будто у её подножия горел огонь.

Вскоре мы поняли, откуда берется этот свет. Дома расступились, и мы вышли — сперва показалось, к реке. Хассим первым подбежал к каменному парапету, перегнулся через него и замахал нам руками, взволнованно мыча.

Нет, это была не набережная! Мы вышли на край пропасти — той грандиозной трещины, которую видели с перевала и которая рассекала всю долину Ронги. В вечернем сумраке она действительно казалась бездонной, уходя вниз на сотни локтей. Далеко, очень далеко внизу дрожало и мерцало золотисто-багровое сияние, отбрасывая блики на стены башни. Пропасть дышала зловонным жаром, словно огромная печь.

— Это же преисподняя! — прошептала Эриза в священном ужасе. — Жители Ронги открыли ворота в ад!

— Отлично! — отозвалась я с наигранным энтузиазмом. — Его-то нам и надо!

Альва, указывая на башню, тихо сказал:

— Вот наша цель. Нам туда.

— Ы! — напомнил о себе Хассим, дергая его за рукав.

— Можешь говорить, — разрешил Альва.

— Убью!!!

— А можешь и не говорить, — подхватила я. — Альва, мне понравилось путешествовать в тишине! Давай он помолчит до завтра?

— Я уже молчу, — быстро ответил Хассим. — Просто что хотел сказать? Я эту башню уже видел! Чтоб мне провалиться, она мне знакома! Где я мог ее видеть? Во сне?

— А ты случайно не видел в том же сне, где в ней дверь? — спросила я, растирая занывшие виски.

Горячий воздух накатывал волнами, вышибая пот на лбу. От серных испарений меня начало мутить.

— Я знаю, где дверь, — сказал Альва. — Видите вон те ворота? Точно такие же — с другой стороны. А сама башня стоит на мосту над пропастью. Она и есть этот мост. Похоже, парень, мы с тобой смотрели одни и те же сны.

Больше он ничего не добавил, только повел глазами в сторону градоправителя и его двойника, которые молча дожидались нас в сторонке, делая вид, будто вовсе не подслушивают.

Уйдя с «набережной», мы свернули на широкую улицу, которая вела, видимо, от башни к главной рыночной площади. Разруха тут не так бросалась в глаза — впрочем, может, сумерки

скрывали ее. Если не приглядываться — город и город. В многочисленных окнах зажигались огни, на улицу выходили люди. С каждым мгновением их становилось все больше.

С неба пахнуло ветром. Я подняла голову и застыла: прямо над нами в густых сумерках неспешно пролетал» нарядная дама. Подол ее белой кружевной юбки и острые каблучки проплыли так низко, что долговязый Хассим вполне мог бы до них дотянуться. Лицо у женщины было красивое, гордое и невозмутимое, взгляд устремлен вдаль.

— Как это понимать? — изумилась я.

— Ведьма, — лаконично сказал Альва, глядя, как дама с надменным видом пролетает над толпой в сторону башни.

— А почему без метлы? — тут же спросил Хассим.

— Этой ведьме метла не нужна, — задумчиво ответил чародей. — Полагаю, она уже легко обходится без нее...

Вскоре совсем стемнело, но в городе становилось все оживленнее. Темноту разгоняли фонари и факелы. Со всех сторон слышались громкие голоса, ругань, женский смех… Откуда-то доносились звуки зажигательной музыки и глухой ритмичный стук барабана. В воздухе над нами то и дело мелькали тени разряженных ведьм и ведьмаков.

— Ну вот, — довольно отметил Хассим, вертя головой по сторонам, — стало немного повеселее! Самое время пропустить по кружечке!

— Не возражаю, — сказала я. — Уважаемый, где эта ваша «приличная» таверна?

Алькальд встрепенулся и указал на вполне характерный двухэтажный дом в конце улицы. За углом, на площади, стоял гомон и вспыхивали все новые огни.

— Вон в той вроде были комнаты наверху. Если кому-нибудь чего-нибудь захочется после праздника, — градоправитель сально подмигнул, — можно снять на всю ночь, хоть это и дороговато будет...

— А нормального постоялого двора у вас нет? — поморщившись, спросила я.

— Да откуда? Гостей-то у нас нет. Раньше хоть с ближних ферм приезжали, а теперь и оттуда уж с начала лета никто не появлялся.

— Чем же вы тут питаетесь? — спросила я.

— Предыдущими гостями! — предположил Хассим. — Потому больше и не приезжают!

Градоправитель захихикал, словно услышал отличную шутку. Потом замялся, как будто готовясь что-то нам сообщить. Я заметила, что его двойник снова достал перо и развернул свиток.

— Нынче ночью у нас праздник, — сказал алькальд, изобразив на физиономии на редкость фальшивое радушие. — В честь очередного визита Господина Бед, слава ему! Будут танцы, шествие с факелами, звериная травля... Ну и угощение с выпивкой, конечно. Приглашаю гостей города!

— Благодарим за приглашение, — торжественно ответил Альва. — Мы придем.

Клыкастый двойник что-то быстро записывал в свой свиток.

— Простите, уважаемый, — обратилась я к алькальду, кивая на двойника, — избавьте меня от мук любознательности. Кто это, настолько на вас похожий?

— Моя личная добрая память, — с гордостью сказал градоправитель. — Не просто было ее заслужить!

— Как это?

— Он записывает все мои правильные слова и деяния на посту алькальда. Все будет записано!

— Зачем? — спросил Хассим.

— Когда правильных деяний наберется достаточно, мы с ним поменяемся. Я займу его место и пойду служить Господину. А он займет мое место в Ронге. Так мне было обещано...

«Да у вас тут все еще более запущено, чем я предполагала!» — подумала я. И, пропустив градоправителя вперёд к дверям таверны, шепотом сказала нашим:

— Так, алькальду не верим. Как только видим, что демон записывает, — значит, или соврал, или нарочно сказал что-то вредоносное.

— У него двойник — демон! — содрогнувшись, повторила Эриза.

— А ты кого ожидала тут встретить? Брата-близнеца? — съязвил Хассим.

— Неужели тебе не страшно? Нечисть ходит по городу, как будто так и надо...

— Ну и что? Это ведь не моя нечисть.

«Это точно, — подумала я. — Со своим демоном ты не знаком, но все впереди...»

— Не помните, когда он начал записывать? — спросил Хассим. — Случайно не когда говорил о ценах?

— Нет, когда ты острил насчет человечины, — отозвался Альва.

— Ну так пошли проверим, — беспечно отозвался Хассим, открывая дверь и окунаясь в чад и гам таверны.

Наш паладин остался стоять возле входа, неподвижный, словно поставленное для привлечения клиентов чучело. Собака улеглась у его ног. На них по-прежнему никто не обращал

внимания. Похоже, в Ронге давно привыкли к такого рода молчаливым спутникам.

ГЛАВА 27. Ведьмы Ронги

Первым делом я договорилась с хозяином насчет комнат. Были они неуютные и грязноватые, задерживаться в них не хотелось. Похоже, тут они в самом деле использовались только для тайных свиданий на скорую руку. Мы затащили наверх вещи и спустились ужинать.

Обеденный зал можно было описать двумя словами — закопченный и засаленный. Все столы были заняты, кроме одного посередине — там мы и расположились. Народ все прибывал. Шли сюда явно не есть, а пьянствовать. Усатые мрачные мужчины, все как один похожие на престарелых спившихся разбойников, сидели кучками у стен, ссутулившись и надвинув на глаза шляпы. Из-под полей поблескивали недружелюбные взгляды.

Под потолком стоял сизый дым, пахло подгорелым жиром, стол покрывала восковая пленка, ложки и вилки прилипали к рукам. На ужин нам предложили пузатый кувшин вина и целую гору обугленных свиных ребер — пережаренных и пересоленных, — на которые немедленно накинулся проголодавшийся Хассим.

— А тебе не советую, — с набитым ртом сообщил он Эризе. — Знаешь, на всякий случай. Мало ли чье это мясо...

— Ешь, — велела я Эризе. — Не слушай его! Свинина как свинина, а мы с утра не ели...

— Не хочется. Тут все такое грязное... А я так устала...

— Пусть отдохнет, — поддержал ее Альва. — Поест наверху из наших запасов и ляжет спать. Кто знает, удастся ли этой ночью нам уснуть вообще?

— Так зачем принимал приглашение старого пройдохи алькальда? — зевая, спросила я. — Зачем тебе этот их праздник... и как его... факельное шествие?

— Знаешь, в каком направлении двинется это шествие?

— Нет...

— А я выяснил. Отсюда, с площади — в башню.

Я моргнула. Сон сразу куда-то подевался.

— Там, внутри, будет проходить «звериная травля», продолжал Альва вполголоса. — Это мероприятие меня особенно интересует. Каких зверей они там собираются травить? В краю Мураби нет хищников...

Речь Альвы потонула в гомоне и визгливом смехе. В таверну, громко требуя вина и закусок, ввалилась целая компания, которая явно уже где-то начала праздновать и теперь собиралась продолжить. Компания своеобразная — одни женщины.

Принаряженные, оживленные, крикливые. Интересно, где веселились их мужья?

— Можно к вам? — Без лишних церемоний местные дамы окружили наш стол, бочком втискиваясь на скамейки. — О, у вас тут вино! Непочатый кувшин!

— Да забирайте хоть весь, — буркнул Хассим, зажатый между двумя упитанными красотками. Остальные, кому не хватило места, обступили стол. У меня в глазах зарябило от шалей, раскрашенных лиц и пышных бюстов. Взгляды дам тут же скрестились на невозмутимом лице Альвы.

— Откуда прибыли, господин алим?

— Как вам наша прекрасная Ронга?

— А вино? Разве оно не великолепно?

— Если бы его еще водой не доливали, цены бы ему не было, — буркнул Хассим, вызвав шквал возмущенных протестов.

— Наше вино — лучшее в Мураби! Не слушайте его, он ничего не понимает. Угощайтесь, господин алим!

Незваные гостьи застенчивостью явно не страдали. Одна девчонка, непрерывно хихикая, как бы невзначай присела на колени к Альве, но тут же получила пинка и с обиженной миной убежала. Остальные сделали выводы, но по-прежнему изо всех сил пытались вовлечь иноземца-чародея в разговор. А вот Хассиму приходилось не легко. Наблюдая за ним, я забавлялась от души. Несколько крупных тетушек постарше присматривались — и не только присматривались — к белобрысому парню, словно к куску мяса на рынке. Хассим тоже пытался делать надменное лицо, но его выдавали испуганно бегающие глаза. На Эризу никто не обращал внимания; если бы не я, совсем оттерли от стола.

— Мы здесь чародеев очень уважаем, — говорила красивая нарядная брюнетка с громким голосом, чувственным ртом и холодными глазами, обращаясь исключительно к Альве. — Но, по правде сказать, их у нас почти не осталось. Что поделаешь — лучших первыми забирает к себе Господин Бед. Остаются же... — Красавица презрительно повела бюстом в сторону усатых пьянчуг у стенок. — Зато ведьм у нас тут предостаточно. Я бы даже сказала, слишком много. Некоторые называют себя ведьмами, а сами простую порчу навести не способны. Ну да Господин им судья! К счастью, — приосанилась она, — встречаются среди нас и настоящие! Ведь каждая истинная женщина — в чем-то ведьма! Вы согласны со мной, милочка? — обратилась она ко мне, поскольку Альва на ее речь вообще никак не отреагировал.

— Не знаю, я не ведьма, — сказала я, чтобы она отвязалась.

Красивая брюнетка на миг растерялась.

— Странно! А мне почудилось...

— Внешность обманчива. Смотрите вглубь, — посоветовала я.

Тут я ничем не рисковала — у красотки не было ни малейшего желания изучать мою сущность. Ее, как и прочих, интересовал исключительно Альва. Я заметила взгляды, которые местные дамы бросали на Альфинур. Опасное и таинственное оружие на поясе пугало их, но и притягивало, только прибавляя очарования чужеземцу-колдуну.

— Что ж, — сказала красотка, с усмешкой отворачиваясь от меня, — действительно, если носить мужской балахон и делать наглое лицо, можно ввести в заблуждение каких-нибудь старых простачков вроде нашего алькальда... Вот господин алим, — льстиво добавила она, — тут нет ни малейших сомнений. Это ощущение яростной, неодолимой силы не подделать! Я чувствую его вот здесь, — она положила руку на утопающую в кружевах грудь, — в сердце…

— Ниже надо показывать, — с лукавым видом шепнула бедно одетая черноглазая женщина на дальнем конце стола. Остальные охотно захихикали. Красотка не обратила на реплику ни малейшего внимания. Она, не отрывая взгляда, хищно смотрела на Альву. Тот задумчиво чистил ножом ногти.

— Почему же истинная женщина — непременно ведьма? — спросила вдруг Эриза.

— Деточка, разве не очевидно? Ведьма — сильная, свободная женщина. Она обладает выдающейся привлекательностью, с легкостью подчиняя себе чужую волю. Она всегда получает, чего хочет. Ведьма приказывает и людям, и духам. Она владеет своими мужчинами, а не они ею...

Эриза, глядевшая в стол, подняла на нее мрачный взгляд:

— Ведьма творит зло!

Все посмотрели на нее и засмеялись. Красивая брюнетка даже на миг онемела от такой наивности.

— Ведьма делает то, что пожелает, — сказала она, гляди на Эризу с таким изумлением, будто с ней заговорила тарелка. — Что такое зло, деточка? Все относительно. У любого поступка две стороны. То, что благо одному, зло другому. Каждый заботится о своем, это в природе вещей. Так почему же меня должны заботить желания другого? Тот, кто хочет себе блага за мой счет?

— Похотливые самки, называющие себя ведьмами, желают власти. Но они ошибаются, считая, что обладают ею, — громко произнесла сухопарая, строго одетая блондинка с тусклыми глазами и узким ртом, тоже глядя только на Альву. — На самом деле они только потакают своим ничтожным страстишкам. У них нет власти даже над собой!

Альва поднял голову.

— Это правда, — заметил он.

Бесцветная блондинка самодовольно улыбнулась. Она явно считала себя умнее всех присутствующих, но была слишком высокомерна, чтобы демонстрировать им это.

— Желания тела просты, грубы и примитивны. Но разум, свободный, разрушающий все границы дозволенного, может зайти гораздо дальше по пути, указанном нам Господином! Только те, кто живет жизнью ума, достойны называться людьми, — продолжала блондинка, взглядом ясно давая понять, что из присутствующих таковыми могут считаться лишь она и Альва. — Все прочие — просто животные. Они пригодны только для одного, — с неожиданной злобой загнила она, уставившись в упор на брюнетку, — на развод и на забой!

Красотка побагровела. На миг мне показалось, что сейчас она вцепится блондинке в жидкие косы. В неловкой тишине раздался одинокий веселый смех. Хихикала та бедно одетая черноглазая женщина с лукавым взглядом.

— Девочки, как вы все серьезны! Быть ведьмой — так весело! Какое это удовольствие — смеяться над всеми!

— Да уж, если больше ничего нет, остается только смеяться, — буркнула красотка.

Шутница пропустила мимо ушей любезное замечание, бросила осторожный взгляд на Альву, правильно истолковала его безразличное выражение, и на ее губах тут же появилась ехидная улыбка.

— Но особенно приятно смеяться над мужчинами!

За столом тут же начался оживленный галдеж.

— За что ты так ненавидишь мужчин, Анилу?

— О нет, я их нежно люблю, они такие потешные!

— Да ладно, скажи нам правду! Когда у тебя последний раз был мужчина?

— Не уверена, что это был именно мужчина... Он был слишком хорош для него. Больше напоминал инкуба.

— О-о! Демон?

— Ну что вы, девочки! Демон — это банально...

Все были заинтригованы. Даже чародей отошел на второй план. Анилу, оказавшись в центре внимания, удовлетворенно улыбалась.

— Смотря какой демон, — заметил кто-то очень многозначительным тоном. — Вот, помнится...

— Главное, чтобы не в виде черного пса!

— А что такого? — под общий хохот невозмутимо возразила Анилу. — Подстричь когти, и пользуйся на здоровье! И заметьте, сколько преимуществ перед мужчиной: не спорит, не требует

пищу, а если требует, всегда можно треснуть кочергой по спине и выгнать ночевать во двор. А еще...

Гомон стал оглушительным. Теперь трещали все одновременно.

— «Пошел вон, кобель»! И он и слова поперек не скажет, потому что это правда! Ха-ха!

— Дура, потому что он не умеет разговаривать! Он же пес!

— Гм, а что? Мне даже понравилось, — сказала я, когда оставив веселой компании, совершенно про нас забывшей, стол и кувшин с вином, мы вышли на крыльцо подышать свежим воздухом. — Весьма забавно. Напомнило иные посиделки на факультете целительниц. Хорошо, что я туда ходила нечасто!

Альва улыбнулся, глядя в усыпанное звездами небо.

— Незримая Академия... Славное было время!

Почему-то от этой невинной реплики у меня в душе вспыхнула ярость. Но я решительно задавила ее. Нет, только не здесь. Не в Ронге. Никаких лазеек демонам. Наивно полагать, что за нами не следят. Конечно, следят — каждое мгновение, дожидаясь малейшей ошибки. Пусть Альва предается ностальгическим воспоминаниям, если они его тешат. Какое мне дело?

— Как ты, Эри? — спросила я девочку, которая вышла из таверны вместе с нами.

— Отвратительные, уродливые старухи! — спокойно ответила она.

Я настороженно взглянула на Эризу. Весь ужин я косилась на нее, готовясь прийти на помощь, если понадобится, но она держалась очень прилично. Что там скрывалось под этим спокойствием? Что у нее на душе?

— И глаза у них мертвые, и пахнут они, как мертвецы, — говорила Эриза все тем же пугающе ровным голосом. — Нет, хуже! Мертвецов упокоила земля, и они тихо спят в ней, мирные и чистые... А эти — все умирают и умирают, да никак не умрут!

— Это может продолжаться долго, — заметил Альва.

— Нет, не может, — резко сказала я. — У них с начала лета нехватка еды. Раньше их кормили окрестные фермы, но теперь, видно, и до них дошел черед. Сейчас они доедают прошлогодние запасы... Хассим сказал бы — «и допивают»... Кстати, где он?

Я оглянулась. На крыльце, кроме нас, никого не было. Приоткрыла дверь в таверну — за столом болтали и пили одни женщины. Мне почему-то стало тревожно.

— Эриза, ты не видела Хассима?

Девочка качнула головой с отсутствующим видом.

— Кто последним его видел?! Альва?

— Он вроде выходил незадолго до нас...

— Один?

— Нет, — помедлив, сказал он. — С какой-то девушкой.

Я с тревогой вспомнила грудастых теток, что оглядывали и ощупывали парня за столом с таким видом, будто собирались его съесть... Гм, а вдруг?! В таком месте, как Ронга ни в чем нельзя быть уверенным...

Ощутив кожей холодное прикосновение, я резко обернулась. Паладин, о котором я совершенно забыла, тронул меня за руку и указал в сторону площади.

Хассим отыскался на удивление быстро. Я заметила его почти сразу — стоял, прислонившись спиной к раскидистому платану, и мечтательно смотрел в толпу танцующих. Я устремилась к нему, испытывая смешанные чувства гнева и облегчения. Кажется, ничего плохого не случилось. Но как он может быть так беспечен? Можно подумать, пришел на деревенский праздник! Почему он скрылся, никого не предупредив?!

На упреки Хассим, к моему удивлению, даже не огрызнулся.

— Едва отвязался от тех баб, — небрежно проговорил он, словно только что меня заметив. — Чокнутые старухи! Я уж думал, тут вообще нормальных людей не осталось...

— А что, нашел кого-то? — спросила я с искренним интересом.

— Угу.

— Не верю. Тут уже младенцы норовят кого-нибудь придушить.

— Вон, смотри!

Я прищурилась, вглядываясь в пляску огней, шалей и пестрых юбок.

— Ах, вот оно что. Это ты с ней ушел из таверны?

Хассим кивнул.

— Сидел там как в чаду, и тут она — как ведро холодной воды на голову! Я словно проснулся и думаю — что я тут забыл? И пошел к ней...

Танцующие, держась за руки, пронеслись мимо нас. В хороводе снова мелькнуло розовое платье и нежное девичье лицо. Девушка глядела на Хассима так, словно встретила свой идеал. Тонкая, легкая и воздушная, она казалась одной из добрых богинь, по непонятной ошибке слетевших в погрязшую во тьме и грязи Ронгу. За руки ее держали два косматых демона.

— А их ты видишь? — спросила я Хассима. — Ты, видно, не обратил внимания, с кем она пляшет... Стой, куда?! Думаешь, она о них не знает?!

Хассим, рванувший было к танцующим, обернулся. На но лице отразилось недоверие.

— Что ты сказала?

— Это ее демоны. Она ими охотно с тобой поделится.

— Чушь! Какое зло она может причинить? Разве ты не видишь, какая она...

— Чистая и невинная? Ну да. Это пока. А ты разве не видишь, как ей нравится с ними танцевать?

— Она не понимает, что делает!

— О нет, вполне понимает. — Я догнала Хассима и крепко взяла его за локоть, провожая взглядом хоровод, в котором людей и танцующих, порхающих и витающих над головами демонов, было примерно пополам. — Она просто ещё ни разу по-настоящему не влипала. Она верит, что уж с ней-то ничего не случится.

Девушка обернулась, чтобы бросить на Хассима еще один проникновенный взгляд, и споткнулась. Демоны подхватили ее под руки. Девушка мило улыбнулась обоим, и танцующие снова скрылись из виду.

— Не беспокойся, они крепко ее держат, — сказала я. — Тебе там места не найдется. Увлекательная игра — разбивать сердца. Демоны уж подскажут, как сделать это наверняка и потом ничем не платить. Думаешь, она не понимает, что это зло? Поверь, догадывается.

— Откуда ты знаешь?

Да любая девушка об этом знает! Это так, ерунда. Но надо же с чего-то начинать... Что там за суета?

Хассим вытянул шею, оглядываясь.

Там Альва. Машет нам рукой... Вроде чем-то расстроен… А где наша малявка?

Как выяснилось впоследствии, это был полностью прокол Альвы. Точнее, высокомерие опытного чародея, который решил, что проблема выеденного яйца не стоит, и прошёл мимо. А Эриза не прошла. Хотя я лично предупреждала её ни во что не вмешиваться.

Внешне все выглядело обыденно и даже смешно. В узеньком переулке недалеко от площади подрались две старухи. Сперва явно привычно поливали друг друга бранью, постепенно закипая, пока не перешли к потасовке с визгом, воплями и выдранными седыми космами. Проходящий мимо народ хохотал и давал старым перечницам практические советы. Альва брезгливо отвернулся, даже не проверив,следует ли за ним Эриза.

— ... Два демона — вроде той жабы, что мы видели у ворот,

только размером с дом, — быстро рассказывал Альва, пока мы возвращались в таверну. — У каждой старухи по огромной жабе...

— Еще бы, если десятилетиями ежедневно ругаться — такого монстра можно вырастить! Всю жизнь копить злобу на прокорм адским тварям! Представляю, сколько таких невидимых жаб скакало по хариме! Или это демоны завели себе двух старух и ссорили их всю жизнь? И что Эриза?

— Попыталась вмешаться, и старухи накинулись на нее — а вместе с ними и их демоны. Я опоздал на миг — услышал шум, обернулся, но Эриза уже билась в падучей… Я только стиснула зубы, чтобы не наговорить ему лишнего. Вокруг ошивалось еще немало голодной нечисти.

Мы взбежали по скрипучей внешней лестнице наверх, мимо застывших как на часах паладина и собаки. Я распахнула дверь в темную и душную комнату. Эриза лежала на постели, словно мертвая. Мерцающие огни праздника едва освещали неподвижное лицо. Я села рядом на постель, положила руку ей на лоб, выровняла дыхание и послала сканирующий импульс. Проверка меня успокоила. Альва все сделал правильно, хоть и грубо, отправив ее в глубокий, глухой сон без сновидений. Эриза пережила потрясение, но ничего непоправимого не произошло. Впервые с того времени, как мы вошли в ворота Ронги, лицо девочки выглядело умиротворенным и по настоящему спокойным.

— Она никогда добровольно не пустит в себя демона, — сказала я, убирая руку. — Но она слишком чувствительна.

Альва кивнул. Я с бешенством взглянула ему в глаза:

— Что же ты не помог ей, специалист по демонам?!

— Я сделал все, что нужно. Остановил припадок, усыпил, отнес сюда. Сейчас она спит. И лучше бы ей проспать как можно дольше!

— Ей вообще нельзя тут находиться! Ей это не по силам. Ох, надеюсь, что удастся вылечить ее! Боюсь, она уже никогда не будет такой, как раньше...

Альва пожал плечами.

— Как твоя ученица она обрела здесь бесценный опыт.

— К бесам такой опыт! Альва, мне все сильнее кажется, что мы взялись за задачу, которая нам не по силам. Тут в самом деле словно мор прошел. Ронга отравлена, все здесь больны, все без исключения...

— «Болезнь — это бес»?

— Вот именно. Мой долг целителя — лечить их, но я не знаю, за что хвататься!

— Как ты их вылечишь? Поздно, Имахена. Они больны

безнадежно. То, что я наблюдал за этот день, окончательно меня убедило: тут годны только те методы, которыми пользовались в империи сто лет назад. Пусть умрет тело, лишь бы душа исцелилась.

Я недоверчиво взглянула на него.

— Ты готов «исцелить» их таким образом?

— Вполне.

— Нет, знаешь что, лучше не развивай эту тему. Не то мы с тобой поссоримся, а последствия... Ты ведь не хочешь стать главным демоном Ронги?

— У них уже есть главный демон. Тот, в честь которого устроен сегодняшний праздник. — Альва поглядел в мутное окно, прислушался.

— Времени у нас совсем мало, — сказал он. — Если не испепелить Ронгу вместе с жителями — что еще ты можешь предложить, Имахена?

Я помолчала, прислушиваясь к звукам музыки и шуму толпы за окном. Льющийся с улицы свет понемногу становился ярче.

— Помнишь, когда-то ты рассказывал о человеке, который считал болезнь живым существом?

— Да, парень, изучавший эпидемии. Я знал его. И что?

— Вот бы найти это существо и покончить с ним!

Альва промолчал, нахмурившись.

— Наверняка тут есть что-то, с чего все началось, продолжала я. — Трещина... Дверь... Колодец...

— Человек, Имахена. Человек.

— Демон, — поправила я. — Если бы найти его и раздавить! Осушить отравленный источник!

— Ты все верно говоришь, — мрачно сказал Альва. — Но почему-то эта идея мне совсем не нравится. Может, потому что я не хочу твоей смерти?

— Раньше надо было обо мне думать, — ответила я шепотом.

В окнах стало светло, как днем. Барабаны грохотали так, что мы даже не услышали, как в дверь дубасит Хассим.

— Эй! — заорал он, приоткрыв дверь и заглядывая внутрь. — Вы закончили? Тут шествие с факелами начинается! Нас зовут на праздник!

ГЛАВА 28. Звериная травля

Словно огненная змея, ползло шествие по улице, через мост над рдеющей пропастью, постепенно втягиваясь в ворота башни. Позади надрывались дудки и грохотали барабаны, факелы обдавали жаром и запахом смолы. Рядом с нами шла толпа дюжих парней, как бы невзначай окруживших нас со всех сторон, и парочка в красных кафтанах — алькальд со своим демоном. Я шепотом обратила на этот занятный факт внимание Альвы. Тот только плечами пожал. А относительно засилья женщин сказал:

— Война.

— Война закончилась сто лет назад!

— Тут она закончится с последним из Ахмар. Ты же знаешь, какие они бешеные. Вон на Хассима посмотри. У него, если ни с кем не сцепился, считай, день прожит зря...

— Так ты считаешь, он отсюда родом?

— Безусловно. Никаких сомнений. Он или его родители.

— Значит, здесь из него сделали демона?

— Тут и делать-то не надо, — усмехнулся Альва. — Он мог таким родиться. Мы не знаем, кто был его отец.

— Что вы там про меня? — навострил уши Хассим.

— Кто был твой отец? — спросил Альва.

— Понятия не имею! У нас говорили — наверняка какой-нибудь бес!

— Вот видишь?

Башня все приближалась, закрывая все небо, словно каменная туча, — казалось, вот-вот рухнет на голову! Мне было не по себе. Не люблю с разбегу кидаться прямо в драконье логово, не проведя даже разведки. Чем ближе к башне, тем сильнее я чувствовала себя беспомощной и почему-то обманутой. Только непонятно — в какой момент, кем и как.

Широкий каменный мост привел нас к воротам. В черной стене виднелась низкая арка, похожая на печное устье. Шествие кое-как просочилось в нее. Нас стиснули со всех сторон. В низком проходе было нечем дышать, голова закружилась от запаха пота и чада факелов. Толпа несла нас вперед по низкому душному коридору, словно сквозь чье-то смрадное чрево. Наконец впереди мелькнул яркий свет и раздался ровный, многоголосый шум. Давка прекратилась — нас вынесло на открытое пространство. Я жадно глотнула воздуха, подняла взгляд и увидела над собой небо.

А вокруг...

Крыши у башни не было. Зато имелась просторная,

посыпанная песком арена. И каменные скамьи, ступенями восходящие к краю стен. Мы оказались в амфитеатре — древнем, ровеснике того акведука над пропастью. Сейчас таких уже много сотен лет не строили — и не смогли бы, и за ненадобностью. Однако жители Ронги явно пользовались своим амфитеатром по прямому назначению. Арена, погруженная в землю на глубину полутора человеческих ростов, была ярко освещена по кругу факелами. Выше, на скамьях, кипел шумный и пестрый муравейник — бесчисленные зрители рассаживались по местам. Не так уж мало народу обитало в Ронге!

Шествие растеклось на множество ручейков и устремилось на трибуны.

— Сюда, дорогие гости, сюда!

Алькальд потянул нас в первый ряд. Арена оказалась прямо под нами.

— Лучшие места! Все видно будет! Ничего не пропустите!

— Кто-нибудь объяснит мне, что это? — спросил Хассим.

— Во времена Илиберры в таких амфитеатрах устраивались бои и звериная травля, — объяснила я. — Сейчас разве что в деревнях стравливают собак или быков, а в древности дело было поставлено широко и с глубоким смыслом. То, что первоначально было формой жертвоприношения, сейчас стало просто дикой забавой, кровавым зрелищем...

— Ну вы скажете — просто зрелище! — хмыкнул алькальд. — Да такого зрелища нигде не то что в Мураби — и во всем мире не найти!

— Это уж точно! Издевательство над животными с таким размахом...

— Эй, лоточник, сюда! — завопил алькальд в толпу, не слушая меня. — Мне пива и соленых оливок!

Я покачала головой, глядя на беса-двойника. «Добрая память» градоправителя хихикала, потирала когтистые ручки и даже приплясывала на месте. Что мне весьма не понравилось.

Взгляд выхватывал из толпы знакомые лица. Я узнала ту даму, которая пролетела над нами вечером. Она сидела в первом ряду с королевским видом, одинокая и надменная, трагически красивая и в то же время жуткая. Даже я, с моей квалификацией, не могла понять, демон она или человек. От нее веяло злым роком. Казалось, тот, кто встретится с ней взглядом, — погибнет.

Я отвернулась и поймала взгляд давешней шумной красотки из таверны. Она сидела немного выше нас, разряженная в пух и прах. Заметив, что я на нее смотрю, злорадно улыбнулась.

— Эй, ты, — обратилась я к демону-двойнику. — Ты мне кажешься немного умнее своего работодателя. Не введешь нас в

курс дела?

— Лесть не поможет, чародейка, — хихикнул двойник. — Впрочем, почему бы не рассказать? Ты совершенно права — звериная травля обладает глубоким смыслом. Ну и конечно, дает возможность порадоваться нашим смертным рабам. Но главное, она угодна Господину Бед. Все звери, что появляются на арене, — его создания. Прежде чем выпустить их в мир, он дает им возможность в первый раз убить и вкусить свою первую добычу. А пролитая кровь радует сердце Господина!

По моей спине пробежали мурашки. Мы не ошиблись — это оно! То место, где создают монстров.

Вот только не знаю, в нынешних обстоятельствах — радоваться этому или огорчаться...

— А где Господин Бед? — спросил Альва. — Он почтит присутствием это зрелище?

— Он уже среди нас.

Я, не удержавшись, оглянулась по сторонам. Демон ухмыльнулся.

— Неужели ты думаешь, что он покажет себя вот так запросто? Смертные увидят его, когда на песок прольется кровь. Может быть. Если будут достойны.

— То есть он не смертный? — спросила я с любопытством. — А кто?

— Не суетись, чародейка. Он явит себя, когда придет срок. Может, ты даже успеешь его увидеть.

— В каком смысле успе...

Земля дрогнула. Словно тень наползла на амфитеатр. В свете трепещущих огней песок вспыхнул красным. Стало тихо, как будто порыв ветра задул все голоса. Мне почудилось, что все присутствующие одновременно затаили дыхание.

С дальнего конца послышался глухой грохот. Я прищурилась. На дальнем конце арены виднелись еще одни ворота — темная нора, забранная решеткой. Решетку как раз поднимали.

Алькальд приподнялся, впился глазами в отверстие. Недоеденные оливки выпали изо рта. Я отстранилась, и в тот же миг меня толкнули с другой стороны. Быстрое движение, сдавленный возглас; что-то мелькнуло в воздухе, и на песок мешком свалился Хассим.

Точнее, его попросту туда скинули.

Я вскочила, и меня тут же крепко схватили сзади за локти. Чья-то потная лапа зажала рот.

— Наша травля — вовсе не дикая забава, как вы изволили выразиться, а культурное мероприятие, — сообщил демон-двойник, что-то записывая в свиток. — Здесь не люди травят

зверей. Здесь звери травят гостей!

Я укусила держащего за руку, дернула головой, крикнула невнятно:

— Альва!

— Спокойно, Имахена.

Альва сидел с прямой спиной, надменно подняв голову. Казалось, ему нет никакого дела до трех дюжих молодцов, заломивших ему руки и держащих у горла нож.

— Связать вас и заткнуть рты? — спросил алькальд, кидая в рот новую горсть оливок. — Или будете сидеть тихо и не портить представление глупой возней?

— Ну ты за это поплатишься, старый хрыч! — рявкнула я, быстро прикидывая расклад сил и пути отхода. Полдюжины парней для магички — чепуха! Сейчас я их раскидаю, а потом...

Алькальд взглянул мне в лицо и рассмеялся.

— Я знаю, что вы колдуны. Но вас тут двое. А нас — несколько тысяч! Кроме того, тут, в башне, не больно-то поколдуешь! Вот твой дружок поопытнее, он знает. Потому и помалкивает, да? Вам отсюда не уйти. Ну, нести веревки?

— Не трудитесь, — ответил за меня Альва. — Мы не причиним вам беспокойства. Очень хочется досмотреть представление до конца.

— Что ты несешь? — крикнула я гневно.

— Только без ваших штучек! — предупредил алькальд. — И не надейтесь на этот злодейский меч. Ножны завязаны, клятва записана! Руки держать на виду. Не шептаться! И не вставать. Иначе сразу клинок в спину! Будете себя хорошо нести — сегодня не съедят! Точнее, съедят не сегодня, хе-хе-хе...

Альва высокомерно отвернулся и перенес внимание на встрепанного Хассима, который поднялся на ноги и дико озирался по сторонам.

Я почувствовала, что меня отпускают и довольно грубо сажают обратно на каменную скамью. Кто-то задержал пятерню у меня на плече. Я скинула ее с отвращением. Сзади сально хихикнули.

— Ублюдки!

— Не дразни их, Имахена.

— Какое редкостное самообладание! — съязвила я. — И верно, что нам с тобой беспокоиться? Нас-то они убивать не станут. Два чародея — слишком ценная добыча, чтобы просто скормить ее зверью. Пищи «господину» хватает с избытком, а вот продвинутые слуги пригодятся...

— Помнишь наш договор? Успокойся и ни во что не вмешивайся, — настойчиво повторил Альва, бросив на меня

такой странный взгляд, что я умолкла на полуслове.

В мыслях была настоящая каша. Что все это значит? Почему Альва так себя ведет? Что-то задумал? Наверняка у него есть какой-то план... Но Хассим? Неужели Альва готов пожертвовать Хассимом? А почему бы нет? Кто он ему? И вообще, с чего я решила, что мы друзья? Кто предал один раз... Во мне уже зашевелились самые черные подозрения...

Но тут воздух наполнился лавинообразно нарастающим ропотом, переходящим в громоподобный дикий рев. Все, кроме нас с Альвой, повскакали на ноги.

Из темной норы вышла тварь.

В самом деле, в краю Мураби не было опасных диких животных. Зато имелись домашние.

Огромная свинья, в холке высотой с теленка, остановилась у выхода из норы, ошалев от воплей и подслеповато мигая. Из пасти вверх и вниз торчали острые кривые клыки. На спине и боках твари щетинились полосатые колючки, образуя на спине и холке живописный гребень.

Хассим увидел свинью и попятился, нашаривая на поясе рукоятку ножа. Но что тут можно было сделать жалкой полоской металла? Парень развернулся, подбежал к ограждению, подпрыгнул и зацепился руками за край трибуны. Его с азартными воплями спихнули обратно.

Свинья повернулась к нему и оскалилась. Трибуны ахнули, алькальд уронил кулек с оливками, — пасть скотины была полна натуральных волчьих клыков. Хассим вскочил на ноги и бросился наутек. Свинья нагнула голову и побежала за ним, все быстрее перебирая ногами.

— Хассим! — крикнула я, вскакивая. Тяжелые руки тут же прижали меня к скамье. — Альва, да очнись ты!

Альва не ответил. Нет, он был вполне в себе и внимательно следил за происходящим на арене. Я взглянула на него с искренней ненавистью.

— Жертвоприношение, — прошипела я. — Вот что это такое! Приносят в жертву чужаков! Потому-то к ним и перестали возить продовольствие. А когда кончатся и случайные путники, так они своих начнут кидать. На радость Господину Бед!

Альва ничего не ответил, но мне и не требовалось подтверждение. Я знала, что права. Демоны прожорливы, и со временем их голод только растет. Утолить его невозможно. Вот только наивные смертные об этом не догадываются. Начинается всегда с какой-то мелочи. Но только начни кормить демона — не остановишься, пока не будет сожрано и разрушено все, что возможно.

Трибуны взревели — Хассим прижался к дальней стенке. Тварь неслась прямо на него. Парень растерянно метнулся вправо, влево... И вдруг исчез!

Все завопили. Качнулось пламя факелов. Над головами пронеслась хвостатая тень. С дальней трибуны донеслись пронзительные крики — взмывший в воздух белколак грохнулся прямо в толпу. Зрители, толкаясь, спотыкаясь и падая, кто на четвереньках, кто ползком, кинулись в разные стороны. Белколак, покачиваясь, угнездился на скамье и испустил долгое, зловещее стрекотание. Хвост надулся, как шар, иглы растопырились и загудели.

Свинья с арены отозвалась рычащим хрюканьем. Белколак махнул хвостом. Над головами разбегающихся зрителей засвистели серые иглы. Люди попадали, закрывая головы руками. Залп игл ударил в ограждение арены. С полдюжины попало в бок свиньи, но не причинило ей ни малейшего вреда.

Белколак испустил разочарованный вопль, взвился и воздух, перескочил через стену и был таков.

Несколько мгновений было тихо. Потом амфитеатр наполнился громким ропотом, криками и возмущенным свистом. Люди вскакивали на ноги, на арену полетели огрызки...

— Альва, давай отсюда выбираться, — быстро проговорила я, хватая мага за руку. — Сейчас самый подходящий момент...

— Нет!

— Что значит «нет»?!

— То, что мы останемся тут, — прошипел он, отцепляя от себя мою руку. — Ты что, не понимаешь?! Я жду, когда он появится.

— Кто?

— Господин Бед! И тогда мы атакуем!

Не успела я осмыслить сказанное, как меня окатило мертвящим холодом. Я медленно повернулась туда, откуда веяло темным и нездешним, — и встретила загадочный взгляд черных глаз дамы, что пролетела над нами вечером. Да, таким взглядом в самом деле убивать можно! Этой-то что от меня надо?

Дама, не меняя выражения лица, посмотрела на алькальда. В тот же миг неведомая сила подняла меня над землей. Рывок, короткий полет, удар — и на арене появился новый участник игры — я.

Отсюда снизу толпа сливалась в одно орущее пятно. Я различала лишь лицо Альвы. На нем повисло человек пять, но он и не сопротивлялся, сидел как прежде — только губы сжались в полоску да отметка амирской контрразведки пылала на щеке, как огненное клеймо.

Сидел и ждал, что со мной будет дальше.

Тут я и сама почему-то успокоилась. Все чувства словно выморозило.

Что ж, пусть Альва выжидает. Может, и увидит хозяина этого ада. Может, даже сразится с ним. Но я этого уже не увижу.

Я тщательно отряхнулась, убрала волосы с лица. На трибунах воцарилось выжидающее молчание, которое нарушал лишь тяжелый, убыстряющийся топот. Тварь приближалась. Разбег, бросок! В последний момент я шагнула в сторону. В тишине клацнули клыки, свинья пронеслась мимо. Трибуны заорали и разразились рукоплесканиями.

Свинья пробежала еще десяток шагов, развернулась и снова кинулась на меня. Я пропустила ее под рукой и ударила в спину стандартным пульсаром. Тварь взвизгнула, но даже не покачнулась. Пульсар не причинил ей никакого вреда. Он едва до нее долетел. Мне даже показалось, что он развеялся еще в полете. Сила ушла в пустоту.

Свинья пошла на третий заход. Я попыталась достать ее экзорцизмом... И словно увязла рукой в смоле, едва увернувшись от клацнувших возле бедра клыков. Заодно поняла, почему алькальд и его прихвостни вели себя так нагло. Башня Ронги блокировала чужую магию. На самом деле абсолютно нормально для магической башни: если она не приняла тебя и не подпитывает, то подавляет и отвергает как чужеродное тело. А подпитаться от башни Ронги — нет уж, увольте! Хотя, может, именно этого от меня и хотят...

В четвертый раз мне не повезло. Тварь оказалась умнее, чем я думала, — в последний миг изменила направление бега и ударила меня плечом, усаженным иглами. Я следила за пастью и успела только блокировать удар предплечьем, но он оказался слишком сильным. Я отлетела шагов на десять, упала мягко, перекатилась через плечо и сразу встала на ноги. Рукав был разодран на полосы и оказался мокрым... Почему он мокрый? Я провела по нему левой рукой — ладонь стала красной.

Боли я не ощущала совсем, но, судя по тому, как быстро кровь пропитывала плащ, порезы были глубокие. Я быстро провела ладонью вдоль предплечья, чтобы закрыть их и остановить кровь...

И обнаружила, что моя целительская магия здесь тоже не работает.

На миг я растерялась, как первокурсница, ведь привыкла чувствовать себя неуязвимой.

Вопли на трибунах отдалились, стали невнятными. Вдоль позвоночника пополз холодок. Кажется, мои дела плохи... Без

магии и без оружия остается только уворачиваться. Но кровь с рукава уже капала на песок, и рука начинала неметь. Скоро начнет кружиться голова, замедлятся движения... У меня совсем мало времени, чтобы умиротворить эту скотину!

Свинья зафыркала, видно учуяв кровь, и неспешной рысцой направилась ко мне.

Воздух снова наполнился свистом и мельканием. Не совсем понимая, что происходит, я на всякий случай упала ничком на песок.

На этот раз залп получился более кучным и метким, Раздался хриплый визг. Я приподняла голову — свинья пятилась и вертела башкой, утыканной серыми иглами, Сверху налетел ветер, земля содрогнулась от удара. Один зверь-демон налетел на другого.

Адская свинья была крупнее, тяжелее и лучше защищена, но на стороне белколака имелось преимущество в скорости. Оборотень действовал чисто по-волчьи — налетел, резанул клыками, отскочил... Свинья вертелась, вслепую лязгала челюстями и уже не хрюкала, а рычала... Белколак плясал вокруг нее. За один удар сердца перекусил ей ногу (тварь упала на бок, пронзительно визжа), вспорол не защищенное иглами брюхо и выпустил кишки. Свинья забилась в агонии. Я поспешно поползла прочь, пока меня не размазали по арене. Белколак, наоборот, подскочил к врагу и стал рвать зубами горло. Хлынула кровь... Я отвернулась. Трибуны ревели.

Кто-то потрогал меня за плечо.

— Эй, Имахена, — раздался сзади знакомый голос.

Я повернула голову, приоткрыла глаза и увидела Хассима.

— Кровищи-то, — пробормотал он, оглядывая арену. — Как на бойне... Твоя работа?

— Твоя. — Я села и принялась закатывать пропитанный кровью рукав. Почему-то очень захотелось спать. — Ты только что завалил вон ту свинью.

-Я?!

— Ты. Превратился и загрыз ее. Ты же оборотень, забыл?

— Я, значит, завалил, — задумчиво повторил Хассим, глядя на издыхающую свинью. — А что, я могу! Я такой! Эге-гей, люди! Видали?!

Парень приосанился и помахал рукой трибунам. Те ответили взрывом аплодисментов. На песок посыпались цветы. Также летели яблочные огрызки и гнилые апельсины — видимо, их метали те, кто ставил на свинью. Хассим поднял розовый цветочек, засунул себе за ухо и подмигнул мне.

— Ты чего вернулся? Я думала, ты уже скачешь в родной Альсиен, разбираться со старейшинами...

— Гм, это мысль! А чего вернулся? Ну как чего — за вами! Вместе мы или не вместе? Эй, руки прочь! Попрошу не обниматься!

— Тогда ограничимся словесной благодарностью. Спасибо, Хассим. Я... не ожидала.

— Знаю я, чего вы ожидали, — ответил Хассим неожиданно горько. — Это вам спасибо — не убили меня с колдуном там, на Беличьей горе. Хоть ничего вам не мешало. Считай, мы в расчете.

— Второй раз меня уже спасаешь!

— Если что — обращайся, я всегда рад кого-нибудь загрызть, — заявил Хассим с прежним самодовольством.

— Лучше помоги потуже перетянуть руку. Я уже забыла, как это делается без магии... Проклятие, кровь так и капает ...

— Протяни ее и подержи неподвижно... А что будет дальше?

Я покосилась на главную трибуну. Алькальд оживленно совещался с двойником. Зимним сквозняком холодил мертвенный взгляд дамы. Альва смотрел на меня.

Интересно, это он приказал Хассиму вернуться или парень в самом деле принял решение сам?

— Едва ли нас отсюда выпустят, — сказала я. — Может, заставят биться между собой.

— С чего это они решат, что мы захотим драться?

— Напоминаю: ты — оборотень. Созданный здесь, в Ронге, неким Господином Бед. Предполагается, что он — твой хозяин и ты будешь делать то, что он прикажет.

Хассим гордо расправил плечи.

— Нет у меня никакого хозяина! Сам решаю, кого убивать и зачем. Уж точно не толпе на потеху.

Он повернулся к трибунам, показывая им обеими руками неприличные жесты.

— Слыхали, хамье?

Толпа ответила возмущенными криками.

— Кстати, ты помнишь, как снова превратился в человека? — спросила я, отмахиваясь от огрызков и недоеденных огурцов.

Хассим нахмурился, мотнул головой.

— Вроде бы все само случилось. Помню, как этот кабан бросился на меня — сперва быстро, а потом, смотрю, вроде бежит, а сам еле-еле ногами перебирает, будто по воздуху плывет...

— Время замедлилось, — кивнула я. — Нормально.

— ...И вдруг хлоп! — все стало черно-белым. А потом уже не помню. Вроде дрался...

Хассим бросил взгляд на тушу твари. Задние ноги свиньи еще дергались. Растерзанные кишки мерзко воняли.

— А потом услышал голос, — продолжал он, словно не веря себе самому. — Знаешь, чей? Эризы. Зовет меня, тянет тихонько: «Хасси-и-им! Хасси-и-им!» И я как-то сразу успокоился, — Хассим положил руку на грудь, — и вот туг меня что-то будто обожгло. И я как проснулся. Открываю глаза — я на арене, свинья подыхает, ты в крови...

— Вот что тебя обожгло, — сказала я, вглядываясь в висящий на шее Хассима амулет. Тот, на витой цепи, что я отобрала у него и отдала Эризе, а она снова ему подарила.

Оправа почернела, голубой камень потускнел и раскрошился.

— Надо же, сработало...

Голос Эризы на амулет записала я. Не сказав ей, для чего. Идея была моя, магия — ее. Ее власть над камнем, ее стихийная сила. Немалая сила — если амулет сработал чуть ли не прямо в башне Ронги...

Кровь наконец удалось остановить, а вокруг по-прежнему ничего не происходило. Я огляделась. Чего ждём? Публика уже заскучала!

Как я догадалась позднее, жители Ронги ждали появления Господина Бед. Он получил свою жертву — пусть не ту, которая была изначально запланирована, — но кровь пролилась, и самое время было ему явиться, чтобы успеть напитаться отобранной жизнью. Однако Господин не явился. Видимо, жертва ему не понравилась. Или крови оказалось маловато. И потому, посовещавшись, местные главари решили продолжать представление.

В дальнем конце арены снова загрохотала решетка. Уже другая.

— Хассим, приготовься!

Трибуны взревели и затаили дыхание. В мертвой тишине четко прозвучало шуршание чешуи по песку.

— Ну и где? — озадаченно спросил Хассим.

Я расставила руки в стороны, растопырив ладони, но глаза на них так и не открылись — в них словно насыпали черного пепла.

Зашуршало с другой стороны. Я ударила пульсаром вслепую. Сила снова рассеялась прямо в воздухе, но на миг словно молнией высветило длинное серое туловище. Извиваясь и перебирая лапами, оно быстро текло прямо к нам.

— Невидимка! — крикнула я, шарахнувшись в сторону. Берегись!

Поздно! Свист, отрывистый возглас — и Хассим валяется на спине, утыканный колючками, как подушечка для булавок. Тварь, постепенно становясь видимой, нависает над ним, распахнув желтую пасть. Она похожа на ящерицу или на многоногую змею

— примерно такую, как мы нашли под обломками башни Ан-Джезир, только раз в двадцать крупнее. Взгляд у нее неподвижный и слишком разумный дли рептилии. На загривке топорщится игольчатый гребень.

Я бросила взгляд на трибуны. На самом деле просто хотела в последний раз посмотреть на Альву. Но что он делает? Встает, снимает с пояса меч...

И бросает его на арену, прямо мне под ноги.

Я еще успела подумать, что слишком поздно он спохватился, и тут началось нечто странное.

Иглы на спине ящерицы опустились. Потеряв интерес к добыче, она развернулась и поползла прочь, не обращая на меня никакого внимания.

Я быстро подобрала Альфинур и несколько мгновений стояла, вцепившись в рукоять, пока ящерица не скрылась в норе за решеткой. Потом я очнулась и бросилась к Хассиму. Он был весь утыкан иглами, но еще дышал. Если бы сейчас оказаться подальше от Ронги, я бы мгновенно вылечила его! Я сунула меч за пояс, подхватила Хассима, собираясь поднять его, и тут на меня снова обрушился громоподобный рев.

— Господин Бед! — скандировали трибуны. — Господин Бед!!!

Ряд за рядом люди сползали со скамей и падали на колени. Пламя факелов полыхнуло и метнулось к небу, словно подхваченное вихрем. Я выхватила меч и завертелась, пытаясь понять, кому они кланяются...

Он стоял на передней трибуне, и пространство расплывалось вокруг него, теряя очертания. Слишком высокий для человека, широкоплечий, серокожий. Острые уши, когтистые руки, жестокое лицо. Пылающие глаза — один синий, другой красный.

— Альва! — воскликнула я.

Господин Бед поднял руку, и настала мертвая тишина. Весь амфитеатр лежал ничком. Стояли только я и он.

— Альва? — раздался в пространстве низкий голос. — Вовсе нет.

Звук голоса доносился как бы со стороны, никак не связанный с движением губ. Ага. Один из несомненных признаков одержимости.

Я не удивилась. Давно ждала, что рано или поздно это случится.

Знает ли Альва, кем он одержим? Осталась ли в нем собственная воля или он полностью подчинен амиру демонов?

Что ж — если не знал раньше, то узнает сейчас!

— Альва, если ты меня слышишь! Вспомни спецкурс! Сперва

— узнать демона, назвать его по имени! Потом понять, что он — не ты. Потом — приказать ему уйти!

Демон удивленно взглянул на меня и расхохотался.

Я бы тоже посмеялась вместе с ним. Все равно что подойти к замку и начать пинать ворота ногами.

— Зачем уходить? — спросил амир демонов, отсмеявшись. — Разве ему плохо? Я даю ему все, что ему нужно!

— Я не с тобой говорю, Гаухар! — ответила я с ненавистью. — Альва хотел вернуться в Мураби и очистить его от демонов! Так пусть начнет с тебя!

— Ты уверена, что он хотел именно этого?

— Я знаю его не хуже тебя! Он — он сам — хотел блага...

— Все вы думаете, что хотите блага. А чего хотите на самом деле, даже себе не признаетесь.

Меня бесило, что я вынуждена говорить с демоном, задрав голову и глядя на него снизу вверх. Я вообще не хотела с ним говорить. Вся моя практика демонолога подсказывала, что спорить с демонами — пустое дело. У них свои цели, от которых они никогда не отступятся.

Но я надеялась, что Альва тоже меня слышит.

— Альва, ты хотел изгнать демонов, — повторила я. — А цели Гаухара — другие. Не изгнать демонов, а подчинить их себе. Стать их амиром. Твой демон — это демон власти...

Господин Бед ухмыльнулся.

— Значит, мы с ним хотим одного и того же!

— Это не одно и то же! Любой, кто привлекает на службу демона, рано или поздно начинает ему служить, — гнула я свое. — Взгляни на жителей Ронги, Альва! Они думают что демоны служат им, но на самом деле все они служат демонам и даже не подозревают об этом...

— Альвы здесь нет. Он тебя не слышит.

— А я думаю, что слышит!

— С чего ты взяла?

— Потому что у меня ровно столько же прав на него, как у тебя!

— У тебя нет на него никаких прав...

— Так и у тебя тоже! Точнее — ровно столько, сколько он сам даст и тебе, и мне, и кому угодно еще! Альва, вспомни об этом! Ты не раб ему!

— Конечно, не раб, — подтвердил Гаухар. — У нас договор.

Я стиснула зубы, чувствуя, что вот-вот впаду в отчаяние. Что мне с ними делать? Альва не отзывается. Экзорцизм тут не поможет, тому свидетельство — огненный шрам на его лице. Остается Альфинур. Меч, созданный нарочно для того, чтобы

убить Гаухара.

Но только вместе с тем, чьи тело и душу он захватил...

— Хочешь сделку, Гаухар? — неожиданно вырвалось у меня. — Я хочу выкупить у тебя Альву!

— Чем?

— Жизнь за жизнь!

— И кого ты предлагаешь? — с любопытством спросил Гаухар.

— Себя, кого же еще!

Амир демонов ответил не сразу. Мне показалось, что он в самом деле озадачен.

— Себя — за него? Не пойму, в чем подвох, — признался он.

— Что, никогда прежде тебе не отдавали душу добровольно, не ради себя, а ради другого? Все когда-то случается первый раз! Моя жизнь за свободу Альвы. Ну, согласен? — бодро спросила я. — Скорее, не то я передумаю!

Я совершенно не блефовала. Одна моя половина вопила громким голосом: «Имахена, что ты творишь?! Остановись!», пока вторая, заткнув уши, готовилась кинуться с кручи в пропасть.

— А если потом он сам призовет меня обратно? — уточнил амир демонов. — Альва привык к власти, тяжко будет её лишиться!

— Тут уж ему решать. А вот со мной тебе другого шанса точно не представится!

— Это правда, — медленно сказал Гаухар, и я с ужасом поняла, что победила.

— Ну, по рукам?

Амир демонов перегнулся через ограждение трибуны и протянул мне руку.

Вот он, момент, чтобы нанести удар... Но я переложила меч в левую руку и протянула ему правую.

В тот момент, когда я прикоснулась к его длинным серым пальцам с кривыми когтями, меня словно ударила молния. Жар и мороз в лицо — как тогда, у колодца! Все вокруг стало прозрачным и красным. Я больше не чувствовала тела, но внутренним зрением видела, как во мне, выжигая все изнутри, бушует пламя.

И вот сгорело все — я сама теперь из огня и чувствую такую силу, будто мчусь на гребне огненной волны.

Сама не понимаю, жива я или мертва, и не знаю, чья это сила... Но пока волна несет меня, надо действовать!

Я подняла Альфинур и, указывая им на амира демонов, воскликнула в тишине:

— Гаухар, своей жизнью я выкупаю Альву! У тебя больше нет

власти над этим смертным!

— Договорились, — кивнул демон, выпрямляясь. — Твоя жизнь...

И вдруг умолк, глядя на меня с удивлением и — да, мне не показалось — с испугом!

Огненный вал вздымается все выше. Что происходит? Я не понимаю сути явления. Но очень хорошо чувствую, на что сейчас способна. Жертва, отказ от себя неожиданно разбудили во мне такие силы, о каких я и мечтать не смела. Ну а как ими распорядиться...

«Когда ты станешь опытным экзорцистом, демоны будут бояться одного звука твоего имени...» Так ты говорил, Альва?

Я повела мечом в воздухе, направляя его на трибуны. Альфинур пылал слепящим белым светом. Я раскрыла правую ладонь, активируя экзорцизм. Энергия добровольной жертвы усиливала его в тысячи раз. В другой момент меня бы просто разорвало. Но этот миг принадлежал мне.

— Я, Имахена, своим именем изгоняю всех до единого демонов из этого города!

Земля содрогнулась у меня под ногами. Зашипел и потек куда-то песок арены. Забилось пламя факелов. Сверху послышался треск, покатились камни, в воздухе поднялась пыль. Медленно и торжественно выпал наружу кусок стены... Амфитеатр наполнился криками, на трибунах началась паника. Люди с криками неслись во все стороны, спасая свои жизни, — кто-то свалился на арену, на выходах началась давка...

Гаухар так и стоял, перегнувшись через ограждение. Совсем близко — но я по-прежнему смотрела в его разноцветные глаза снизу вверх.

— Чтобы справиться со мной, твоих заклинаний не хватит, — сообщил он. — Ну давай, ударь.

— Я не могу. Я убью Альву.

— Конечно, — ухмыльнулся амир демонов. — Все предусмотрено.

— Тогда убирайся вместе с прочими!

— Не думай, что я забуду про сделку!

Гаухар вдруг стал меньше ростом; резкие, нечеловеческие черты лица демона поплыли, и сквозь них проступило лицо Альвы. Я увидела, как серая кожа становится нормальной, как гаснут разномастные глаза...

Как бледнеет и сходит огненная печать!

В небе над амфитеатром бурлили мириады трепещущих черных крыльев, воздух полнился жалобным и грозным воем. Демоны покидали Ронгу. «Оком разума» я заметила, как взвился

амир демонов, как расщепляется ткань мира...

Попыталась проследить, куда это он так спешит, но в лицо ударил порыв ледяного воздуха, обжегший мне легкие и ослепивший роем снежинок. Альва перевалился через ограждение и упал на песок без сознания.

Еще один подземный толчок, и арену рассекла глубокая трещина. Из нее наружу выхлестнулся язык пламени. Хассим оказался на другой стороне. Впрочем, какая разница?

Наверняка он уже умер...

Я обняла Альву, прижимая его к себе. Меня терзало ощущение, что я ничего не добилась. Мы все умрем. Я, Хассим, Альва... Да еще и амир демонов ускользнул...

— Имахена, ау!

Издалека донесся звонкий крик. Я подняла голову и увидела на дальней трибуне знакомые фигурки. Они неподвижно стояли над разбегающейся толпой — Эриза, «святой Чучо» и собака.

Да этот скелет в доспехах совсем рехнулся! Зачем он притащил сюда Эризу?

— Уходите! — закричала я в ответ. — Только вас тут не хватало! Сейчас тут все провалится в пекло!

Эриза вроде бы услышала мой голос, но поступила вовсе не так, как мне хотелось. Она опустилась на колено и прижала ладони к камню.

Следующий подземный толчок был явно слабее предыдущих. А потом — наступила тишина. Я даже решила, что оглохла. Но потом осознала, что земля больше не качается и пламя не рвется наружу из трещины в арене... Землетрясение прекратилось. Вой и метание в небе затихли, черные стаи развеялись, и стало видно, что рассвет уж близок. Темно-синее небо все еще сияло звездами, но край уже светлел на востоке.

Эриза и паладин с собакой, прыгая со скамьи на скамью, направились вниз. На трибунах, шатаясь, поднимались на ноги серые от пыли местные жители. Часть их успела сбежать, а оставшиеся выглядели такими потерянными...

— Больше не призывайте демонов, — хрипло посоветовала я тем, что пялились на меня с ближайших трибун. Вспомнив двух старух с жабами, уточнила: — Хотя бы попытайтесь...

Альва пошевелился и, не открывая глаз, спросил:

— Что здесь произошло?

— Подожди, я тебе скоро расскажу в подробностях, пообещала я, перескочила через трещину и кинулась к утыканному иглами Хассиму.

ГЛАВА 29. Посчитать тени

Мы сидели в развалинах амфитеатра и завтракали апельсинами. Солнечный свет лился с голубого неба, по камням шмыгали ящерицы. Утренний воздух был студёным и чистым, и все вокруг казалось умытым дождем, хотя никакого дождя давно уже не было. Тишина стояла, как в горах. Ронга казалась вымершей. Мирные развалины. Жители, брошенные своими демонами, попрятались по темным углам. Представляю, как им сейчас неуютно и одиноко, какими слабыми и беззащитными они себя чувствуют. Ничего, пусть привыкают.

Хозяйственная Эриза накрыла нам стол на уцелевшем верхнем ярусе башни Ронги, и мы могли завтракать, одновременно наслаждаясь видами окрестностей. Кроме апельсинов, которые Эризе очень полюбились, на завтрак были сухие хлебцы и твердый желтый сыр из наших запасов — идти за едой в город никто не захотел. Я любовалась нежим, румяным лицом девочки. Она была полна сил, как будто вчера не остановила в одиночку катастрофу.

Хассим тоже выглядел весьма неплохо. Как только закрылась огненная пропасть, моя магия тут же ко мне вернулась, и я разобралась с его ранами в два счета. Сама я чувствовала себя значительно хуже, хоть и не подавала виду.

Предстояло сделать еще многое.

— ... Проснулась ночью, смотрю — вокруг никого! — рассказывала Эриза, кромсая ножом сыр. — Только паладин с собакой. Я спрашиваю — а где все? Он меня и привел сюда...

— Взяла и проснулась? — спросила я. — Сама?

— Ну да.

— Гм... — я выразительно покосилась на Альву.

Тоже мне, многоопытный чародей! Да любой первокурсник наколдовал бы сон на всю ночь одной левой!

Или не все так просто? Нет, все-таки плохо я знаю Эризу...

Я взяла мех с водой, отхлебнула глоток. Воду пришлось набрать в городском фонтане. Она отдавала горечью, но никаких темных чар в ней не ощущалось — надо думать, они исчезли вместе с демонами.

— Пить можно, — сказала я, протягивая мех Альве. — Хочешь?

Альва молча взял мех, поглядев куда-то за мое плечо. С самого утра он ни слова не сказал — сидел отдельно с замкнутым видом и о чем-то думал.

— Что? — Я догадалась, что он смотрит на рукоять

Альфинура за моей спиной. — Не отдам, и не проси!

— Почему он у тебя?

— А ты не помнишь?! Как бросил меч на арену?

Альва покачал головой и упрямо повторил:

— Это мой меч.

Я тяжко вздохнула, достала Альфинур из-за спины и положила плашмя к себе на колени.

— Я в этом не уверена. Предок Эризы нашел его на поле древней битвы, в которой ты точно не участвовал. Потому что, если бы ты там был, от тебя остался бы только пепел, как и от всех остальных! Конечно, здесь есть посвящение некоему Гаухару, которое можно трактовать двояко, — я провела пальцем по мурабитской вязи на клинке, — но я бы на твоем месте на него не ссылалась. А вот нечто бесспорное: печать оружейной мастерской Незримой Академии. Когда я вернусь в столицу, то непременно зайду в оружейную, подниму архивы и выясню имя заказчика. Если это будет твое имя, я с извинениями его тебе верну.

— Все сведения о хозяине меча и о делавшем его мастере должны быть в печати, — ответил Альва. — Тебе они просто не видны... Мне, впрочем, тоже. Можно было бы попытаться их оттуда добыть. Но я и так знаю, что там написано.

— Ну и что? — спросила я саркастически. — Твое имя?

— Да. Мое родовое имя. Ан-Шатт.

— Как это?

— На поле возле деревни Луц меч был, скорее всего, на поясе самого амира Кабра. Но не ему он принадлежал, и не по его заказу его чаровали. Это родовое оружие князей Шатт. Точно так же, как это, — Альва через плечо указал ни паладина, — наши фамильные доспехи.

— Как вышло, что родовое оружие мурабитов зачаровано в нашей Незримой Академии?

— Не знаю, — раздраженно ответил он. — Не хочу об этом говорить!

«Он не помнит, что было ночью, а спрашивать не хочет, — подумала я. — Потому что боится услышать правду...»

— И почему твои фамильные доспехи тащатся за мной с самой границы?

— Понятия не имею!

Я видела, что Альва злится, что он сердит настолько, что ему это уже трудно скрывать. Но продолжала говорить:

— Мне не нравится эта мысль, но я обязана высказать и ее. Не исключено, Альва, что ты давно уже мертв.

Хассим с Эризой изумленно уставились на него, вытаращив глаза. Альва стиснул челюсти.

— Чепуха, — ответил он наконец. — Да если это и правда — неважно. Все Ан-Шатт мертвы, чем я лучше? Это обстоятельство никак не повлияет на мои цели.

— А какая твоя цель?

— Ты знаешь. Освободить царство Мураби от демонов.

— Освободи для начала себя! — вспылила я. — Пришла пора поговорить начистоту. Даже смешно, что ты узнаешь об этом последним, но так всегда и бывает. Альва, ты был одержимым. До вчерашней ночи тобой владел демон, и его имя — Гаухар! Правда, удивительные новости?!

Чародей смотрел на меня молча, с откровенной неприязнью.

— Ты не хочешь в это верить. Я тебя понимаю. Я тоже очень долго не хотела.

Я повернула клинок плоской стороной и протянула чародею:

— Посмотрись-ка в него. Нет, из моих рук!

Еще один плюс высококачественного оружия — им можно пользоваться как зеркалом.

— Шрама нет, — озадаченно сказал Альва через несколько мгновений. — Как тебе это удалось?

— Он сам исчез, когда тебя покинул демон.

Альва бросил на меня вопросительный взгляд.

— Я долго думала и наконец поняла, что тогда случилось и как возник твой магический шрам. Заклятие Окончательной Панацеи было запущено, причинило тебе множество ненужных страданий, но было остановлено на Границе между тобой и... не тобой. Оно поразило только человеческую плоть. Оно не подействовало, Альва. Мой патентованный экзорцизм слишком слаб против того, кто захватил твою душу...

И я быстро пересказала ему события ночи. И не только ему. Эриза слушала затаив дыхание. Хассим тоже пропустил большой кусок действия, а то, что увидел, он не понял. На самом деле никто не понял, что случилось. Кроме меня и Гаухара.

Когда я закончила, несколько мгновений все молчали, обдумывая услышанное. Потом раздался хохот Хассима.

— Ну и компания! Один — оборотень, другой — амир демонов! Остается только выяснить, что ты пьешь кровь по ночам, а Эриза повелевает мертвецами! Ой, она же действительно ими повелевает...

— Амир демонов, Господин Бед, Гаухар — одно и то же, — подтвердила я. — И все это был ты, Альва Ан-Шатт. Я давно подозревала, что ты одержим демоном. Более того, я на это надеялась. Потому что если бы ты сам был демоном, разговор у нас был бы совсем другой... Но я не хотели тебе ничего говорить. Надо было убедиться, что Альва — не просто маска...

— Полная чушь, — сказал Альва хладнокровно.

— Эту чушь подтвердят несколько тысяч жителей Ронги. Которые ночью поклонялись тебе как Господину Бед.

Альва промолчал. В глазах у него мелькнуло страдание. Но я упорно гнула свое.

— Честно говоря, мысли, что с тобой что-то не в порядке, у меня возникали еще в Академии. Но я гнала их прочь, Просто удивительно, сколько времени человек способен себя обманывать, закрывая глаза на то, что не хочет видеть!

«Не потому ли я пошла на целительство и специализировалась по демонологии?»

Я поглядела вдаль, на зеленые сады, желтые поля, черные горы и сияющие снежные вершины на севере...

— Признаться, я долго думала, что скажу тебе при встрече. Но когда я увидела тебя в башне, я испугалась, не слишком ли поздно для разговоров? И вообще — не поздно ли? Можно ли еще что-то сделать? Кроме... окончательного «излечения»?

— С демонами — никогда не поздно, — буркнул Альва. — Но может быть очень сложно. Дай-ка меч, посмотрю еще раз!

Он снова повернул к себе меч плоской стороной и принялся вглядываться в лицо.

— Пока оставь его себе, — сказал он, отстраняясь. — Если правда то, что ты мне рассказала про сделку, то Альфинур тебя сейчас защищает от Гаухара. Но не обольщайся. Договор есть договор. Ты отдала жизнь амиру демонов, и он заберет ее, как только ему представится возможность.

— Что, мне так и ходить с мечом всю жизнь?!

— Походи пока. А там посмотрим. Может, демон сам придет требовать свое... Или я найду его раньше...

— Слава богам! — воскликнула я с облегчением. — Так ты мне наконец поверил?

— Нет. Это слишком серьезные заявления, чтобы принимать их на слово.

Я безнадежно махнула рукой.

— Но я готов их проверить.

— Как?

— У меня есть идея. Обсудим по дороге...

Тем же утром мы ушли из Ронги и отправились обратно к башне Полной Луны. Выходя из городских ворот, я не могла отделаться от ощущения, что, словно завоеватель, оставляю за спиной опустошенные развалины. Город провожал нас угрюмой тишиной. Ни малейшей благодарности за избавление от демонов — только неприязнь и страх. Интересно, Ан-Ясин, разоряя край

Мураби, чувствовал то же самое?

На закате мы прошли мимо заставы. Не сговариваясь, ускорили шаг и пошли дальше. За ночь миновали перевал, спустились в долину. Уже начинало светать, когда мы остановились на ночлег в развалинах фермы, возле заброшенной пасеки.

Ребята уснули сразу, как легли, завернувшись в дорожные плащи. Мне же не спалось, и я ушла гулять в луга. Недалеко от пасеки я нашла каменистый взгорок, поросший высокими красными цветами ятрышника, взобралась на вершину и уселась там, глядя на восток. Одна за другой гасли звезды. Небо из черного становилось синим. Над горами, окутанными сиреневой дымкой, медленно разгоралась золотая полоса восхода. Еще не проснулись ни птицы, ни пчелы. Прохладный ветер колыхал высокие травы. Окруженная горами долина казалась каменной чашей с травой и медом. И сахарной кромкой по краю — ледниками...

Сзади бесшумно подошел Альва, остановился на склоне. В своем черном плаще он напоминал тень. Мы с ним оба словно ночные тени. Как бы не исчезнуть с рассветом!

Кстати, это вполне вероятно: если он рискнет проверить на себе то, что мы сообща придумали по пути из Ронги. Если мы выживем, и я когда-нибудь доберусь до Академии, надо будет непременно запатентовать новый метод на кафедре демонологии...

В дороге я несколько раз в подробностях пересказала Альве все, что с ним случилось в Ронге. Чародей мне так до конца и не поверил, это было видно по его лицу. Я не спорила. Чрезвычайно трудно принять, что враг, за которым ты охотишься много лет, — ты сам и есть. К этой мысли надо по крайней мере привыкнуть.

Спасибо и на том, что решился на проверку. По-моему, из чистой любознательности.

— Итак, решено. За основу берем технику допроса мертвецов, которой мы оба владеем, — заговорила я, не глядя на него. — Остальное — импровизация. Метод хоть и достаточно опасный, но несложный. Выглядеть это будет примерно так: твое сознание покидает тело и считает тени...

— Что-что считает? Тени?

— Ну да. Обернуться, пересчитать тени, отобрать лишние. И посмотреть, чьи они на самом деле.

— Любопытно, — протянул Альва. — Я считаю тени, а что в то время делаешь ты?

— Я контролирую процесс. Слежу за твоей душой... Чтобы с ней ничего не случилось. Если надо, помогаю ей вернуться

обратно.

Альва не ответил.

— Ты мне не доверяешь?

— Если я кому и доверяю, то тебе. Что ты ожидаешь увидеть? Гаухара?

— Конечно. Ты убедишься, что он — не ты, и наконец поверишь моим словам...

— Допустим, я поверил. Я увидел тень. И что дальше?

Я слегка растерялась, поскольку дальше не обдумывала.

— Разве этого мало?

— Конечно. Зачем мне искать демона, если я не могу его изгнать?

«А я на что?» — хотела сказать я, но смолчала. Альва и сам это понимает, только ему это не нужно. Если я предложу ему свою помощь, он скажет, что Гаухар — его личное дело.

И, в общем-то, будет прав.

— Хорошо, — сказал он, — допустим, мы делаем, как ты предлагаешь. Я отправляюсь в поиск, ты стережешь дорогу... Куда, по-твоему, она приведет?

— Несложно догадаться. Твоя одержимость напрямую связана с башней Полной Луны.

— Намекаешь, что я продал душу демону ради этой башни? — в лоб спросил Альва.

— Я не намекаю, но это вероятно. И логично.

— Я никогда бы так не сделал! — огрызнулся он и отошел в сторону.

Но вскоре вернулся.

— Хорошо, давай попробуем. Только сделаем наоборот. Я дознаватель, а ты — медиум.

Я резко развернулась. В предрассветных сумерках лицо чародея казалось серебряной маской под черным капюшоном.

— Но...

— Не доверяешь мне? — спросил он с усмешкой.

Что ему ответить? «Конечно, не доверяю! Как можно доверять тому, кто раз уже предал?»

Но о каком совместном поиске после этого вообще можно говорить?

— Это моя башня, — сказал Альва. — И мой демон. А в твоем поиске мне отводится роль насадки на крючке. Как же так? Разве это справедливо?

Я продолжала молчать, ругая себя за то, что сама же загнала себя в ловушку. Если я соглашаюсь на предложение Альвы, то фактически отдам свою жизнь в его руки.

А если не соглашусь — значит, все было зря.

— Зачем тебе это? Хочешь сам контролировать ситуацию? Или задумал использовать меня как наживку для Гаухара? — спросила я без обиды, скорее с любопытством.

— Гм, мысль интересная. Но это не главная причина.

— А в чем же главная?

— В башне Полной Луны. Я же неспроста запретил тебе ходить на последний этаж. Не потому, что хотел нечто утаить, а только ради нашей общей безопасности. Нельзя приближаться к Окнам, не имея конкретной цели. Иначе Окна уничтожат тебя. Сведут с ума. Но если ты знаешь, что тебе надо, — ты это получишь. — Он помолчал и добавил: — А теперь такая цель у меня есть.

Над горами показался край солнца. Золотой луч уколол меня в глаз. Темная долина, окутанная утренним туманом, начала понемногу наполняться красками.

— Ладно уж, — ответила я с глубоким вздохом. — Я буду считать твои тени, а ты смотри за мной... И не потеряй мою душу где-нибудь между Окнами!

— Я буду ее беречь, — серьезно пообещал Альва.

Выбрав место поровнее, я села на землю. Выпрямила спину, подобрала под себя ноги, сложила руки на коленях. Альва встал у меня за спиной и положил ладони мне на плечи. Я почувствовала, как он убрал мои волосы с плеч. Мурашки пробежали по спине. Я закрыла глаза. Так бы и сидеть тут. Просто сидеть, пока солнце медленно катится по небу...

Ровное дыхание привычно очищало сознание, выметая из него лишние мысли. Где-то в глубине все же сидела тревога. Она возникла не из страха перед Гаухаром.

Я боялась снова оказаться в башне.

Что делать? Страх может сильно осложнить эксперимент...

Я сама не заметила, что беззвучно напеваю мою песенку. Судя по тому, что Эриза знает ее, она сложена здесь, в Мураби. И тот, кто сочинил ее, знал, о чем поет! И если уж сложил ее — значит, побывал в башне и вернулся живой...

— Пойдем же, мой милый, пойдем же со мной, пойдем же со мной.
К невидимой башне под полной луной, под полной луной...

Отпуская сознание, открыла глаза разума и души, постаралась открыться полностью. Да, в такой ситуации это просто запрещено. Шансы вернуться назад невредимой

минимальны. А впрочем, я и так зашла уже дальше некуда. Теперь только вперед.

Как всегда бывает, я не заметила того мгновения, когда душа рассталась с телом. Только исчезли тяжесть и тепло ладоней Альвы на моих плечах. Больше у меня нет тела. Альва ощущает моей кожей, думает моим мозгом, смотрит моими глазами. В центре моего лба — его глаз, и на затылке, и в сердце, и на ладонях. Мы с ним сейчас одно. Я маяк, приманивающий корабли, — он пират, высматривающий добычу.

Я оборачиваюсь, смотрю на него и вижу его тени.

Вот это да! Их целых три!

Одна — обычная с виду, темная, — тянется на запад, к долине Луц. При виде нее меня охватывает странный трепет.

«Альва, нет, только не туда! Это неверный путь. Не нужно тебе туда ходить, поверь мне! Может, там и нет зла, но и нутром чувствую — это дорога в одну сторону. Если пойдешь туда, больше не вернешься...»

Меня трясет, но я не могу разобрать, чья это дрожь. Похоже, Альва чувствует то же самое, что и я. Отворачиваюсь, оставляя темную тень за спиной, где ей и место.

Вторая тень — огненная, язык пламени. Она ведет на восток, к Ронге.

«Та-ак... Это тоже ложный след, я уверена. Тебе туда не надо. Тем более что мы только что пришли оттуда».

— Мне кажется, там что-то не доделано...

«Может быть. Но не сейчас... Вот она, тень, которую мы ищем! Тень Гаухара!»

Третья тень — ледяная борозда, морозная трещина в реальности.

«Вон он куда смылся — к ледникам! На север!»

— Туда, где кончается путь наш земной, ах, путь наш земной.
Где демон таится за каждой стеной, за каждой стеной...

Я смотрю глазами Альвы или он моими? Мы летим над горами, перешагиваем через хребты. След ведет в знакомые места. Вот Беличья гора, усыпанная костями, вот белая башня на ее вершине... Теперь мне ясно, откуда в Мураби белый камень. Его тут нет — просто башня заморожена, покрыта инеем. Только чернеют под крышей четыре стрельчатых Окна. Вспоминаю сон, и меня охватывает ужас.

«Альва, давай закончим... Может, в следующий раз? Да отпусти же меня!!!»

Но воля Альвы ведет меня в башню. Еще миг, и я внутри. Вокруг меня — четыре Окна.

Холодный горный воздух гуляет под сводом башни. Я с опаской смотрю сперва направо, потом налево. Во всех Окнах видно одно и то же: сосновые леса, волнами поднимающиеся к небу холмы, над ними серые горные вершины. Я чувствую облегчение. И легкое разочарование — такой пейзаж можно наблюдать с любого перевала. Но что это там на юге? Всадник?

Одинокий всадник едет по лесной тропинке, удаляясь от башни Полной Луны. На нем посеребренные доспехи и остроконечный шлем с закрывающей лицо серебряной маской. У седла лук и колчан, на поясе булава. Рядом бежит поджарая охотничья собака. Только что рыцарь укрыл в волшебной башне свою невесту, но сам прятаться не собирается. Он хочет сражаться, пусть даже один. Его путь нежит на юг, в сторону моря. Туда, куда пытаются уйти последние остатки армии амира Кабра. Их по пятам преследуют войска Ан-Ясина, переодетые мурабиты. Завоеватель, Ан-Ясин, милостиво отпустил проигравшего врага, на словах даровав ему жизнь. Его не касается, если местные сведут счеты между собой. Род Шатт уничтожен.

Остается только одно — вернуть меч.

Ночь в узкой, сумрачной долине. Рыцарь сидит у костра, глядя в огонь. Шлем лежит рядом, и я вижу лицо Альпы — юное, вдохновенное и решительное. Однажды я видела у него такое выражение. Когда он рассказывал о войне с демонами и ответственности за преступления предков.

Выманивая у меня направление на спецкурс...

Пламя костра вдруг трепещет и гаснет, словно кто-то покрыл его огромной холодной ладонью.

«Ты в самом деле надеешься что-то изменить? Один?»

Рыцарь надевает шлем и поднимается, держа наготове булаву.

«Я могу помочь тебе! Твои родственники не нарушали никаких клятв! Не их вина, что Ахмар успели первыми...»

— Никаких договоров с демонами!

«Так ты ищешь смерти?»

— Я хочу вернуть Альфинур.

«Какое совпадение! Я тоже. Давай ты заберешь его и отдашь мне. А я тебя за это сделаю...»

— Нет! Убирайся, Гаухар!

«Но я не могу допустить, чтобы проклятый меч снова попал в

ваши руки! Прости, но ты останешься тут...»

Головешки в костре начинают белеть. Но это не пепел — это иней. Лучики мороза ползут по земле и коре деревьев, по доспехам, по бархату плаща и по человеческой коже...

«Тебе — мороз. Огонь я приберегаю для остальных!»

— И мертвый я буду сражаться с тобой, — доносятся слова из-под маски — такие медленные, будто стали вязкими от холода. — Не будет мне покоя, пока я не верну меч и не прикончу тебя! Клянусь...

Голос обрывается. Рыцарь застывает ледяной статуей среди белой от инея поляны.

Другая статуя, такая же ледяная с виду, смотрит на него сияющим пронзительно-синим глазом. Протягивает руку, толкает его пальцем в грудь. Рыцарь с лязгом падает на замороженную землю. Иней взвивается в воздух, жалит щеки и лоб...

Зажмурившись, я отшатываюсь от южного Окна, словно в меня в самом деле швырнули горсть снега. Напоминаю себе, что мое тело — в дневном переходе от башни, на цветущем лугу, в руках Альвы. Понемногу успокаиваюсь и снова открываю глаза...

За восточным Окном снова вид на горы. Только ледники гораздо ближе. В налетающем ветре чувствуется их дыхание. Спину ласкает тепло жаровни, ноздри щекочет ароматный дым курильницы. Я оглядываюсь и вижу зал, полный людей. Большинство из них мурабиты, и, судя по волнению Альвы, он их узнает. Или это и мое волнение? Я ведь тоже знаю тут кое-кого. Группа рыцарей кастельо, и среди них — Ан-Ясин, будущий великий амир и мой отец. За сто лет он не слишком изменился. Просто перестал стареть. Я всегда считала, что отец превосходит во всем обычных людей, что он нечто большее, чем человек, и теперь лишний раз в этом убедилась. Уж не знаю, как он этого добился, но... Но что он делает?

В руках у него Альфинур! Он передает его какому-то мурабитскому князю!

Тело пронизывает резкая боль, руки холодеют. Небо приобретает нехороший красноватый оттенок. Так что же, Шатт в самом деле вели тайные переговоры с Ан-Ясином? Они действительно были предателями? Их казнили правильно?

Вот теперь я отчетливо ощущаю волнение Альвы. Точнее, его гнев!

«А чего ты злишься? Что твои родичи якшались с врагами? Или что не успели ударить первыми и проиграли?»

Башня вдруг заволакивается желтоватым туманом. Что — ему стыдно? Он хочет отозвать меня?

Нет уж, мы досмотрим до конца!

«Не все так однозначно! Продолжай, Альва! Осталось еще два Окна!»

В западное Окно видна широкая дорога. Я вижу, как по ней плетутся два путника. Оборванный юнец с затравленным взглядом и высокий величественный старик. А, эту историю я знаю! Юный Альва с придворным магом спасаются из захваченной демонами долины Рауда. У мага подозрительно серая кожа и заостренные уши. Альва ничего не замечает — ему слишком страшно. Он остался один и едва избежал смерти, и теперь единственное, чего он хочет, — бежать как можно дальше и забиться в нору как можно глубже. А уж потом придут и стыд, и раскаяние, и жгучее желание мести. Все, что угодно, — за возможность расквитаться с убийцами! С вечными врагами, князьями Ахмар, жалким предателем амиром Кабра, с интриганом и захватчиком Ан-Ясином... С демонами, безнаказанно уничтожающими его землю. Цена не имеет значения, условия договора тоже. Заплатить собой? Да пожалуйста! Где тут подписаться?

— Слабак! — вырвалось у меня.

Совсем не хотела никого оскорблять, и не факт, что на его месте поступила бы иначе...

Но сдержаться не сумела.

Вот теперь я чувствую ярость Альвы в полную силу! Похоже, она вот-вот выйдет из-под контроля! Башня тоже её чувствует: за Окнами начинает разгораться зарево.

— Альва, успокойся!

Свет пульсирует, становясь все ярче. Надо уходить отсюда, с тревогой осознаю я. Но как? Куда? Во всех Окнах — пламя! Багровые тени на полу колышутся, как отсветы пожара. Или блики адской бездны Ронги. Мне вспоминается черная башня... И нарядная женщина с жутким взглядом, одиноко сидевшая в первом ряду. Она смотрит на меня и улыбается. От ее улыбки меня кидает в дрожь.

Они никуда не делись. Они следят, и ждут, и будут мстить!

— Альва, забери меня отсюда!

Мне трудно дышать. Сжимается горло. Боль, словно когтями, терзает спину и плечи. Губы едва шевелятся...

— Там души уходят в волшебные сны, в волшебные сны.
А плоть истлевает во рву у стены под башней Луны...

Волна огня врывается во все Окна одновременно...

Но за миг до того, как она захлестывает башню, я возвращаюсь.

Первым ощущением в теле была боль в плечах. Я распахнула глаза, судорожно вздохнув, дернулась, пытаясь освободиться, — но руки Альвы держали меня как клещами.

— Отпусти, мне больно!

Он только сильнее сжал пальцы. Я схватила его обеими руками за левое предплечье и резко дернула, падая вперед. Альва потерял равновесие и упал вслед за мной, треснувшись головой об землю; а в следующий миг вцепился в меня и увлек за собой. Мы покатились по склону холма. И вот уже я лежу на земле, камни впиваются мне в спину, а прямо перед глазами нависает свирепое бледное лицо с каплями пота на лбу.

— Гаухар?!

Похоже, это был единственный вопрос, способный привести Альву в чувство.

Он разжал захват, вскочил, отвернулся, стискивая кулаки... И вдруг резко развел руки в стороны. Перед ним взметнулся в небо огненный смерч, завился в спираль, как хлыст или змея, а потом ударил по лугу. Невидимая жгучая волна перекатилась через меня и растаяла в травах. Я села, мрачно оглядывая обширный, идеально ровный черный круг, воняющий гарью.

Альва опустил голову и закрыл лицо руками.

— Да не переживай ты так, — подбодрила его я, на всякий случай не приближаясь на расстояние удара. — Осталось еще одно Окно. Вдруг бы мы увидели в нем что-нибудь хорошее? Но как это может быть? Три варианта прошлого существуют одновременно, и все реальны!

— Это работа Окон, — произнес Альва. — Да, три варианта — один хуже другого! Первый — меня убили сто лет назад... Второй — происхожу из рода предателей... Третий — сам, по доброй воле, заключил договор с демоном!

— Ну, на мой взгляд, святой Чучо умер весьма достойно...

— Я думал, что сражаюсь один против всех, и гордился этим. А оказалось, все это время исполнял волю Гаухара и играл по его правилам!

Альва резко обернулся.

— Я теперь даже не знаю, какие решения принимал сам, а какие за меня принимал он!

«А были еще всякие штуки, которые ты совершал, вообще об этом не помня и не сознавая их, — мысленно добавила я. — Например, когда чуть меня не убил...»

Вслух я ничего говорить не стала. Я понятия не имела, чем утешить Альву, тем более что была в душе согласна с каждым его словом.

Альва опустился на землю, подогнув под себя ногу, и уставился на край солнца, который уже поднялся над позолоченными ледниками. Запах горелой травы понемногу рассеивался, сменяясь легким ароматом цветов. «Хорошо, что плащи у нас темные — сажу будет не видно», — подумала я, усаживаясь рядом с магом. Он этого, кажется, вообще не заметил.

— Я давно знал, что во мне есть нечто чуждое и непонятное мне самому... Возможно, дар предвидения, внутренний голос... Обычно он дремал, но иногда просыпался и подсказывал: поступать так или этак; этот человек будет полезен, а от того лучше сразу избавиться... Никакой злобы, никакой ненависти. Просто хладнокровное решение — ему больше не жить...

— Так вот что ты почувствовал, когда увидел меня возле колодца Академии? — усмехнулась я.

— Я сначала сам себе не поверил. Почти ребенок, девчонка из харимы, увешанная побрякушками, ничего не умеющая, — а внутренний голос твердит, что она опасна. Что ж, я привык доверять интуиции. Убивать тебя при ректоре, конечно, не стал, но постарался сделать так, чтобы ты ушла сама. Оскорбил раз, два... А ты атаковала в ответ.

— Я не атаковала! Просто хотела понять, что ты в самом деле обо мне думаешь. Обычный эмпатический зонд, им владеет любая из жен великого амира...

— Потом я догадался. Но в первый миг едва удержался, чтобы не разбить тебе голову. Увы, Пласид это заметил — и тут же предложил тебе заглянуть в колодец. Вода прекрасно вытягивает способности к дальновидению. Что мы и наблюдали. Стоило тебе заглянуть в колодец, как меня охватила паника. Теперь я понимаю — это Гаухар испугался разоблачения. Пришлось тебе мешать, что тоже не прошло без внимания ректора. Я постарался представить мою неприязнь к тебе как обычное высокомерие гранда, но просчитался. Подозреваю, с того дня они и начали за мной следить.

— Мы же потом не общались года три...

— Я тебя умышленно избегал. И в конце концов расслабился. Решил, что опасность миновала и можно забыть о том неприятном случае...

— И тут мэтр Тиего решил провести практикум по боевой магии и принес демона в бутылке...

— Вот именно. Пришлось убить демона, который меня узнал. Точнее, он узнал Гаухара. К счастью, Тиего не хватило знаний и

опыта понять, как именно я его спас. Будь на его месте другой, более образованный преподаватель — сразу заинтересовался бы: как скромный учитель истории изгнал демона, да еще таким оригинальным способом? Помнишь, что было еще?

— Конечно. Я уронила камень тебе на голову.

— Еще одно неудачное совпадение. Я попал под твой экспериментальный экзорцизм. Мало того, что ты меня вырубила, так еще спустилась вниз и начала во мне копаться... Но нашла только стену, которую возвел Гаухар, чтобы его никто не обнаружил, да застрявший в ней кусок заклинания... Знаешь, что я тогда реально мог тебя убить?

— Не ты, а Гаухар. Ты-то вовремя остановился.

— Мне было тогда очень скверно.

— Помню, — вздохнула я.

И подумала, что могла бы догадаться обо всем уже тогда. Но не догадалась. Понятно, почему. Потому что не хотела догадываться.

Слишком страшно любить того, кто наполовину демон.

— Дальше, та история с направлением на спецкурс, — продолжал Альва. — Честно скажу, я действовал осознанно. Я был совершенно уверен, что эта мысль пришла в голову мне самому. Но идею с подделкой направления наверняка подсказал Гаухар. Это любимый аргумент демонов — ради благой цели со средствами можно не церемониться. Примитивная ловушка, а все в нее попадают...

— Подозреваю, что после этого за тебя и взялась всерьез амирская разведка.

— Так и было. Я не хотел им зла. Мне нужны были только знания о том, как сражаться с демонами. Чего хотел Гаухар — неизвестно... Слуги амира напали первые. Устроили засаду на кафедре демонологии. Пришлось дать бой. Боюсь, было много лишних жертв... Не помню...

В моей памяти всплыли мерцающие развалины факультета алхимии. Если бы тогда мой мозг хоть ненадолго возобладал бы над эмоциями, я могла бы провести логические цепочки и легко обо всем догадаться. Но нет, я предпочитала самозабвенно страдать!

— Почему ты меня не предупредил? — спросила я с упреком. — Не дал мне знать, что ты жив?

— Ты дочь Ан-Ясина. За тобой могли следить. Тебя могли использовать...

— Я думала, мы доверяем друг другу!

— Мы и доверяем, вопреки всему, — ответил Альва. — Разве за последние дни мы друг другу этого не доказали?

Он протянул мне руку.

— Прости меня!

Как долго я ждала этих слов... Но почему-то не ощутила ни радости, ни торжества. На душе стало совсем тихо. Словно кто-то отпустил слишком долго натянутую струну. Я дождалась, пока она перестанет вибрировать, и ответила совершенно искренне:

— Тебе не за что просить прощения.

ГЛАВА 30. Красный замок, ледяной колодец

— Если мы не вернемся... Или вернемся какими-нибудь не такими...

— О чем разговор! Мы вас все равно дождемся, — ответила Эриза, вытирая руки передником.

Перед ней лежал пласт раскатанного теста, стол был, как снегом, припорошен мукой. Где Эриза добыла муку и яйца, представляло для меня глубокую тайну. Должно быть, упросила Альву телепортировать ей мешок продуктов с рынка в Мадинье.

— Как раз вернетесь, а у меня пирог готов!

— С бельчатиной?

— С апельсинами, конечно!

Я вздохнула и принялась зашнуровывать высокие сапоги.

— Так вот, если мы поднимемся в башню и не вернемся. Спешить не надо, паниковать тоже. Там может иначе идти время: день там — это год здесь, например. Нас может выкинуть где угодно, хоть на ледниках, хоть на побережье. Это я перечисляю хорошие варианты... Но рано или поздно вам надо будет принимать решение. Либо оставаться здесь, либо идти домой. Вы с Хассимом уже достаточно сильные и опытные, чтобы проделать путь по горам самостоятельно...

— Тут ведь какое дело, — рассудительно сказала Эриза. — Мне-то есть куда возвращаться, а ему? В Альсиене его дальше ворот не пустят...

— А в деревне Луц его не примут?

— Сына луны? Закидают со стены камнями!

— Эх...

Я невольно покосилась в сторону открытой двери. Оттуда доносились резкие голоса Альвы и Хассима. Оборотень как всегда спорил и препирался. Хоть и прекрасно понимал, что Альва — не я, и его выходок терпеть не будет. Но склочная натура брала свое.

— Мы будем ждать вас тут, — подытожила Эриза и принялась раскатывать новый комок теста. — Вернетесь — подумаем, что делать дальше.

— Не пускай Хассима в башню, — попросила я вполголоса. — Скажи ему... Скажи, что я заколдовала его так, что, переступив порог библиотеки, он превратится в ужа с колючками. Или в ежа... лысого. Нет — в обычную белку, маленькую такую, с кисточками на ушах и пушистым хвостиком!

Что в библиотеке специально для него стоит ловушка.

Невидимые духи подвесят в воздухе и будут лупить подсвечником по голой заднице, пока она не посинеет. Сама придумай.

Эриза горестно вздохнула.

— Если Хассим начнет превращаться, не бойся. Тебя он не тронет.

— А я и не боюсь.

— У него на шее амулет, — Альва дал мне новый самоцвет, я вставила его в оправу. — Чтобы к Хассиму вернулся человеческий облик, просто окликни его по имени...

Эриза прерывисто вздохнула и отерла лицо локтем. На глазах у нее заблестели слезы. Я старательно делала вид, что не замечаю их, чтобы не делать прощание еще более грустным.

— Ты сейчас говоришь так, как будто не собираешься возвращаться, — тоскливо сказала девочка.

— Уж как получится. Но вообще-то собираюсь. Не бросать же тебя тут в такой ненадежной компании...

Сапоги были зашнурованы. Я встала, накинула на плечи плащ, продела руки в прорези, повязала на голову шарф. Приладила за спину ножны с Альфинуром.

— Если мы не вернемся и ты пойдешь меня искать, — не спорь, я знаю, что пойдешь, — то иди сама. Не бери Хассима. Ему не справиться. Потом — может быть, но не сейчас. Башня вывернет его потрохами наружу, сделает с ним такое... Такое, как...

— Как с Альвой, — тихо закончила Эриза.

Мы обменялись понимающими взглядами. Я подошла и поцеловала ее в щеку, стараясь не вымазаться в муке.

— Берегите друг друга.

Голоса на улице стали громче. Я выглянула наружу как раз в тот момент, когда Альва схватил Хассима за шкирку и скинул с крыльца. Хассим кубарем улетел под гору.

— Мы тоже попрощались, — сообщил Альва, заходя в сени и открывая передо мной дверь в башню. — Вот теперь можно идти!

Вид из Окон был самый обычный, на окрестности Беличьей горы. Я тронула Альву за локоть.

— Послушай... Я тут все обдумываю то, что мы видели в том Окне, где Ан-Ясин отдавал твоим родичам Альфинур. Если даже между ними существовал какой-то тайный договор, это не объясняет, откуда появились демоны и какое отношение имеет ко всей этой истории Гаухар.

— Спроси любого крестьянина в Мураби, — пожал плечами чародей. — Тебе ответят: демонов вызвали колдуны Ан-Ясина. Почему мурабиты так внезапно сдали Илиберру? Почему ушли

без боя? Почему амир Кабра побежал к морю, а князья Ахмар заперлись в Ронге?

— Гм... То есть против Ясина демоны не выступали?

Альва задумался.

— Не знаю. Но... в самом деле, он ведь тоже бросил Илиберру и убрался за море...

— Значит, демоны выступали против всех?

— На это нам теперь ответит только одно существо — Гаухар.

— А башня поможет нам его найти, — сказала я. — Тоже если пожелает, конечно. Не слишком ли много «если», как тебе кажется?

Из северного Окна веяло холодом и цветами.

Горы отсюда казались гораздо ближе — и выше. Ледники на вершинах можно было рассмотреть в подробностях. За ними в дымке виднелись другие, неизвестные, недостижимые хребты — еще выше, еще суровее...

Ниже раскинулось море зелени. И не поднадоевшие сосны, а лиственные деревья. Стройные столпы тополей, заросли цветущих рододендронов, почти черные магнолии. Кое-где, — глазам не верится! — даже виднелись лохматые кроны пальм. В зелени, до самых гор, куда ни глянь, пестрели черепичные крыши и белели стены домов. Башни, шпили, и крыши, крыши... Огромный город!

А над всем этим поднималась в небо глухая зубчатая стена цвета засохшей крови.

— Что это?

— Красный замок, — ответил Альва. — Цитадель Илиберры.

У меня захватило дух. Так вот она, Илиберра! Легендарная столица царства мурабитов, покоренная моим отцом. Где, если верить Альве, уже лет сто не бывал никто из живых людей.

— Далеко отсюда до башни Полной Луны?

— Порядочно. Долина Рауда на севере, высоко в горах. Благословенное место с очень плодородной землей, укрытое горами от холодных ветров. Но Красный замок стоял на вершине, и там всегда было зябко...

— Хорошо, что я надела плащ!

— Лучше бы тебе туда не ходить, — поколебавшись, сказал Альва. — Я пойду сам...

— Это еще почему?

— Кто знает, что ждет нас за этой стеной?

— Проверим?

Прежде чем Альва успел хоть слово сказать, я перешагнула через низкий подоконник и оказалась на широкой площади перед

Красным замком.

Красная стена угрожающе нависала над городом. Налетел ветер, зашуршал сухими листьями...

— Неужели там действительно не осталось ни одного человека? — спросила я, рассматривая панораму города.

— Все заброшено, — подтвердил Альва. — Кто успел, убежали. Что сталось с прочими, лучше даже не гадать.

Краем глаза я заметила, как метнулась рыжая тень. Вскинула руку... и тут же опустила ее. Из кустов выглядывала лисица...

В небе носились ласточки.

— Говорят, эти стены стали красными в ночь после убийства рода Шатт, — произнес Альва. — До того они были белыми. Но это неправда. Красный замок всегда был красным.

— Выглядит он не слишком гостеприимно. Как туда войти?

— Вон ворота, — Альва указал на низкую арку в виде подковы, похожую на нору — единственное черное пятно на ржавом монолите стены. — Нам туда.

Внутри все было иначе.

Как только глаза привыкли к сумраку, со всех сторон из темноты начали проступать чудеса.

Двери в голубых рамках, в изящной путанице узоров...

Залы, которые — если не присматриваться — выглядели так, будто их и не покидали...

Внутренние дворики, где все еще журчала вода в водостоках...

— Когда-то Красный замок считался преддверием рая, — негромко сказал Альва. — Верили, что, живя здесь, можно попасть в рай, даже того не заметив, — однажды проснуться и понять, что ничего не изменилось...

Мы шли дальше, мимо колоннад и мраморных бассейнов с мутно-зеленой водой. Темные лестницы чередовались с воздушными галереями. Синие, зеленые, белые изразцы украшали стены. Под потолком гроздьями прилеплены ласточкины гнёзда. Единственным звуком было эхо наших шагов.

— Похоже, тут никого нет, — сказала я. — Только птицы.

— Лисы, пауки, демоны, — кивнул Альва. — Смотри, эти ласточки нас даже не боятся. Они никогда не видели людей...

Голоса гулко отзывались под сводчатым потолком зала.

Я подняла взгляд и принялась рассматривать каменные пчелиные соты, украшающие своды и капители.

— Символ бесконечности, — сказал Альва.

— Знаю. Уж слишком много тут символов бесконечности. Надо бы с ними поосторожнее.

— Почему? Они продлевают жизнь, обеспечивают долголетие. Смотри, как они хорошо сохранили Красный замок!

— Лучше бы они сохранили его обитателей, — проворчала я.

Спору нет, я ничего не видала прекраснее этого брошенного замка, наполовину состоящего из света, теней и блеска текущей воды. Огромный и помпезный дворец великого амира рядом с ним казался амбаром. И все это было утрачено в одночасье! Теперь я лучше понимала Альву. Чтобы вернуть такое, и душу продать не жалко!

Очередная лестница привела нас в маленький дворик, заросший одичавшим миртом. Я попыталась заглянуть через сквозную каменную резьбу одной из стен.

— Там была женская половина, — объяснил Альва. — Оттуда жена амира могла наблюдать, что происходит во дворе. Или, например, поговорить с родственниками мужского пола. Кстати, есть еще одна версия, почему убили князей Шатт. Якобы причина была в соблазненной главной жене амира Кабра. Амиру несколько раз доносили, что Шатт предатели, но он все никак не мог решиться... Пока Ахмар не принесли ему доказательства ее измены. Этого он уже не смог стерпеть и отдал приказ...

— Ее тоже убили?

— Если вся эта история правдива — конечно, должны были убить. Тут есть один колодец специально для таких случаев...

Мне почему-то стало не по себе. Словно кто-то посмотрел на меня из темноты за мраморными завитками. И проклял одним взглядом...

— Приготовься, — сказал Альва. — Мы пришли.

Я посмотрела туда, куда он указывал. На арку в стене в дальнем конце дворика. Оттуда веяло холодом. Совершенно неиллюзорным.

Кусты мирта, росшие возле стены, поникли, побитые морозом. На траве лежал иней. Подходя, я почувствовала, как у меня немеют руки и лицо. Изо рта вырвался пар. Перед аркой я остановилась, пытаясь разглядеть, что там внутри. Ноги застыли — то ли от холода, то ли от страха. Альва отстранил меня и шагнул за порог. Тут я опомнилась, быстро достала из-за спины Альфинур и вошла в темноту вслед за ним.

Когда глаза привыкли к сумраку, я обнаружила, что мы стоим в обширном восьмиугольном зале. Белый сводчатый потолок невиданной красоты, словно весь в сосульках, — а может, так оно и было. Окна закрыты решетками со сложным плетением, такими плотными, что сквозь них едва сочился свет, расчерчивая пол мелкими золотистыми звездочками. Пол был весь покрыт чем-то

вроде белого бархатного ковра. Я даже не сразу поняла, что это. Ни разу в жизни не видела вблизи столько снега! У стен его намело целые сугробы. Под снежным покровом смутно виднелись мягкие очертания — то ли диванные подушки, то ли человеческие тела...

В середине зала находился невысокий восьмиугольный колодец, шагов пяти в поперечнике. Кровь князей Шатт, заполнившая его по края, в сумраке казалась черным льдом. Над колодцем стояло темное облако. Смотреть в ту сторону было жутко — от облака веяло смертоносной стужей. Я знала, что дело не только в холоде. Опасно пристально смотреть на демона, и тем более нельзя разговаривать с ним. Обратился к демону — сделал шаг прочь из нашего мира...

Но мы затем и пришли, а потому я смотрела, не отрываясь. И постепенно из этой черноты возникла фигура, похожая на огромную статую из крови и льда. Чем дольше я вглядывалась, тем более четким становилось видение. На две головы выше любого человека, с широкими, надменно развернутыми плечами, закованными в лед, как в алмазную кольчугу. Сияющий обруч на голове, острые уши, серое лицо, горящие глаза — синий и красный.

— Гаухар! — произнесла я, взялась за рукоятку меча двумя руками и встала покрепче.

— Имахена, — раздался из темного облака низкий голос амира демонов. — Я узнал тебя, дочь Ан-Ясина. Ты принесла мой меч?

Я нервно расхохоталась.

— И твой тоже! Не слишком ли много у этого меча хозяев?

— Это родовой меч князей Шатт! — воскликнул Альва.

— Правду сказал, — хмыкнул демон. — Но не всю. Верно, Тысячекратный Свет — родовое оружие клана Шатт. Это был обычный, никому не интересный меч, пока его не заколдовали чародеи из-за моря — специально для меня.

— Для тебя? — изумилась я. — И кто же это сделал?

— Великий амир, твой отец.

Я только моргнула, не находя слов. Мой отец заключил договор с демоном? — Зачем?!

— Чтобы захватить власть, зачем же еще? В борьбе за власть все средства хороши. Когда в междоусобице мелкие племена кланы не могут победить сами, они призывают на помощь сильных союзников извне. Этот меч был символом тройственного союза. Целью его было свержение амира Кабра и уничтожение рода Ахмар. После чего Шатт должны были принести присягу твоему отцу Ан-Ясину. Однако заговор был раскрыт, Шатт

казнены. Меч попал к амиру Кабра, вместе с которым вскоре и пропал в горах... — Гаухар устремил на меня горящий взгляд. — Я должен поблагодарить тебя, дочь Ясина, что ты нашла его и принесла ко мне, Это свидетельствует о том, что наш с ним договор все еще в силе...

— Ты хочешь сказать, — перебил его Альва, — что мои родичи заключили договор не только с врагами царства Мураби, но и с демонами?

— Именно так. Не понимаю, почему тебя это смущает — разве ты не сделал то же самое?

— Да, — протянула я, перебирая в памяти слова Гаухара и сличая с тем, что рассказывал Альва и что мы видели в Окнах. — Какая, однако, грязная история! Зато теперь, по крайней мере, мы точно знаем, за что казнили Шатт...

— Это была не казнь, а подлое убийство! — воскликнул Альва. — Их заманили в ловушку! Пригласили на совет к амиру — якобы для того, чтоб примириться с Ахмар, — и при входе в зал велели сдать оружие, как принято во время подобных переговоров. Но стоило им войти в зал, как Ахмар выхватили свои мечи, и началась резня...

«Их тела бросали в фонтан, пока вода в нем не стала красной...» — вспомнила я рассказ Альвы на заставе.

Но если Ахмар победили, почему они бежали в Ронгу? Почему амир сдал город и погиб в горах? В конце концов, почему мой отец тоже бросил завоеванную страну и сбежал?

«Мураби — царство демонов» — вспомнила я расхожую фразу, которая навязла в зубах еще во время учебы. Не следует ли понимать ее буквально? Демоны, вот кто выиграл ту войну. А люди, к какому бы лагерю они ни принадлежали, стали ее жертвами.

Жертвы...

И тут во мне неожиданно проснулся дипломированный демонолог.

Как известно, лучший способ открыть вход в мир демонов — это человеческое жертвоприношение. Именно так поддерживали связь между мирами в Ронге...

А что может быть эффективнее, чем принести в жертву всю верхушку власти?

Взгляд остановился на блестящей черной поверхности колодца, в памяти зазвучали слова старого Бруха:

«Проклятые порождения кровавого колодца! Вам не удастся растопить лед моей кровью!»

И все стало ясно.

— Вот она, трещина, настоящий проход на ту сторону! —

воскликнула я. — Мы думали, он в Ронге, а он тут!

Альва внимательно смотрел на меня, ожидая продолжения.

— Демон лжет, не было никакого договора! — быстро заговорила я, стараясь не потерять мысль. — А про меч ему не верь — Альфинур зачарован против демонов. А точнее, лично против него, Гаухара. И о тройственном союзе Гаухар врет. Не было никакого союза. — Я взглянула в горящие в сумраке глаза амира демонов. — Гаухар, ты просто всех обманул. Ахмар открыли тебе дверь преисподней, устроив убийство. А жизни твоих предков, Альва, послужили ключом от этой двери!

Амир демонов некоторое время молча разглядывал меня, прежде чем ответить. Я неожиданно обратила внимание, что следит он вовсе не за мной, а за Альфинуром в моих руках.

— Знаешь, зачем он сжег войска в долине Луц? — продолжала я. — Я долго не могла этого понять. Почему он убил воинов Ясина, еще можно как-то объяснить, но чем ему не угодили Ахмар, его союзники?! А потом поняла — нет у него никаких союзников среди смертных и быть не может. Люди для демона не союзники — либо рабы, либо пища. Помнишь видение в Башне? Целью Гаухара было уничтожить опасный для него меч. Ради этого он сжег бы вдесятеро больше людей. Кто этих смертных считает?!

Неожиданно для себя я вдруг сунула меч в руки Альве.

— На, убей его! Ты ведь говорил, что этого хочешь. А если я ошиблась — убей меня. Или просто уйди, как ты привык, и оставь меня с ним!

Из темного облака раздался хохот.

— Пусть свершится предначертанное! Дочь Ясина сама не понимает, что мелет. Пройти такой путь и так ничего и не понять! Не понять даже, кто ее истинный враг. Альва Ан-Шатт, договор был, и ты это знаешь. Договор о совместной защите Мураби от тех, кто приходит с той стороны...

— Еще одно вранье! — крикнула я, вне себя от возмущения.

Альва молчал.

— Благодаря мне ты стал тем, кто ты есть, — продолжал демон. — Обрел знания, власть, долголетие... Ты хорошо служил мне. Я давал тебе достаточно воли, когда ты был мне не нужен, и защищал тебя, когда требовалось. Уничтожив меня, ты не запечатаешь проход — ты раскроешь его! Подумай над этим. Ты уверен, что все закончено?

Альва покачал головой и сказал:

— Уходи!

Прозрачные клыки Гаухара еще раз сверкнули на сером лице, и амир демонов, по-прежнему неподвижный как статуи, начал

медленно погружаться в замороженную кровь. Казалось, он втаивает в лед. Или тонет в нем, как в трясине. Когда Гаухар погрузился до колен, я нетерпеливо спросила Альву:

— Что медлишь? Бей его!

Клинок все так же был направлен на амира демонов, но Альва явно не собирался пускать его в ход. Когда я это поняла, то попыталась отнять его, но Альва перехватил мою руку и вывернул ее — слегка, но так, чтобы я не могла пошевелиться, не причинив себе боли.

— Почему?! — взвыла я, чуть не плача от обиды.

Гаухар, который погрузился уже по пояс, опять разразился хохотом, от которого зазвенели сосульки под потолком и на головы посыпалась снежная пыль.

— Пусти меня! — Оставалось только ругаться — не очень-то подергаешься, когда руку держат на болевом захвате. — Или ты за него?! Предатель!

— Нет!

На поверхности оставалась только голова амира демонов. И вот лед плавно и беззвучно сомкнулся над лысым черепом, хохот умолк. Стало тихо и пусто, как будто тут и не было никакого Гаухара. Только тогда Альва отпустил мое запястье и с размаху вогнал Альфинур в середину колодца.

Меч погрузился в лед до половины и застыл. Лезвие вспыхнуло, будто на него упал луч солнца. Вспышка была такой болезненно-яркой, что я охнула и зажмурилась, забыв о руке. В слепящем сиянии вдруг мелькнуло видение: заснеженные вершины, озаренные утренним солнцем, и светлая, тонкая, как стрела, башня на краю бездонной пропасти, торжественно сияющая в пламени ярко-розовой зари.

«Аманефер, башня Рассвета!»

Вспышка погасла, оставив после себя слепоту и боль в висках. Я помигала, дожидаясь, когда ко мне вернется зрение. В зале было сумрачно и холодно, как пасмурным зимним вечером. Меч крепко вмерз в лед, рукоять уже побелела от инея…

— Что ты сделал?

— Запечатал дверь в мир демонов.

— Но Гаухар остался цел и невредим!

— Верно. Но сюда он больше попасть не сможет, не сможет попасть в этот мир. Пока кто-нибудь не вытащит меч. Я лично за этим прослежу.

— Но почему ты его не убил?!

Альва повернулся ко мне. На миг его лицо показалось мне таким же потухшим, как лица «осиротевших» жителей Ронги.

— Возможно, настанет момент, когда Гаухар нам

понадобится.

— Что - о?!

— Ты ведь тоже слушала его рассказы. В них много неясностей. Первое — Ахмар знали заранее, кого вызывают. Откуда? Второе — кто проводил обряд? Ахмар только убивали, а кто открывал дверь? Кто их надоумил вызвать демона, чтобы разобраться с врагами? Почему именно Гаухара?

Я нахмурилась. В самом деле, столько вопросов без ответа — и все первостепенной важности.

— Так вот почему ты его не убил? Надеешься получить от него ответы?

— Может быть. Но пока попробую найти их сам.

— Каким образом?

— Мы заперли дверь в преисподнюю. А теперь посмотрим, исчезнут ли демоны.

— Ты хочешь сказать...

— Гаухар в чем-то был прав. Я тоже чувствую — они не ушли. Мы изгнали их, но они живы, они следят за нами, выжидая удобный момент, чтобы вернуться. Я это чувствую. Гаухар не был единственным. Возможно, придется снова вернуться в Ронгу...

— Может, стоит остановиться? — спросила я. — Ты только что избавился от своего демона — зачем искать новых? Зачем лезть в такие места, откуда нормальные люди бегут? Зачем рисковать душой, которую ты только-только отвоевал?

На миг Альва снова напомнил мне того надменного гранда, которого я встретила у колодца Академии.

— Ты уже задавала мне эти вопросы, и я отвечу то же самое. Я хозяин башни Полной Луны, Альва Ан-Шатт, наследник Красного замка и хранитель края Мураби. Пока демоны будут приходить, я не уйду отсюда, потому что мне некуда уходить. Здесь мой дом. — Альва наклонился ко мне и заключил меня в объятия. — Если хочешь, и твой тоже.

Я тихо засмеялась, приникнув к нему.

— Хорош дом — заброшенная крепость в проклятых землях!

— А что? Самое подходящее место для таких, как мы. Если демоны вернутся, кто их остановит? А они вернутся, Имахена. От них нельзя убежать. Только начни прятаться, и они найдут тебя где угодно. Неужели ты думаешь, что они о нас забудут? После того, что мы им устроили?

— Тогда никакого бегства, — ответила я. — Остается только драться!

— Вот именно. Бить первыми.

По телу пробежала дрожь. Я крепче прижалась к любимому. О боги, как здесь холодно! Это просто снег, но когда еще удастся

растопить его?

Золотые звездочки на снегу потускнели — должно быть, облако набежало на солнце.

— Может, пойдем? — сказала я. — Пока мы не замерзли насмерть...

ЭПИЛОГ

«Все в итоге сложилось благополучно. Тот, кто причинил мне столько неприятностей, и кого я долго принимала за амира местных демонов, к счастью, оказался всего лишь обычным смертным. Вам наверняка будет приятно узнать, уважаемый мэтр, что это ваш бывший ассистент Альва Ан-Шатт, помните такого? Вместе с которым вы принимали меня в Академию? После затяжного личностного кризиса он тоже решил сменить специализацию с истории магии на практическую демонологию, что, приняв во внимание условия Мураби, даже и неудивительно.

Признаться, сперва наши отношения с бывшим коллегой складывались неровно. Я даже не могу сказать, что мы очень обрадовались друг другу при встрече. А кто обрадуется, встретив конкурента? Альва считал, что поскольку он живет в башне Полной Луны, то все окрестные горы — его. Я же слишком долго вычисляла местонахождение башни, которую вы изволили мельком показать мне во время нашего урока дальновидения, потому и не сдалась и не повернула обратно. Нет, я была полна рвения, побуждающего ее всячески исследовать и употребить во славу науки, во славу моего уважаемого отца, во славу доблестных амирских спецслужб, а также лично вас, мэтр Пласид...

Словом, после некоторых трений мы с Альвой нашли компромисс.

Он — как ученый исследователь, а также наследник династии Шатт — переселился в Красный замок, цитадель Илиберры, чтобы в уединении предаваться исследованиям незримых миров (а именно — теоретическим проблемам демонологии, связанным с поиском трещин между мирами, и вычислением тех, кто способен эти трещины создавать). Я, наоборот, собиралась плотно общаться с местным населением на предмет очищения здешних мест от излишней нежити (исключительно ради куска хлеба с сыром, кстати, обожаю местный сыр!), а потому осталась в башне. Поверьте, если бы я могла ничего не делать, а местные жители кормили бы меня бесплатно, это меня полностью устроило бы. К сожалению, вскоре здешние мурабиты утратили здоровый страх перед Беличьей горой и потоком хлынули ко мне со всех окрестностей, которые все еще полны демонов. Я провожу много времени, охотясь на очередную темную тварь, но куда бы меня

ни занесли поиски, к ужину я возвращаюсь домой — потому что всегда приятно возвращаться туда, где тебя ждут...

Наша дружба с Альвой зашла так далеко, что мы едва не решили поселиться вместе. Только вот не смогли договориться, где — то ли в моей башне, то ли в Красном замке. Я считаю, оно и к лучшему. Ибо Альва Ан-Шатт, при всем своем демоническом очаровании, оказался при ближайшем знакомстве одним из тех упрямых смертных, для кого имеет значение только собственная воля, и горе тем, кто ей противится. А мой нежный и трепетный характер вам знаком. Одна мысль о насилии над ближним внушает мне ужас. Но, увы, благодаря прискорбному пороку лени, меня никогда нельзя было принудить делать то, что мне не по нраву. А мы с Альвой слишком ценим друг друга, чтобы создавать себе проблемы без серьезной причины. Потому вряд ли мы в ближайшем будущем поубиваем друг друга, на что вы, возможно, в глубине души рассчитывали.

Так что можете быть спокойны, уважаемый мэтр, ваша нерадивая ученица нашла верную дорогу. Позвольте поблагодарить вас за все, чему меня научили в Академии, особенно за последний урок дальновидения — он доказывает, что вы и в самом деле иногда заботились и обо мне, а не только о государственных интересах. И передайте поклон и благодарность моему высокочтимому отцу за ненавязчивое руководство в выборе специализации...»

Огонек затрепетал под порывом ветра. Едва не погас, хоть я и накрыла свечу стеклянным колпаком. Я недовольно покосилась на северное Окно. Неуютное все-таки место эта Беличья гора. Даже летом ветер с севера пробирает до костей. Представляю, что тут творится зимой! Да, перетащить наверх ковер и подушки из библиотеки было удачной мыслью. В следующий раз надо будет принести пару одеял и кальян — надеюсь, их не сдует вниз...

Хорошо хоть выручают Окна. Немного тренировки, и через них можно ходить куда угодно. Конечно, это профанация — все равно что пользоваться волшебной палочкой как чесалкой для спины. Но по факту путешествовать приходится гораздо чаще, чем заглядывать в будущее или прошлое, или отслеживать разные варианты реальности, или смотреть в себя, считая тени... И не так уж это просто, ведь всякий раз дорогу прокладываешь сам. Есть места, куда ходить не хочется. Та же Ронга. Или куда тебя могут не пустить. Например, в Красный замок, куда переселился Альва, как только убедился, что демоны после изгнания Гаухара в самом деле не исчезли..

Но меня он всегда пускает. А чаще приходит сам.

Я отложила перо, подула на свиток, ожидая, пока он высохнет. Завтра отдам его капитану почтового корабля в Мадинье, — главное, не проспать прилив... Снаружи уже

стемнело. В Южном окне над горами сияла одна-единственная звезда. Мне вспомнилось мое видение — то, первое, на крыше общественного здания в Мадинье.

Черное небо с крупными звездами.

Черные горы.

Шумные сосновые леса на склонах. Молчаливые пустоши на вершинах. Призрачный блеск далеких ледников.

В темноте, на озаренной луной Беличьей горе — одинокая белая башня. Не слишком высока, однако хорошо видна со всех сторон. В ней четыре стрельчатых окна. В трех из них в самом деле теперь по вечерам горит свет. Одно, обращенное на север, всегда темное. Снизу доносятся вкусные запахи, смех, голоса и звуки гитары — это веселятся Хассим и Эриза, которые решили остаться жить в башне, на правах наших учеников. За порогом — край Мураби. Все те же дикие горы, море мрака, полное хищников. А там где-то, в долинах среди гор, еще и люди живут... Люди, радуйтесь. Теперь здесь живу я!

Я сворачиваю письмо, прячу его в рукав, заглядываю в темное северное Окно и тихонько зову:

— Эй, тебе там не одиноко? Приходи ужинать!